

А 7

Альманах выпуск
XXXVI
библиофила

Международный союз общественных
организаций книголюбов

Альманах АБ библиофила

Альманах
библиофила

Выпуск XXXVI

Москва
2013

УДК 002.(47+57)(082)

ББК 76.106(100)

А70

*Выпуск издания осуществлен при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати
и массовым коммуникациям*

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Л.В. Пустурова

РЕДАКЦИОННЫЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ

*Бакуменко В.М., Быкова Л.В., Дегтярев А.Я., Елишевлов В.П., Жаринский Е.П.,
Лазуцкий О.Г., Петрицкий В.А., Толстяков А.П., Чертков. Л.П.*

АЛЬМАНАХЫ ЦАПОФНАА

Выпуск тридцать шестой

***50 нумерованных экземпляров
в суперобложке
Экземпляр №***

*Точка зрения авторов альманаха
может не совпадать с позицией редакции*

ISBN 978-5-8061-0020-0

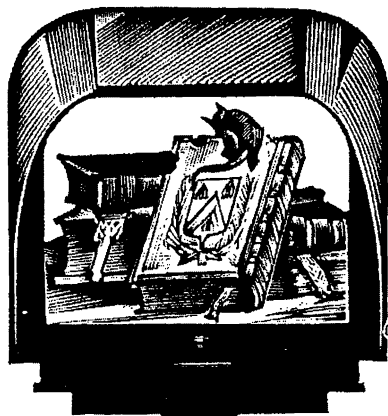
© Международный союз общественных
организаций книголюбов, 2013

© Покатов В.В., художественное оформление, 2013

ВЕЩОУЩАДОУЩИЙ

КОЛОЗ

КНИГОАДОБОД

В БИБЛИОТЕКЕ

Когда опять на сердце буря
Обычную взволнует гладь —
Приди сюда, и бровь нахмуря
В покинутое кресло сядь.

Сиди один. Пусть снова веки
Кропит соленая роса
Ты слышишь — из библиотеки
Загадочные голоса?

И из под тяжелых переплетов
Непрывычную речь —
«Ты утомился, день работав,
Тебе наступит время — лечь.

«Мечту, как облако сквозную
Как нить, бегущую пред ним
И радостную, и больную
Мы затаим и сохраним.

«Во веки жребий одинаков:
Раскованное дней звено
Сплетениями черных знаков
Бессмертно запечатлено.

«Из желтой пыли прожитого
Как феникс огненный, опять
Однажды брошенное слово
В нас будет снова воскресать.

Высокая мечта науки
Любви прекрасная роса
Всё в нас, ведь книги — это руки
Протянутые сквозь века.

Не первый ты, десятый, сотый
На пройденном всегда пути.
Ты отдохнул? Иди. Работай —
Чтобы опять сюда прийти!»

А.А. Сидоров, июль, 1912 год

Из цикла «Приведения» (рукопись из частного архива,
орфография сохранена в редакции автора)

Наше наследие

ИЗДАНИЕ В СЕРИИ «НАШЕ НАСЛЕДИЕ» СЕРИЯ «НАШЕ НАСЛЕДИЕ»

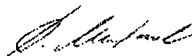
ДИПЛОМ

Прези имени
Дмитрия Сергеевича Лихачёва
журнала «Наше наследие» за 2013 год
присуждена ежегодному изданию

«АЛЬМАНАХ БИБЛИОФИЛА»

(ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР АЛУШТРОВА)

за последовательную пропаганду
книжной культуры
и в связи с 40-летием
издания альманаха

С. М. МЫРОНОВ
Председатель Редакционного совета
журнала «Наше наследие»

В. П. СМЕРНОВ
Главный редактор
журнала «Наше наследие»

Москва
28 ноября 2013 г./20

**40-летие «Альманаха библиофила»
отмечено знаменательной наградой –
премией академика Дмитрия Сергеевича Лихачёва**

Дорогие друзья! Коллеги!

Поздравляю с нашим общим большим праздником – 40-летием замечательного «Альманаха библиофила», основанного в 1973-м году энтузиастами-библиофилами во главе с замечательным Евгением Ивановичем Островым.

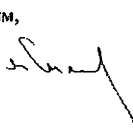
Задуманный по образцу ЛОБовского «Альманаха библиофила» 1929 года, «Альманах» нынешний за годы своего существования стал столь же культовым изданием, как и его прародитель.

Сложно найти библиофила, книголюба, специалиста книжного дела, историка книги или книговеда, живущего в нашей стране, который не держал в руках ни одного выпуска «Альманаха». Не бродил взглядом по страницам заветных рубрик - «Библиотеки и библиофилы», «Поиски и находки», «Дела минувшие», «Книжный развал», «Хроника», «Резцом и кистью», «По следам героев книг», «Пушкиниана», «Наша полка». Не находил бы интересных и полезных для себя рассказов об истории частных собраний, их владельцах и библиофильских находках, а также публикации новых архивных материалов и автографов. Не отдышал бы душой на поэтических страницах выпусков.

Все эти годы «Альманах библиофила» являлся ценным источником информации о становлении и эволюции библиофильства в нашей стране, который, как и сам феномен книжной культуры–русское библиофильство - с честью прошел сложный период смены общественно-политического строя и становления новой культурной парадигмы. Благодаря альманаху можно хронологически последовательно проследить роль собирательства и сохранения книг в процессе развития и распространения культуры, чтения, сохранения и пропаганды книжных богатств.

В этот юбилейный год хочется пожелать всем тем, кто болеет – в хорошем смысле этого слова! – проблемами современного библиофильства (что в современном электронно-гаджетном мире уже само по себе суть подвиг), большого оптимизма, трудолюбия и отменного здоровья на радость всем российским библиофилам!

Руководитель Федерального агентства
по печати и массовым коммуникациям,
председатель Совета Национального
союза библиофилов

М.В.Сеславинский

**СТРАНИЦЫ
ИСТОРИИ
“АБ “
(1973–1977)**

*«Редколлегия «АБ» №1 была немногочисленной: А.П. Маркуше-
вич, Е.И. Осетров, В.Г. Утков, - Л.М. Наппельбаум».*

*Маркушевич А.П. Жизнь среди книг /
Одна, но пламенная страсть / Е. И. Немифовский.*

М.: Изд-во "Книга". 1989. с. 21

К читателям и авторам «АБ»

Так сложилось, что в год своего 40-летия ежегодный «Альманах библиофила» выходит в свет под №36. Объясняется это просто: был в его истории вынужденный перерыв. Сложное время сумело прожить издание – начинало выходить в стране развитого социализма, а ныне продолжается в государстве недоразвитого капитализма. Книголюбы-библиофилы во главе с Е.И. Осетровым основали его в 1973 году на чистом энтузиазме и одержимости. Сегодня основой его жизни является преданность делу наших предшественников и забота о Книге.

Жизнь альманаха протекала «не всегда в материальном благополучии (отсюда 36 выпусков вместо 40), но всегда в духоподъёмной радости интеллектуального общения с книгой и единомышленниками. Залог тому – неизбывная любовь человека к чтению!» – так написано на страницах «АБ» в №30.

Какой путь прошло издание за 40 лет, кто был его авторами, какие проблемы обсуждались, как сама жизнь, общественная, культурная и политическая, находила отражение на его страницах – обо всём этом мы хотим кратко рассказать в исторических обзорах номеров «АБ». Помещённые под общим названием «Читая альманахи», они разделены на три части: первая – становление издания как периодического (№1–4); вторая – «АБ» – рупор советского библиофильства и книголюбия (№5–28); третья – наша с вами современная жизнь опять же в отражении библиофильских буден, со взглядом на историю и сегодняшние проблемы, с которыми сталкивается Книга и Читатель.

Главный редактор А. Шустрова

Читая альманахи (№ 1–4)

Воля судьбы или простое стечение обстоятельств, но случилось так, что выпуск первого номера «Альманаха библиофила» совпал со знаменательной для его главного редактора датой — 50-летием. После чего, ровно 20 лет писатель, публицист, библиофил Евгений Иванович Осетров возглавляя «родное детище», оберегая, храня, делая, всячески пропагандируя его не только в СССР, но и далеко за пределами огромной советской державы.

Первый номер «АБ» в тканевом сером переплётном материале типа «коленкор-модерн», был напечатан в Первой образцовой типографии им. А.А. Жданова тиражом 30 тыс. экз. Его украшала огромная буква «А» («Альманах библиофила»), на титуле — логотип издательства «Книга», а открывался номер статьёй Е. Осетрова «Похвала книге», в которой, что ни строка, то готовая цитата: *«Жизнь прекрасна ещё и потому, что человек может путешествовать... Путешествие и чтение — занятия родственные между собой... От книги к книге мы идём, как путник от горизонта к горизонту...»* и т.д. В этом был весь Е.И. Осетров, а «АБ» — его трибуна, выступать с которой он удостоивал чести лучших из лучших писателей, книгovedов, библиофилов, литературоведов, словом, всех, кто, как и он, готовы были преданно служить её величеству Книге.

С первого номера главный редактор чётко выстраивает структуру издания, обозначая основные разделы: «Книга и жизнь», «Библиотеки и библиофильство», «Поиски и находки», «Адела минувшего», «Книжный развал», «Стихи о книгах и книжниках», «Хроника». Практически в таком порядке содержательные рубрики сохраняются вплоть до «АБ» №6, а далее будут дополняться новыми, например, «Наши публикации», взамен других (исчезнет со временем, как самостоятельная, рубрика «Стихи о книгах...»). В «АБ» №1 подборка первых материалов (с. 7–38) падёт без соотнесения с каким-либо разделом, «в свободном полёте». Помимо статьи Е.И. Осетрова, напечатаны материалы А.И. Маркушевича, В.Б. Шкловского, А.Д. Смирновой, Н. Мацуева. Всего же число авторов «АБ» №1 — более 40. Здесь выступили писатели, библио-

фильмы: М. Осоргин, В. Утков, Е. Петряев, О. Ласунский, Б. Шиллерович и многие другие. Нашлось место и для хроник «50 заседаний Клуба книголюбов ЦДА», на которых зарождалась идея воссоздания «АБ». Интересна подборка фотографий Ал. Лесс «Сфотоаппаратом». Словом, заявка на серьёзное библиофильское издание была сделана хорошая, но выхода «АБ» №2 пришлось ожидать почти два года. В 1975 году в издательстве «Книга» вышел в свет «АБ» №2, который открывался официальным документом – Приветствием ЦК КПСС «Учредительному съезду Всесоюзного добровольного общества любителей книги», перепечатанным из газеты «Правда» от 3 октября 1974 г. (дата рождения легендарного ВОК, под чьим «крылом и опекой» «АБ» начнёт выходить с №5 (1978 г.).

После политических призывов и пожеланий в «АБ» №2 – вновь статья Е. Осетрова «Сражающаяся книга» (что называется «в тему»). Опять возникает желание процитировать Евгения Ивановича: *«Будем всегда уважать книгу из-за любви и почтения к человеку!»* А далее – все материалы также строго выдержаны в перечисленных выше рубриках. Но нельзя не отметить «заглавные» из них. Это, прежде всего, статья А.И. Маркушевича «Советское библиофильство» – аналитический материал, носящий несколько «заказной» характер, но, тем не менее, в нём сделана попытка, с научной точки зрения, определить новое содержание, новые черты характера такого явления – как советские библиофилы. Заканчивается она оптимистически: *«... библиофильству, которое уже сумело приобрести у нас новый, социалистический облик, суждено счастливое будущее!»*. Число авторов «АБ» №2 практически не уменьшилось – 39, рубрики сохранены и темы затронуты интересные. Например, в рубрике «Библиотеки и библиофиль» пишется о библиотеках В.М. Жемчужникова, А.И. Менделеева, Д.П. Бутураина, И.С. Тургенева и др. Это ли не интересно? Заметим ещё, что «АБ» №2 выходит в суперобложке и оформлен художником В.В. Вагичим.

«АБ» №3 открывается беседой с писателем С. Наровчатовым «Путешествие по книжным рекам», но предваряет её, вступительная статья, адресованная XXV съезду КПСС, с полагающимися

по этому случаю цитатами из речи Л.И. Брежнева и заканчивающаяся соответственно: «... библиофилия, как видно, не только приятное занятие, но и полезное, общенародное дело».

К слову, именно с «АБ» №3 интервью с известными писателями, поэтами, артистами публикуются регулярно. Они оживляют страницы издания, вносят свой колорит. Среди авторов – известные учёные-книговеды: Е.А. Немировский, А.А. Сидоров, А.И. Маркушевич. Появляется статья об экслибрисах С. Вуля. Печатают свои стихи В. Рождественский, Л. Мартынов, Новелла Матвеева и др. В «Хронике» есть информация о библиофильском клубе «Воронежский библиофил», возглавляемым О.Г. Ласунским, из недр которого возник потом “самиздатовский” альманах «Воронежский библиофил».

«АБ» №4 начинается с анкеты, в которой предлагается обсудить актуальные вопросы библиофилии и книгоиздательского дела. Вопросы предложены следующие: «Ваш взгляд на роль книги в современном мире? Ваше отношение к собирательству книг и личным собраниям? Ваша наиболее памятная встреча с книгой? Книга и будущее». Ниже приводятся ответы С. Баруздина, Т. Мавриной, Н. Кузьмина, А. Овсянникова. Открывается анкета, как нетрудно предположить, статьёй Е.И. Осетрова «Глазами времени»: «*Время порой совсем незаметно для нас – меняет отношение к чёрным строчкам на бумаге*» (как это современно звучит сегодня).

А далее – те же рубрики и, собственно, развитие той же тематики. Выделим новое: статья П. Почтовика «Заметки о советских миниатюрных изданиях» и статья Я. Бейлинсона «История и жизнь страны в экслибрисах». В «Поисках и находках» находим новый для альманаха жанр – рассказ Льва Анисимова «Письмо». Количество авторов сократилось до 34. Число членов редколлегии пока прежнее – четыре человека: Е.И. Осетров, А.И. Маркушевич, А.М. Напсельбаум, В.Г. Утков.

Так начинался этот замечательный проект, пропагандирующий любовь к книге, чтению, библиофильству и просвещению.

(обзор составила Л. Шустрова)

С мечтой о библиофильском рае

Олег Ласунский (Воронеж)

Е.И. Осетров, 1978
(Из архива И.В. Быкова)

Отец с матерью были у Евгения Ивановича Осетрова профессиональными библиотекарями. Кажется, это обстоятельство в немалой мере повлияло на судьбу сына: он всегда состоял при Книге, которую воспринимал как универсальное средство постижения мира и как неисчерпаемый источник духовных утех. Сегодня, когда конкурентом традиционного чтения выступают новейшие информационные технологии, необычайно важно прививать молодёжи вкус к общению с печатной книгой.

Передо мной – стенограмма заседания президиума Всесоюзного общества любителей книги от 25 апреля 1989 г. (председательствует Е.И. Осетров). Предмет обсуждения – рутинный: о ходе отчётно-выборной кампании в книголюбительских организациях Белорусской ССР. Выступающие отмечают хорошо налаженную работу с юными литераторами: дескать, устраниваются конкурсы, проводятся творческие встречи с мастерами пера, поощряются лучшие сочинения. . . Осетров со свойственной ему деликатностью корректирует пафос ораторов: «Мы столько наплодили в стране литераторов, что численный состав Союза писателей СССР перевалил уже за десять тысяч членов – создаётся впечатление, будто воспитание начинающих авторов превращается в производство графоманов. . .» И в то же время, развивая свой тезис председатель собрания, самая запущенная область в деятельности книголюбительского общества – это воспитание читателя, привитие юношеству эстетики чтения, умения проникнуться очарованием конкретного печатного текста. Что касается

профильного журнала «В мире книг», то он, по мнению Осетрова, занимается всем, чем угодно, только не выращиванием читательской поросли: жаль, что редакция встала на путь пропаганды безликой массовой культуры!.. Евгений Иванович редко бывал так сердит, как в тот раз...

Одну из своих ключевых статей Е.И. Осетров озаглавил — «Слово о Большом Читателе» (1973). Этот образ Большого Читателя, то есть человека, для которого жизнь без книги немислима, сопровождал Евгения Ивановича во всех его просветительских деяниях. Вот и серпий пос издание «Альманаха библиофила» (далее — «АБ») осуществлялось им с целью приобщения советских людей к сокровищнице отечественной изящной словесности. В упомянуемом протоколе есть на сей счёт примечательная реплика Осетрова: ему как главному редактору «АБ» частенько пеняли, что сборник, мол, не имеет прямого отношения к собственно библиофильской проблематике. Ссылаясь на дореволюционный журнал «Русский библиофил», Осетров парирует нападки оппонентов: собирательская страсть предполагает глубокие познания в различных гуманитарных областях, знакомство с широким культурным фоном соответствующей эпохи... И с этим доводом не поспоришь!

Тем не менее, нельзя не признать: в «АБ» тематика и в самом деле порой бывала сильно смещена в сторону историко-литературного и культурологического содержания. Заядлых библиофилов это сначала смущало, потом стало злить, но от приобретения очередного выпуска «АБ» никто не отказывался: все 28 «осетровских» томиков стояли рядом на домашних полках как своеобразный памятник многотрудной издательской затее.

Смысловое наполнение «АБ», естественно, диктовалось приоритетными для редактора (он же — и составитель) соображениями и кругом его знакомств в писательском сообществе. Евгений Иванович был прежде всего эссеистом и литературным критиком. Он занимал престижные должности, его внимания домогались бесчисленные авторы, в первую очередь, рифмоплёты. Для своего непростого времени, Осетров не любил откровенничать, раскрываться в разговорах. Он осторожничал в посылках и оцен-

ках, старался не уклоняться от спущенных свыше партийных установок. Он окончил, помимо Литинститута, Академию общественных наук при ЦК КПСС, был сотрудником газеты «Правда», первым заместителем главного редактора журнала «Вопросы литературы»: с расчётом на его преданность власть помогала сделать карьеру. Однако будучи литературным функционером довольно высокого ранга, Евгений Иванович не утратил искренности книжнического чувства, каковое, вероятно, было ему крайне необходимо для душевного равновесия. С 1970 г. Е.И. Осетров возглавлял Клуб книголюбов при Центральном доме литераторов и относился к этой общественной обязанности отнюдь не формально. Заседания проходили в малом зале ЦДЛ на первом этаже. Иногда они затягивались, но Евгений Иванович в строго определённый срок прекращал прения и незаметно исчезал, между тем, как в зальчике не стихали зазвучавшие речи. Осетрову все-таки не хватало библиофильской одержимости, да и вряд ли он был библиофилом, в полном значении этого слова. Но для развёртывания книголюбительского движения в стране он сделал исключительно много: ежегодное появление издававшегося большими тиражами «АБ» внедряло подзабытое понятие «библиофильство» в массовое сознание. Осетровский АБ продолжал выполнять свою гражданскую миссию по реабилитации фигуры «чудака-коллекционера», начатую в послевоенные годы произведениями Н.П. Смирнова-Сокольского, В.Г. Лидина, П.Н. Беркова и др.

Для стартового выпуска АБ я подготовил этюд «Путешествие по старой библиотеке». Его героем стал М.А. Михайлов, поэт, публицист, переводчик, сотрудник некрасовского «Современника», революционный деятель 1860-х гг., политический каторжанин. Мне хотелось осветить эту примечательную личность под непривычным углом зрения. Михайла Ларионович был, оказывается, ещё и пламенным поклонником и ценителем различных печатных редкостей. Я собрал по крупицам рассеянные по библиографическим источникам сведения. Евгению Ивановичу моя работа показалась небесполезной.

В телефонном разговоре с Осетровым возникла идея организовать обсуждение первого выпуска "АВ" на базе нашего кружка «Воронежский библиофил». 25 октября 1973 г. такое обсуждение состоялось. На заседании царил приподнятое настроение. Ещё бы: у российских библиофилов после десятилетия вынужденной немоты появилась своя высокая трибуна!.. Евгений Иванович посоветовал материалы заседания отправить в журнал «В мире книг». Там они и были помещены в третьем номере за 1974 г.

Необходимо подчеркнуть вот что: московский "АВ" проторил дорогу и другим типологически близким ему книгам. Только с оглядкой на столичный образец можно было в застойную пору пробить брешь в местных издательских темпранах. Неординарная осетровская инициатива послала в провинцию мощный созидательный импульс. Собратья московского "АВ" появились на Урале, в Сибири и иных краях... Центральное Черноземье и вовсе отличалось: столичный опыт преобразовался у нас в «самиздатовский» машинописный журнал «Воронежский библиофил». Он выходил ежемесячно с октября 1973 г. по декабрь 1974 г. включительно. Среди наших авторов было много известных москвичей (к примеру, А.И. Маркушевич, Е.А. Пемировский, А.А. Сидоров, А.П. Толстяков и др.). Редактор "АВ" долго отбивался от меня, ссылаясь на свою извечную занятость, но я был напорист, и Евгений Иванович сдался: прислал несколько листочков с воспоминаниями о своих встречах с Д.И. Сытиным, сыном знаменитого издателя. Экземпляр с этой заметкой я послал Осетрову. Он в декабре 1974 г. отдался своим «Эподами о книгах» (Москва, 1974). В инскрипте, выполнявшем одновременно роль краткой предновогодней эпистолы, Евгений Иванович бурно выражал свой «восторг и зависть» и даже именовал меня «прирожденным издателем-библиофилом» (может, ему действительно было издаелека виднее!).

Во всей этой задорной истории следует учесть одно существенное обстоятельство: как лицо сугубо официальное, как человек вполне «правильный» и «благонадежный», Евгений Иванович должен был бы относиться к нашей рискованной затее с некоторой опаской (журнал-то неподцензурный, мало ли что там эти

озорники понапечатают!): неслучайно он так упорно отказывался от участия в «Воронежском библиофиле». Но эмоциональный порыв книжника пересилил холодный расчёт администратора-перестраховщика. Осетров вообще неоднократно совершал публичные поступки, которые шли вразрез с его чиновничьим положением в писательской среде. . . Когда Евгений Иванович убедился, что в нашем журнале представлены добротные и оригинальные сочинения, он стал настойчиво просить передать наиболее значительные из них в его «АВ». Мне было очень неудобно ему отказывать в такой малости, но я остался твёрд в своём убеждении: неэтично передавать куда-либо (пусть даже и в «АВ») специально для нас созданные тексты. Евгений Иванович согласился с моими доводами и ничуть не обиделся: от него по-прежнему приходили почтовые баулеролы с издательскими новинками. . .

Мне нравится время от времени перелистывать осетровские книги, особенно те, которые дороги мне по своему пафосу. Это, прежде всего, книги, где явственно ощущается авторская симпатия к провинциальной жизни. Костромич по происхождению, Евгений Иванович вернулся с фронта на свою малую родину, откуда его вскоре поманил свет рубиновых звезд кремлевских башен. Осетров не только «завоевал» столицу, но и воспел её в многочисленных сочинениях. Его сборник лирических новелл «Моё открытие Москвы» выдержал несколько изданий (1981–2009); для малышей предназначалась красочная книга «Твой Кремль», тоже неоднократно переиздававшаяся (1974–1980). Популярное московведение многим обязано Осетрову, который легко переносился воображением в минувшие исторические эпохи.

Но как бы ни приспособливался Евгений Иванович к столичному житью-бытью, он сохранял в себе чувство «духовной оседлости», сердечной привязанности к своим родовым корням. Москвич по прописке, он часто обращался к сюжетам, почерпнутым из периферийной реальности. Сборник очерков «Познание России» (1962–1974) я отношу к его лучшим творениям; думаю, книга в значительной степени способствовала зарождению в читателях искреннего интереса к местной старине: автор

подбодрял подвижников краеведения, подталкивал их к новым разысканиям и находкам. . .

Книжническая тема тоже интуитивно осваивалась Е.П. Осетровым. Работы о «друкаре Иване Фёдорове», рассказы об «изустной, письменной и печатной Руси», факсимильное воспроизведение в 1988 г. раритетного «Волшебного фонаря. . .» (1817), «Записки старого книжника» (1984), обильно иллюстрированные гравюрами на дереве художника-эскиптрисиста Анатолия Калашиникова, — всё это валялось чистым ручейком в безбрежное море литературы, посвящённой книгам и книжникам.

И всё-таки самым сокровенным проектом Осетрова-книжника оставался «Альманах библиофила». Связанные с ним замыслы неизменно волновали Евгения Ивановича: не удовлетворяясь достигнутыми успехами, он хотел большего. О масштабности этих планов, о межгосударственных амбициях редактора «АВ» свидетельствует его письмо от 17 ноября 1987 г., адресованное первому заместителю председателя Центрального правления Всесоюзного добровольного общества любителей книги С.Г. Шувалову (оно находится в собрании воронежца В.Г. Крастьяникова). Привожу здесь письмо полностью — в надежде, что изложенные в нём факты и аргументы пригодятся будущим летописцам национального библиофильства:

«Уважаемый Сергей Гаврилович! «Альманах библиофила» имеет широкую международную известность: в нём регулярно публикуются зарубежные авторы, обзоры альманаха публикуются в польской, венгерской, чехословацкой прессе, а в Англии он воспроизводится факсимильным способом. Все это способствует улучшению и расширению пропаганды советской книги за рубежом.

В настоящее время в издательство «Книга» сдан монгольский сборник, готовится выпуск, посвященный 1000-летию славянской письменности, работа над которым потребует контактов сотрудников редакции со славистами за рубежом. В связи с этим просим предусмотреть в планах зарубежных поездок сотрудников ВОКа поездки в Болгарию, Чехословакию, Югославию, ГДР, Финлян-

А.В. Успенский, Г.И. Осетров (фото из архива ВОК–МСК)

дно для работы в книжных фондах крупнейших библиотек этих стран.

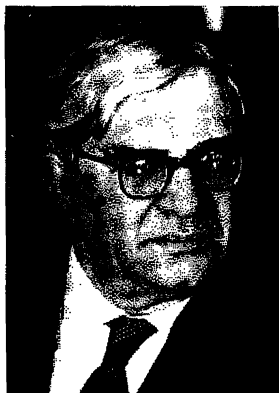
Зарубежные командировки сотрудников «Альманаха библиофила» могут быть также осуществлены по линии Союза журналистов и Союза писателей СССР по согласованию с ВОК».

Как видим, редакторский темперамент Е.И. Осетрова даже спустя много лет не утратил своего первоначального накала. Работа над альманахом по-прежнему доставляла ему большую внутреннюю радость...

Так уж получилось, что первый и последний выпуск «АБ», подготовленные Е.И. Осетровым, были предварены его прелестными эссе – «Похвала Книге» и «Библиофильский рай». В этой «закольцованности» есть некий высший смысл. Публичная деятельность Евгения Ивановича на книжном поприще была, безусловно, во всех отношениях «богоугодной», а яркий и смелый образ «библиофильского рая» невольно накладывался на его собственную участь. Территория книжного собирательства, похоже, виделась Осетрову таким благоуханным Эдемом с его неутомимыми садовниками. Евгений Иванович и сам посадил и выросил ароматный цветок, именуемый «Альманахом библиофила».

“Неповторимая индивидуальность собирателя”

(интервью с Е.А. Немировским о А.И. Маркушевиче)

А.И. Маркушевич, 1975
(Из архива Н.В. Быкова)

– Евгений Львович, в этом году исполняется 40 лет с момента выхода в свет первого номера «Альманаха библиофила». Ваше отношение к этому изданию?

– «АБ» делал большое дело для популяризации книги, науки о книге и книжном деле. Я написала в альманахе («АБ» № 4, 5, 6, 7) главы из документальной повести «По следам первопечатника», которая потом вышла отдельной книгой в издательстве «Современник». Помимо, там печатались мои статьи «Слово о книге» («АБ» №17) и другие, также вышедшие потом отдельными

брошюрами. Так что, об «АБ» у меня сохранились самые тёплые воспоминания, как и о его главном редакторе Евгении Ивановиче Осетрове – человеке очень грамотном, много делавшем для популяризации науки о книге. Когда в 1982 году он предложил мне войти в состав редсовета («АБ» №13), я согласился, но активного участия в обсуждении номеров на редколлегиях не принимал. Честно сказать, не знаю даже были ли таковые вообще.

– Состав редколлегии первых номеров «АБ» состоял из четырёх человек, в их числе был А.И. Маркушевич. Вы его хорошо знали, много и плодотворно сотрудничали с ним. В юбилейном номере хотелось бы обязательно вспомнить о человеке, который «сыграл немалую роль в зарождении у нас массового книголюбия».

– Вы процитировали мои слова из статьи «Одна, но пламенная страсть» об Алексее Ивановиче, написанные в предисловии к его замечательной книге очерков «Жизнь среди книг» (М., Книга, 1989), издании ВОКа, и вошедшей потом в мой сборник «Жизнь для книги» (М., Либерия-Бибинформ, 2007). В ней я постарался рассказать о его жизни и его библиотеке, а точнее, о круге его со-

бирательских интересов и, конечно, о его общественной, научной деятельности, касающейся, прежде всего, теоретических проблем библиофильства.

А.П. Маркушевич был членом редсовета «АБ» всего шесть лет, но какой яркий след оставили его публикации на страницах этого популярного, особенно в 70-80-е годы, издания! Тираж «АБ» неуклонно возрастал с 30000 экз. (№ 1, 1973 г.) до 50000 экз. (№ 6, 1979 г.). «АБ» в обязательном порядке по рассылке доставлялся во все областные и республиканские библиотеки огромного Советского Союза. А редколлегия была действительно немногочисленной: А.П. Маркушевич, Е.Н. Осстров, В.Г. Утков, Л.М. Наппельбаум. Материалы Алексея Ивановича публиковались практически в каждом номере. В основе проблемной статьи «Советское библиофильство» (№ 2, «АБ», 1975) лёг доклад «Библиофильство в социалистическом обществе», прочитанный А.П. Маркушевичем на пленарном заседании Второй всесоюзной научной конференции по проблемам книговедения в 1974 году. Статья постулировала тот факт, что «библиофильство есть явление общественное, способное к развитию и изменению». Далее, А.П. Маркушевич пытался разграничить два понятия «книголюбие в нашей стране, избравшей научно-технический прогресс в качестве главного инструмента строительства нового общества», и традиционное библиофильство. С этой целью, А.П. Маркушевич ввёл два критерия, позволяющие различать библиофильство в книголюбии». Первый из них – обязательный интерес к книге как предмету материальной культуры, как к вещи, «сделанной многими умными и заботливыми руками по законам технологии и книжного производства». Конкретизируя слова Маркушевича, можно было бы уподобить библиофила книговеду. Последний, в отличие от историка литературы, в первую очередь, интересуется «изданием», а затем уже «произведением». Точно так же поступает и библиофил, в отличие от книголюбя, хотя, конечно, как для первого, так и для второго определяющую значимость сохраняет содержание книги.

Второй критерий, характеризующий библиофила, по мнению А.И. Маркушевича, состоит в том, что «библиофил стремится окружить себя книгами и в быту, у себя дома, и при этом оберегает их от преждевременного увядания, как оберегают нежные и хрупкие цветы». Мне этот критерий не кажется столь значимым, ибо точно так же поступает и книголюб, который вносит книги в интерьер своего жилища, ни в малой степени не интересуясь их содержанием. Само время подтвердило, что сегодня книга, даже в качестве интерьера, сравнительно редко украшает современные квартиры и дома.

Но, к чести Алексея Ивановича, он никогда не стыдился открыто говорить и писать о своих взглядах, даже когда они существенно менялись. Ведь в рецензии 1973 года на библиофильскую трилогию П.Н. Беркова, опубликованную в сборнике «Книга. Исследования и материалы», он ставил знак равенства между книголюбам и библиофилами.

– В ракурсе сегодняшних реалий как бы Вы, Евгений Львович, охарактеризовали эти два понятия: книголюбие и библиофильство?

– Полагаю, что задуматься над различиями книголюбия и библиофильства А.И. Маркушевича подтолкнул книжный бум 70-80 гг. в СССР. вспомните хотя бы знаменитое «макулагурное движение» того времени. Сегодня обстоятельства существенно изменились. Во многих семьях вы вообще не увидите домашних библиотек. Отчасти, это порождено вторжением компьютерных технологий в наш быт. Зачем держать на полке тома «Войны и мира» Л.Н. Толстого, если их можно «кликнуть в интернете». Так что широкое народное книголюбие в России осталось в прошлом. Конечно, «задушили» его не только электронные технологии, но и «кусачие» цены на книги.

Существенно изменилась и природа библиофильства. Библиофил советского времени – это скромный в быту, экономный человек, проводивший значительную часть своей жизни в походах по букинистическим магазинам. Он много не мог себе позволить, например, купить прижизненное издание Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву» за 125 советских рублей.

Современный библиофил – фигура совершенно иная. Это, как правило, состоятельный человек, решивший часть своих накопленных выгодно вложить через приобретение редких драгоценных книг. На нынешних международных аукционах приобретатели из России выкладывают за некоторые издания по 30–50 тысяч долларов. Участвуют в этом процессе продажи и библиофилы старшего поколения, продавая и «отрывая от души» любимые приобретения. Но тут, чаще всего, цель иная – прожить остаток лет в скромном достатке, получить деньги на лечение и лекарство.

Поэтому, возвращаясь к теоретическим изысканиям Маркушевича, можно с большой уверенностью утверждать, что они были верными для своего времени, но сегодня это уже предмет истории развития российского библиофильства.

– Мы говорили, что А.П. Маркушевич был, прежде всего, математиком, но с полным правом его называли книговедом, историком книги. Однако у него были и другие таланты?

– Да, в области книговедения он работал вполне профессионально, опубликовав не менее 50 статей, но в то же время Алексей Иванович был талантливым писателем-популяризатором и в области истории книги. В третьем выпуске «АБ» (1976) он опубликовал завлекательные «Рассказы о книгах», легко и доступно поведал об изданиях и рукописях, которым посвящены его специальные статьи: о тех же «Символах и эмблемах», например, или же об «Артиллерии» И. Нароновича-Наронского.

Надо сказать и о беллетристических талантах Алексея Ивановича. На одном из заседаний Секции книги Московского дома учёных он прочитал весьма необычные по своему содержанию и форме сказки. Одна из них называлась «Женщина-книга». Сказки эти Маркушевич включил в подготовленный им в последние годы жизни сборник книговедческих и библиофильских работ. Но сборник в свет не вышел. В 1987 году друг Алексея Ивановича – профессор-латинист Юрий Францевич Шульдц – опубликовал сонеты, которыми он и Маркушевич как-то обменялись. Так что и поэтический талант не был чужд ему.

– В своих статьях о А.И. Маркушевиче Вы, Евгений Львович, с сожалением констатировали печальный факт: книжные сокровища, которые всю жизнь собирал и лелеял Алексей Иванович Маркушевич «фрагментировались в колоссальных «франилицах» главной библиотеки страны».

– Алексей Иванович собрал уникальную библиотеку. Однажды меня попросил познакомиться с ним приехавший в Москву профессор Бруно Кайзер, президент библиофильского Пиркгаймеровского общества, директор библиотеки Института марксизма-ленинизма при Центральном комитете Социалистической единой партии Германии. Просьба повергла меня в сомнение. Я бывал в Берлине в двухэтажном, обитом ползучими розами особняке Кайзера, видел его великолепную просторную библиотеку. Удобно ли везти иностранца в стандартную московскую квартиру, явно не соответствующую высоким чинам и званиям человека, которому она принадлежала – вице-президента Академии педагогических наук СССР, в недавнем прошлом, заместителя министра просвещения СССР?

Мы всё-таки послали, ибо Алексей Иванович, которому я позвонил, сказал, что с большим удовольствием покажет своё собрание библиофилу, о котором так много слышал. В этот вечер из уст Кайзера чаще всего вырывалось понятное и без перевода немецкое слово «kolossal». А затем он спросил у Маркушевича: не боится ли тот жить рядом с такими немислимыми ценностями? Мы не стали объяснять гостю, что московские грабители ещё не доросли до понимания ценности инкунабулов и палсотипов. Книги, особенно же иностранные, в ту пору ещё не воровали.

– Однако А.И. Маркушевич сам себя коллекционером не считал?

– А.И. Маркушевич никогда не стремился к полноте отдельных разделов библиотеки, да и при широте его собирательских интересов это было бы немисливо, поэтому и не считал себя коллекционером, ибо, утверждал, что «коллекционирование всегда предполагает установление более или менее определённых границ, относящихся к тематике, содержанию, характеру собираемых книг, за пределы которых собиратель не выходит и внутри которых пытается достичь максимально возможной полноты».

Свое библиофильское кредо Алексей Иванович сформулировал в следующих словах: «Для меня и для жены наша библиотека – это наше продолжение в книгах, реализация возможности расширить, углубить наш духовный мир, многократно увеличить объём памяти, возможность встреч и бесед с интереснейшими людьми всех веков и народов. Каждая вновь приобретённая книга может послужить поводом для расширения тематики нашей библиотеки». Это цитата из его статьи «Библиотека А.И. Маркушевича и А.В. Маркушевич-Ивановской», опубликованной в сборнике «Памятники культуры. Новые открытия». В ней же он выделил следующие основные разделы своей библиотеки, которая, как подчёркивал, «имеет энциклопедический характер»: рукописи; инкунабулы, первопечатные славянские книги; классические научные и философские произведения; история; география; путешествия (преимущественно в связи с историей России до начала XIX века); литература и искусство.

Е.А. Немировский
(Из архива В.В. Покатова)

После передачи библиотеки в Ленинку, вышел «Сводный каталог инкунабулов небольших собраний, хранящихся в библиотеках СССР» (Сост. Н.А. Черкашина, К.А. Биленькая), в котором было описание коллекции инкунабулов, переданной А.И. Маркушевичем. Основная же часть её вошла в фонды книгохранилища по разделам, но как единое целое, к сожалению, не сохранилась.

– Евгений Львович, сегодня кроме «АБ» только в Москве выходят ещё несколько библиофильских изданий: «Библиофилы России», «Библиофильские известия», «Про книги», различные сборники, книги. Как Вы относитесь к этому?

– В связи с серьёзными проблемами зрения, я практически ничего подобного не читаю и изданий этих не видел. Хотя свою статью «Собиратели книг кирилловской печати» в том I «Библиофильство и личные собрания» дал. Считаю, что выход таких объёмных сборников по библиофильству способствует пропаганде книги, в целом.

– У Вас много научных исследований, касаются ли начала книгопечатания в России и деятельности Ивана Фёдорова. Как Вы думаете, в современных условиях электронных СМИ у печатной книги есть будущее? И не ждёт ли библиофильские издания участь музейных экспонатов?

– Думаю, будущее у хорошей книги есть всегда, потому что, в любом случае, общение с ней доставляет радость, и никакая электронная книга вытеснить печатную не сможет. Помните, как в хорошо всем известном фильме «Москва слезам не верит» героиня говорит о том, что TV заменит всё. Можно было бы сказать, что в современных условиях интернет заменит всё, в том числе и TV тоже. Уверен, этого не произойдёт. Также, как и раньше, мы будем обращаться к Книге, как источнику радости и вдохновения, перелистывать страницы, ощущая свою сопричастность автору, её написавшему, сопереживая его мыслям и чувствам.

– Спасибо за предоставленное интервью. Здоровья Вам и долголетия!
Беседу записала: И. Шустрова

“Хороший отряд книг”

(Издания В.Г. Уткова в библиотеке Е.А. Петряева)

Владимир Семибратов (Киров)

В 1975 г. в Кировской областной научной библиотеке им. А.И. Герцена был создан сектор редких, ценных книг и рукописей, преобразованный в 2009 г. в Региональный центр по работе с книжными памятниками.

К таковым отнесены, в частности, вошедшие в библиотечное собрание в разное время коллекции книг известных людей. Одним из них является классик литературоведческого жанра, писатель-библиофил Е.А. Петряев (1913–1987), в качестве военного врача приехавший в г. Киров из Забайкалья в 1956 г. В результате неутомимой деятельности «проходчика литературных руд» (выражение В.Г. Андина) и сформировалась его личная коллекция, хронологически охватывающая 1704–1999 гг. и включающая в себя 5495 экземпляров книг, брошюр и журналов (прежде всего по литературоведению, книжному делу и библиографии). Неслучайно она получила статус федерального значения.

«Особенностью петряевской коллекции, – констатируется на сайте КОУНБ им. А.И. Герцена, – является наличие в ней огромного количества автографов. Среди тех, кто подарил Петряеву книги, – учёные, писатели, литературоведы, книговеды, библиофилы, краеведы, журналисты. Многие книги коллекции имеют самодельные суперобложки или футляры, часть из них заново переплетена. Особый интерес книгам придают вкладыши: газетные вырезки, фотографии, письма, листы с дополнениями и уточнениями»¹.

В.Г. Утков

Всё сказанное в полной мере относится к имеющимся в коллекции книгам другого классика отечественного литературоведения, друга и соратника Е.Д. Петряева, В.Г. Уткова (1912–1988). Всего их тринадцать, при этом дарственной надписи нет лишь на первом по времени изданию – биографическом очерке «Пётр Павлович Ершов», увидевшем свет в 1950 г. в г. Новосибирске.

О тесных личных и творческих связях двух выдающихся деятелей культуры, активно обменивавшихся друг с другом книгами и письмами, свидетельствует, например, часть их большого эпистолярного наследия, опубликованная в 2010 г. в альманахе «Библиофила России»². Первое письмо в ней (Е.Д. Петряева В.Г. Уткову от 15 января 1962 г.) начинается с фразы «Давно хочу спросить у Вас...»³ и указывает на гораздо более раннее заочное знакомство корреспондентов. Возможно, оно состоялось после того, как в 1958 г. В.Г. Утков, к тому времени давно перебравшийся из родной Сибири в Москву, откликнулся в печати на недавний выход в г. Чите книги очерков Е.Д. Петряева по истории культуры Забайкалья «Люди и судьбы»⁴. О трудах своего вятского друга Виктор Георгиевич будет писать и позднее⁵, как, впрочем, и Е.Д. Петряев не оставит незамеченным выход утковских исследований⁶.

Первой из подписанных В.Г. Утковым книг, хранящихся в коллекции Е.Д. Петряева, является повесть о П.П. Ершове «Рождённый в недрах непогоды» (Новосибирск: Западно-Сибирское

книжное издательство, 1966). Надпись такова: «Дорогому Евгению Дмитриевичу Петряеву – дружески от автора. 31 января 1967 г. г. Москва. Виктор Утков».

Получив книгу 4 февраля, Е.Д. Петряев в тот же день отправил автору благодарственное письмо со словами:

«Роскошная штука! Душевно благодарю и очень рад за Вас. Искренне поздравляю. Постаралась сибиряки, хорошо и достойно оформили книгу. Конечно, с великим вкусом прощудирую. Ершова давно и верно люблю.

Надеюсь, что плавание книги в книжном море будет долгим и победным. Но не почивайте на лаврах. Беритесь за новое: продолжение так необходимо и так значительно. Думаю, что Вы уже многое сделали. Получится, вероятно, трилогия?»⁷.

Уже 5 июня того же года Е.Д. Петряев поспешил поблагодарить своего друга за новый подарок – сборник очерков «Книги и судьбы» (М.: Книга, 1967) с надписью: «Евгению Дмитриевичу Петряеву с глубоким уважением, дружески В. Утков. 28/V 67 г. г. Москва».

«Новая Ваша книга очень близка мне по теме и материалу, – написал её счастливый обладатель автору. – Одну ссылку на неё я уже внёс в свою сибирскую рукопись (о рукописях Юдина). Вообще, детальное знакомство оставляю до осени. Сейчас спешу со сладчай рукописи, которую очень требуют из Читль»⁸.

В письме выражена надежда Евгения Дмитриевича на личное знакомство с В.Г. Утковым «в конце лета... в Москве»⁹, однако состоялось оно лишь 7 апреля 1970 г., что последний в своём дневнике описал так:

«... Днём неожиданно звонок – Е.Д. Петряев. Переписываемся уже более 10 лет, а вот встречаться не пришлось. Говорили по телефону минут тридцать обо всём, своего рода обнюхивание.

Е.Д. Петряев

Кажется, оба остались удовлетворёнными, обнаружив сходные мнения по ряду вопросов. Да так оно и должно быть. К отходу поезда я подъехал на Курский. П. таков, каким я его представлял -- среднего роста, сухощавый, коротко стриженный. Умное симпатичное лицо...»¹⁰.

Через несколько месяцев новая книга В.Г. Уткова «Дороги "Конька-Горбунка"» (М.: Книга, 1970) была послана в Кировна-Вятке, как обычно именовав свой город Е.Д. Петряев, с такими словами: «Евгению Дмитриевичу Петряеву — с любовью Виктор Утков. 28/IX 70. г. Москва». В конце февраля следующего года по тому же маршруту отправился сборник очерков «Люди, судьбы, события» (Новосибирск: Западно-Сибирское книжное издательство, 1970), сопровождаемый следующим текстом: «Милому Евгению Дмитриевичу Петряеву, соратнику и сотоварищу, талантливому исследователю и прекрасному человеку Виктор Утков. 21/II 71. г. Москва».

11 августа 1971 г., получив подготовленную при участии В.Г. Уткова «прекрасную книгу о Тобольском воеводстве», Е.Д. Петряев в письме к нему констатировал: «Теперь у меня на полке уже хороший отряд Ваших книг, они всегда содержательны, нарядны и очень радуют меня и тембром, и культурой. Сердечное Вам спасибо!»¹¹.

В ноябре 1972 г. этот «отряд» пополнился новым изданием: «Гражданин Тобольска: О жизни и творчестве П.П. Ершова, авто-

ра сказки “Конек-Горбунок”» (Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1972). К книге с автографом «Евгению Дмитриевичу Петряеву – с чувством дружбы и душевной симпатии Виктор Утков. 11/XI 72. г. Москва» было приложено письмо с уведомлением о посылке этой «небольшой книжки о Ершове, которая выпала нынче летом в Свердловске к ершовским дням» и «всем участникам оных в Тобольске сия книжка была преподнесена»¹².

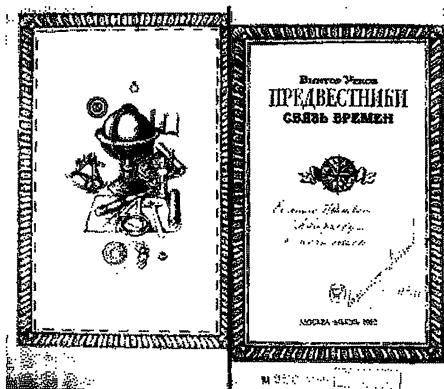
Почти четыре года утковская полка петряевского собрания не пополнялась, пока, наконец, на неё не встала брошюра «Что нужно знать каждому о книжной торговле» (М.: Книга, 1976) с надписью: «Дорогому Евгению Дмитриевичу Петряеву – дружески от автора – Виктор Утков. 28/X 76. г. Москва». Отправляя её, автор пояснил, что эту «небольшую книжку» его «попросили... написать как крайне необходимую. Я старался достичь двух целей – дать правдивую информацию и написать интересно. Не знаю, насколько достиг этих целей. Но мне кажется всё-таки, книжка получилась полезной»¹³.

Оценка Е.Д. Петряева не заставила себя ждать. Получив 2 ноября 1976 г. бандероль, он на следующий же день написал В.Г. Уткову о том, что «книжечку о торговле прочитал с интересом» и что, по его мнению, «замысел... удался»¹⁴.

В октябре 1977 г. Е.Д. Петряев принимал участие в торжествах по случаю 30-летия Секции книги и графики Дома учёных в Ленинграде, где и узнал о выходе в свет новой книги В.Г. Уткова, поздравив его в письме с берегов Невы «с новой высотой»¹⁵. Изданная в Новосибирске повесть «В поисках Беловолья», центральной фигурой которой вновь стал автор «Конька-Горбунка», вскоре пришла в Киров. На титульном листе значилось: «Дорогому Евгению Дмитриевичу Петряеву – с неизменными... Виктор Утков. 22/X 77. г. Москва».

В апреле 1979 г. В.Г. Утков послал в Киров «двс... книжки, которые выскочили одна за другой», при этом пояснив:

«“Гражданин Тобольска” переиздали скверно, хуже, чем первое издание. Огорчён тем.

“Спутник...” — писался трудно. Давно меня просили написать подобную книгу. Взаясь, потратила много сил и времени. Как получилось, не знаю ещё. Дело даже не в том, как получилось, а в том — будет ли она полезна для тех, к кому обращена. Очень уж сейчас унылое положение

с торговлей книгами — книжничков мало, очень мало, и если мне удастся хотя бы в некоторой мере пробудить книжность в тех, кто торгует книгами как товаром, как вещью, я буду считать свою задачу выполненной...»¹⁶.

Титульные листы книг традиционно сопровождали автографы: «Дорогому Евгению Дмитриевичу Петряеву — от автора. В. Утков. 28/IV 79. Москва» (Гражданин Гобольска: О жизни и творчестве П.П. Ершова, автора сказки “Конек-Горбунок”. Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1979) и «Е.Д. Петряеву — дружески В. Утков. Москва. 28/IV 79» (Спутник сельского книжника. М.: Книга, 1979).

Свои новые книги В.Г. Утков дарил Е.Д. Петряеву и в последующем. Так, через полтора года в Киров пришла бандероль со вторым, дополненным изданием книги очерков «Книги и судьбы» (М.: Книга, 1981) и надписью: «Дорогому Евгению Дмитриевичу Петряеву — с наилучшими пожеланиями Виктор Утков. Октябрь 1981. Москва», а примерно через год после этого на утковской полке оказался сборник очерков «Предвестники: Связь времён» (М.: Мысль, 1982) с автографом: «Евгению Дмитриевичу Петряеву — с почтением Виктор Утков. 19/IX 82».

Последним изданием с инскриптом В.Г. Уткова, хранящимся в коллекции Е.Д. Петряева, является небольшая книжка «Продавец — книга — покупатель: Молодому книжнику» (М.: Книга, 1986).

Надпись такова: «Дорогому Евгению Дмитриевичу Петряеву – в надежде, что книжка эта заинтересует его. 31/VII 86 г. В. Утков».

5 февраля 1987 г. Е.Д. Петряева не стало. Ненадолго пережил его и В.Г. Утков, скончавшийся 8 февраля 1988 г.

Наряду с прочим, памятником их дружбе останутся и книги с дарственными надписями, которые два литературоведа и библиофила любезно преподносили друг другу.

Примечания

¹ http://old.herzenlib.ru/rkindex.php?rk=reg_svod&rs=petrjaev

² См.: Знаки времени: из переписки В.Г. Уткова и Е.Д. Петряева / Вступ. ст. и публ. О.В. Утковой-Устиновой // Библиофила России: Альманах. М.: Любимая Россия, 2010. Т. 7. С. 367–414.

³ Там же. С. 372.

⁴ Утков В.Г. Заметки о книгах // Сибирские огни. Новосибирск, 1958. № 1. С. 181.

⁵ См., напр.: Утков В.Г. Сокровища Вятской земли // Сибирские огни. Новосибирск, 1968. № 1. С. 181–182 (рецензия на книгу: Петряев Е.Д. Литературные находки. Очерки культурного прошлого Вятской земли. Киров: Волго-Вятское книжное издательство, Кировское отделение, 1966). Высокая оценка книге, в которой «сплав труда и таланта, одержимости и настойчивости, прозрения и строгого расчёта», дана также в письме В.Г. Уткова Е.Д. Петряеву от 6 ноября 1966 г. (см.: Знаки времени. С. 376–377).

⁶ См., напр.: Петряев Е.Д. Вятские книголюбцы. Киров: Волго-Вятское книжное издательство, Кировское отделение, 1986. С. 21.

⁷ Знаки времени. С. 379.

⁸ Там же. С. 379–380.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 384–385.

¹¹ Там же. С. 387.

¹² Там же. С. 391.

¹³ Там же. С. 400.

¹⁴ Там же. С. 401.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. С. 407.

А.М. Наппельбаум – секретарь “АБ” №1

В 70-е годы XX в. А.М. Наппельбаум была сотрудником библиотеки ЦДАиш проводила большую работу в клубе книголюбив при ЦДА. Очевидно, поэтому Е.Н. Осетров пригласил Аняю Моисеевну Наппельбаум в качестве секретаря в редколлегию «Альманаха библиофила», где она потом состояла до 1979 года («АБ» № 7).

С 1980 года редколлегия «АБ» значительно расширилась, в неё стали входить не только писатели, библиофилы, но и представители ЦН ВСК, и Аняя Моисеевна стала просто автором издания, публикуя свои статьи о чтении и книге для подростков («Уроки чтения» «АБ» №22), обзоры, хроники.

В историю литературы А.М. Наппельбаум вошла как русская поэтесса, литературный критик. Родилась Аняя (Рахиль) в 1917/1919 г. в семье петербургского фотографа и художника Моисея Соломоновича Наппельбаума, автора художественных фотопортретов Пастернака, Мейерхольда и других известных людей, редактора альманаха «Город». В 1940 году она окончила литературный институт имени А.М. Горького. С 1975 года – член Союза писателей СССР.

Аняя Наппельбаум пробовала себя в разных литературных жанрах. Отдельные стихотворения её печатались в сборниках «День поэзии» с 1965 года, журналах «Звезда», «Москва», «Молодая гвардия». В 1972 году вышел отдельным изданием сборник её стихов “Студённых озёр зеркала”. В прозе был напечатан её рассказ «Улица красной сосны» (журнал «Советская женщина». № 3, 1973 г., о молодой счастливой паре). Как литературный критик, она часто выступала с рецензиями на сборники стихов собратьев по перу: Вл. Леванского (сб. стихов «Шародейство»), Н. Савостина («Избранное. Априка. Поэмы») и др.

Особое отношение у А.М. Наппельбаум было к детской литературе. Её положительные отклики на выход в свет книг в издательствах «Малыш», «Детская литература»: А. Алексеевой «Колокольчик» (1985), А. Измайлова «Лягушонок Ливерпуль», М. Коно-

Юбилейное 100-е заседание клуба книголюбов ЦДА (1977).
 (сидят справа налево) А. Наппельбаум, Г. Осетров, (неизв.), (неизв.), (неизв.),
 (стоят справа налево) А. Каляпинков, А. Шапкин, (неизв.), С. Шувалов, (неизв.),
 (неизв.), А. Озеров, (неизв.), Э. Балашов, П. Котомкин (у окна), (неизв.),
 А. Коваль-Волков, В. Лазарев, В. Кожинев, Н. Будицкая. (Фото – М.П. Пазий)

ва «Счастливыи Муранкин» – были настолько доброжелательны, что побуждали авторов к дальнейшему творчеству. В журнале «Литературная учёба» в 1981 году Апяя Наппельбаум опубликовала статью «С детьми языком поэзии» с подзаголовком «Заметки на полях книжек стихов для детей». В 1975 году, возможно, под влиянием Е.И. Осетрова и его альманаха, с которым она тесно сотрудничала, Апяя Моисеевна в журнале «В мире книги» (1975) напечатала заметки об эскизах писателей под названием «Иллюстрация или символ творчества».

Как член редколлегии «АБ», не дожидаясь выхода в свет № 1, в «Литературной России» (1973) А. Наппельбаум даёт предисловие к подборке «АБ», своего рода, анонс издания. И в дальнейшем, у неё выходят статьи о деятельности книголюбев: «Край ты мой любимый» («Советская культура». 1977. Подзаголовок «Краеведение и работа книголюбев»), «В клубах книголюбев» (журнал «В мире книги» (1972), заметки о клубе книголюбев ЦДА и др.

В 1988 году газета «Вечерняя Москва» (№167 от 22.07) опубликовала извещение о смерти А.М. Наппельбаум, замечательном публицисте, всю свою творческую жизнь верно и преданно служившем Книге.

Встреча в пути

(художник Владимир Вагин и “Альманах библиофила”)

Валерий Покатов (Москва)

В.В. Вагин

Библиофил, по словам В.И. Даля, это любитель и собиратель редких или дорогих, роскошно изданных книг. Если к книжным редкостям можно отнести не только уникальные вещи, но и книжные курьёзы, то роскошная книга предполагает участие в её создании дизайнеров, оформителей, иллюстраторов, полиграфистов самой высокой квалификации. Они должны не только знать книжное дело,

книгу, как объёмно-пространственную форму, законы, по которым её пространство организуется и строится, но и уметь практически, опираясь на эти законы, добиваться стилистического единства и цельности всего книжного организма. Цельность книжного пространства предполагает, прежде всего, удобство восприятия размещённой в ней информации, не исключая, а скорее утверждая создание общей художественной зрелищности и активности, за счёт подчинения этому всех её отдельных элементов. А это достигается грамотной режиссурой, созданием особого ритмического строя, при котором делаются акценты на главном, на выигрышном, на том, что повышает и увеличивает её внутрикнижную и внешнюю привлекательность, активность и удобочитаемость. И всё это, разумеется, при использовании уникальных, высококачественных материалов и технологий.

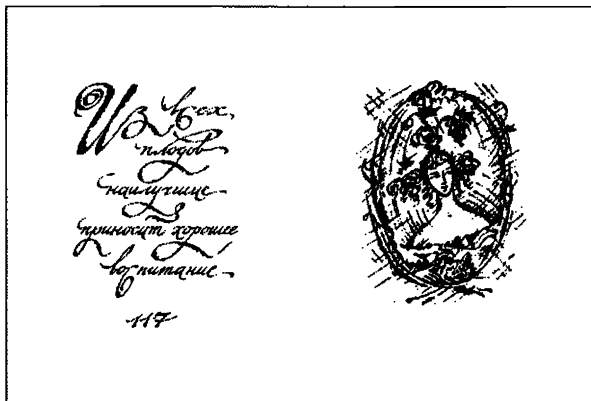
К художникам-книжникам, успешно решающим задачи такого уровня, безусловно, можно отнести Владимира Васильевича Вагина, чьё творчество, практически, полностью было ориентировано на создание красивой, уникальной книги. Я говорю, было, только потому, что он уже значительное время живёт и работает в США, и я не знаю ничего о нынешних его предпочтениях и пристрастиях.

В.В. Вагин родился в Архангельской области, окончил полиграфический техникум, несколько лет трудился на Калининском полиграфическом комбинате, затем, после окончания Московского полиграфического института, работал в пермском книжном издательстве художественным редактором.

Для художника-книжника весьма важно не только иметь теоретические, научные представления, как книга материализуется в процессе машинного или ручного производства, но и знать все тонкости допечатных и печатных процессов, учитывая их при практическом воплощении художественного замысла издания, при исполнении оригиналов для производства. Художник В.В. Вагин, имея опыт работы в типографии, безусловно, владел всеми нюансами и хитростями печатных технологий, что помогало ему в его собственном творчестве, да и в создании художественного лица издательства «Современнику», куда он был переведён в качестве главного художника в 1973 году.

Уже ранние, оформленные им книги для детей попали в поле зрения любителей красивых книг, обратив на себя внимание: «Русские народные потешки», (1969), «Скороговорки», (1973). Эти фольклорные издания свидетельствуют об оригинальном подходе художника к иллюстрированию, особой любви к рукописным шрифтам и режиссуре книги, в целом.

Собиратели миниатюрных книг знают Вагина по известному миниатюрному изданию Козьмы Пруtkова «Плоды раздумья». Это изящное издание с авторским текстом, написанным, точнее, нарисованным художником, где Вагинский шрифт является, можно сказать, основным действующим лицом и придаёт книжке особую живую рукотворность и оригинальность. Первое

К. Прутков. "Глоды разума"

издание, подготовленное художником для пермского издательства, вышло в свет в 1973 году. Оно было адресовано, в первую очередь, гурманам миниатюрных изданий и библиофилам, представляя собой комплект из миниатюрки и увеличительного стекла в пластмассовой коробочке. Теперь это издание является библиофильской редкостью. В переиздании 1975 года, вышедшем в том же издательстве, значительно увеличен формат, введены иллюстрации, но характер и стиль шрифта остался прежним. Могу судить по другому переизданию, увидевшему свет в 1978 году в издательстве «Современник». Конечно, при увеличении формата, текст читается легче, но иногда он усложняется художником, введенным в него элементов сюжета. Он теперь не только передает содержание мудрой мысли, но изобразительно и своеобразно эту мысль обостряет, интерпретирует и оживляет.

Из других миниатюр, оформленных художником, хотелось бы упомянуть «Стихи» Василия Каменского (1967), Пушкинские «Эпиграммы» (1984). Оба издания сделаны для Пермского книжного издательства. В эпиграммах основной текст наборный, но любовь к рукописным шрифтам и здесь находит своё место в заголовках. Тоновые иллюстрации и концовки, выполненные в карандашной манере, свидетельствуют о творческом возмужании,

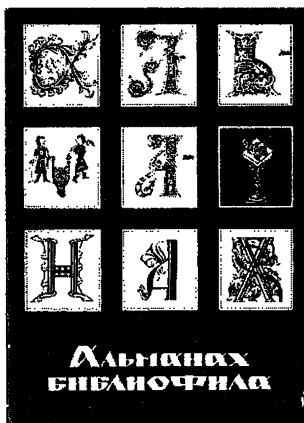
возросшем профессионализме рисовальщика, свободно строящего свои композиции.

Вагин — художник и Вагин — чиновник, всегда тонко улавливал конъюнктуру меняющегося книжного рынка, обусловленного социальными переменами, что позволяло ему правильно ориентироваться в современной среде и обстановке. Имея авторитет и связи, он мог позволить себе выбирать, что оформлять и от чего можно отказаться. К его чести и достоинству, надо заметить, что он никогда не препятствовал и нам, своим подчинённым, брать из плана то, что нам по душе для оформления и иллюстрирования.

Вагинские пристрастия к рукописным шрифтовым композициям, удачные оформительские работы, уверенное, свободное моделирование и макетирование книги заметили не только библиофилы и коллекционеры миниатюрных изданий, его заметили в Госкомиздате и в различных издательствах. Именно поэтому художник В.В. Вагин оказался в Москве, заняв весьма престижное место главного художника молодого издательства «Современнику».

И, конечно, по той же самой причине, издательство «Книга», задумавшее выпуск многотомного издания «Альманаха библиофила», не удовлетворившись художественными характеристиками вышедшего первого тома, решило привлечь В.В. Вагина к обновлению оформления альманаха.

Можно не верить старой истине, что исправлять сложнее, чем делать заново, но первые и дальнейшие точечные переделки оформления, заставляют в это поверить. Если, глядя на первый выпуск, оформленный В.А. Савостьяновым, мог возникнуть существенный вопрос к огромной букве «А» на всю сторонку переплёта, (почему А, а не Б, или не АБ?), к тяжеловесным декоративным элементам на титуле, шмуцтитулах и в заставках на спусковых полосах, то в Вагинском варианте оформления эти вопросы снимаются. Возникают другие, правда, менее существенные. Появляется суперобложка, которая делает книгу более активной, заметной в рекламном отношении, с сюжетным декларирувани-

Суперобложка "АВ" №5

монограмма переносится в оформлении переплёта, его корешка и створки, что является, несомненно, удачей.

Сейчас трудно судить об установках издательства, сформулированного задании для художника на оформлении каждого тома, но, глядя на выпуски со 2-го по 6-ой, становится очевидным, что на тот момент не удалось в полной мере создать конструктивной цельности и единства, характерного для серийного издания. Только к 7-му выпуску элементы внешнего оформления издания приобретают законченные черты. Казалось, можно было бы остановиться, но 11-й выпуск выходит почему-то без суперобложки. Это решение можно оправдать лишь экономическими соображениями, но оно не послужило, на мой взгляд, на пользу альманаху и его внешнему виду.

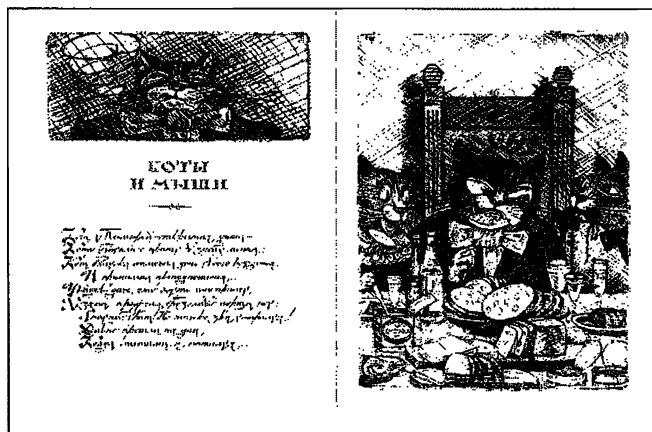
Художник Владимир Вагин оформил 25 выпусков «Альманаха библиофила», перерабатывая, изменяя, улучшая различные его элементы. И когда, из-за серьёзной загруженности заказами и обстоятельствами, вынужден был взять тайм-аут, то порекомендовал художников А. и П. Антоновых для продолжения работы. Достаточно известные и талантливые мастера книги, оформили два выпуска, предложив иллюстрации в несколько авангардном ключе для оформления переплёта и шмуцтитулов. Они, вероят-

ем на ней тематик данного выпуска. В основной блок вводится вторая краска цвета сепии, что существенно обогащает впечатление при погружении в пространство книги. К сожалению, оформление суперобложки решается композиционно и стилистически в нескольких начальных томах по-разному, что затрудняет воспринимать их как принадлежащих к единой серии. На форзаце появляется монограмма «АВ», правда, печатается слишком активным тоном, отчего слишком много внимания на себя берёт. В дальнейшем эта

но, по желанию издательства изменили формат и сделали иное начертание шрифтовой интерпретации названия. Лучше от этого стало или хуже, я утверждать не берусь. На мой взгляд, не хуже, но если и лучше, то не очень существенно. Целесообразность замены оформления многотомника на 27-м выпуске, сама по себе, весьма сомнительна. Читатель, как правило, не любит, когда многотомное издание меняет периодически свой внешний вид. Для этого потребителю нужно предложить более существенные достоинства, оправдывающие эту замену. В данном случае, вкладка с цветными иллюстрациями и появление сюжетных шмуцтитолов, вряд ли являлись достаточным аргументом.

Неудивительно поэтому, что на 29 выпуске решено было вернуться к Вагинскому варианту, который продолжает жить по сей день, являясь основным ориентиром и изобразительным сигналом для опознания издания, ставшего достаточно известным и авторитетным.

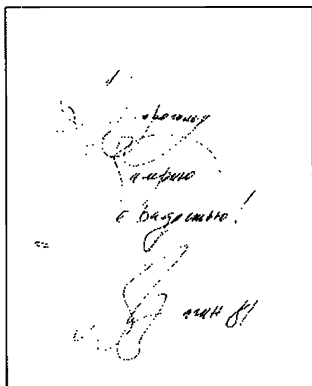
А Владимир Васильевич Вагин продолжил свой путь активного служения книги, создавая новые раритеты для библиофилов и собирателей красивых книг. Своё пристрастие к миниатюрным изданиям он сохранил, работая в издательстве «Современник». По его инициативе включаются в план выпуска и выходят в свет:

С. Михалков. «Басни»

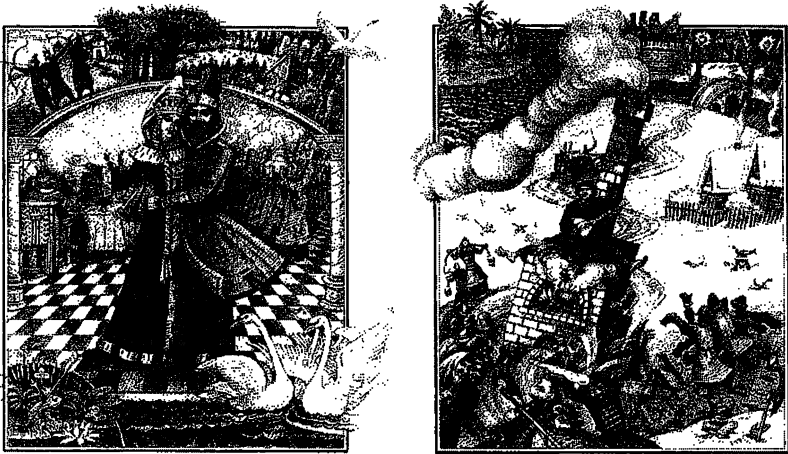
«Старуха Изергиль» А.М. Горького, «Апсичкин хлеб» М.М. Пришвина. Первую книгу оформляет и макетирует В.С. Комаров, а иллюстрации создаёт В.В. Толстоногов. Текст печатался тёмно-вишнёвой краской, иллюстрации – миниатюрные гравюры, имеют глубокий зеленоватый оттенок. Благодаря такому цветовому контрасту, двухцветная печать воспринимается как полноцветная. Книгу Пришвина иллюстрировал и оформлял художник Г. Лебедев, сделав прекрасную режиссуру, создав серию превосходных, разворотных, сюжетных композиций.

К сожалению, выпуск миниатюрных изданий не имел дальнейшего продолжения. Желание печатать выпуск миниатюрных изданий классиков в нескольких томах, не получило своего развития, но зато издательство стало выпускать многотомные малоформатные собрания сочинений русской классики. Все издания этого проекта оформлялись художником Б.А. Лазровым, печатались на одной из лучших по тем временам базе – офсетной фабрике «Детская книга № 1». Эти издания имели необыкновенный успех среди книжников, постоянно награждались дипломами на конкурсах «Искусство книги». В этом проекте были реализованы полные собрания произведений А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, А.П. Чехова, П.В. Гоголя, П.А. Некрасова, А.Н. Толстого, А.М. Горького.

Автограф В.В. Покатову

Из авторских работ В.В. Вагша в «Современнике» я бы отметил басни Сергея Михалкова (1980). Иллюстрации и текст были выполнены им в технике офорта. Здесь художник выступает в новом амплуа, применяет технику офорта для создания сюжетных композиций и шрифта, делая это вполне успешно. Другой работой, на мой взгляд, одной из лучших в его творчестве, стала книга «Диво-дивное», сборник русских народных сказок, вышедшая в 1988 году. Книга объёмная,

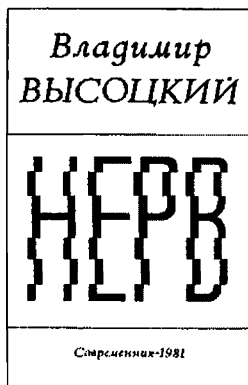
Иллюстрации к книге «Диво-дивное»

почти в пятьсот страниц, с большим количеством иллюстраций. Все они выполнены в сером тоне в технике рисунка карандашом. Сложные, выразительные, многоплановые композиции прекрасно смотрятся в книге и вне её, как самостоятельные произведения графики. Это, как оказалось, была итоговая работа В.В. Вагина служения «Современнику» и отечественной книге, представляющая собой сплав многолетнего опыта работы над иллюстрированием русских фольклорных тем и возросшего мастерства иллюстратора. Первоначально художником была задумана более сложная техника иллюстрирования, офорт с ручной раскраской. Были сделаны несколько пробных оригиналов, экспонировавшихся на выставках, но сроки сдачи в производство не позволяли осуществить этот уникальный замысел, и художник решил ограничиться карандашными рисунками. Каждая сказка начинается с новой полосы, имеет рукописное название, сюжетный принцип и иллюстрации.

К книгам, оформленным Вагиным и ставших раритетом, несмотря на неброское оформление, я бы отнёс первое издание произведений Владимира Высоцкого «Нерв» (1981). Практически сразу после смерти известного актёра и знаменитого барда, Роберт

Рождественский составил рукопись, снабдил предисловием и принёс в издательство. Всего за несколько дней художник Вагин сделал оформление к ней, и она достаточно оперативно увидела свет. Эта книга явилась, пусть с опозданием, данью памяти талантливого поэта и своеобразным укором тем, с кем он иногда выступал, кто клялся ему в дружбе, и кто, имея серьёзные литературные связи, не удосужился порекомендовать его поэтическое творчество, хотя бы в журналы. Я имею в виду, прежде всего, Е. Евтушенко, Б. Окуджаву и др.

Эпоха, в которую работал художник Владимир Васильевич Вагин, была, пожалуй, самой книжной и просвещённой в нашей стране. Всеобщая грамотность, стремление к знаниям, к чтению, к собиранию домашних библиотек давали прекрасную мотивацию издательствам повышать качество иллюстрированных книг, выпускать классику, современных авторов, где декларировались и утверждались идеи гуманизма, бескорыстия, патриотизма, гражданственности, духовности, нравственности и культуры. К прискорбию, все эти высокие цели просвещения были практически утрачены в период дикого рынка и в обществе, и в культуре. Даже такие одарённые художники, как В.В. Вагин, оказались, по большому счёту, не востребованными в новых реалиях и покинули страну. В настоящее время только-только начинают обнаруживаться их новые, ещё пока очень слабые ростки. Будем надеяться, что на этот раз ничто не помешает им укрепиться и достичь зрелости.

Обложка книги
В. Высоцкого "Нерв"

Сборник “Встречи с книгой”: впечатления и воспоминания

Велимир Петрицкий (Санкт-Петербург)

Первый выпуск «Альманаха библиофила», ещё сравнительно не большой по объёму, в скромном сером переплёте, без суперобложки, встречен был, помнится, ликованием библиофилов всей страны – от Калининграда до Владивостока. Появился печатный орган, «рассчитанный на широкий круг читателей, любящих и знающих мир книги». Редакционную коллегию нового издания составили Алексей Иванович Маркушевич, учёный-математик и всесоюзно известный библиофил; Евгений Иванович Осетров, поэт и прозаик, ценитель книги, главный редактор «Альманаха», и Виктор Григорьевич Утков, знакомый книголюб уральский писатель, перебранный в столицу. Секретарём редколлегии стала Аня Моисеевна Наппельбаум (1917/1919–1988), поэт, дочь мастера художественной фотографии М.С. Наппельбаума, мой давний старший друг. Как-то при очередной встрече она подарила мне новую книжку своих стихов «Студённых озёр зеркала» с милой надписью: «Вилан Александровичу от души. А. Наппельбаум. 5 дек. 72 г.»¹

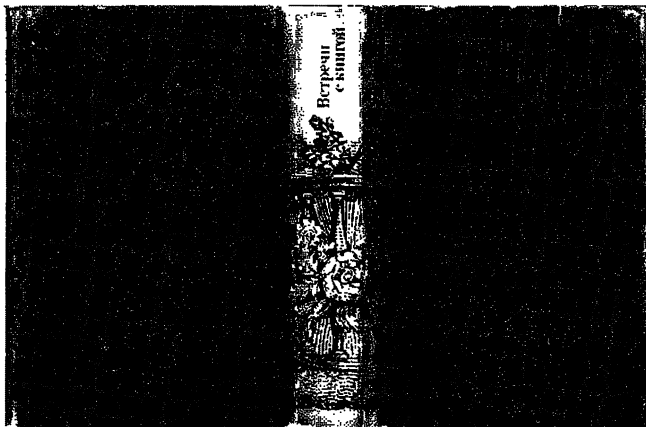
С каждым новым выпуском «Альманаха» «прибавляя» в объёме и, что, конечно, важнее, в качестве публикуемых на его страницах очерков и статей. Вышло пять выпусков, и редколлегия решила подвести некоторый итог. Помню, почти полуночный, телефонный звонок Юрия Модестовича Акутина. Он требовал, чтобы я прибыл в Москву на расширенное заседание редколлегии. Пришлось, отложив каждодневные дела, ехать о чём-то советоваться с коллегами. При встрече Е.И. Осетров и Ю.М. Акутин как-то загадочно молчали. Но уже через полчаса тайна перестала существовать: собравшимся открыли замысел: подготовить специальный сборник избранного из первых пяти выпусков,

дополненный самыми интересными, по мнению составителей, материалами из «портфеля» «Альманаха».

И хотя составитель, Ю.М. Акутин, и ответственный редактор сборника, Е.П. Осетров, предварительно подготовили рубрики будущего издания и их содержание, спор всё-таки разгорелся. Авторы и друзья «Альманаха» высказывали, в частности, обоснованное, на мой взгляд, мнение: задуманное издание должно стать элитарным — и по содержанию, и по внешнему виду: художественному оформлению, качеству бумаги и переплёта. Почти все пожелания и замечания выступавших были приняты, за исключением одного — публикации справочных данных об авторах будущего сборника. В марте 1979 г. материалы сборника были переданы в издательство «Книга», а летом того же года я получила бандероль с двумя экземплярами сборника «Встречи с книгой». Тираж издания, по тем временам, был невелик — всего 15 тысяч экземпляров.

На столе передо мной, словно бы вчера сошедший с печатного станка, сборник «Встречи с книгой» — Москва: Книга, 1979. Редактор, хорошо мне известный, Михаил Яковлевич Фильштейн; художник — И.Я. Назарова. На обороте красочной суперобложки будущего читателя интриговали: «Альманах библиофила» предлагает книголюбам избранные статьи из своих первых выпусков и знакомит с материалами из портфеля редакции». Сборник открывается небольшой статьёй ответственного редактора «Мы — книжная держава». В то время это было сущей правдой. Но сегодня — увы! — наша страна перестала быть читающей, а стала газоснабжающей державой.

В первый раздел сборника «Страницы советской библиофилии» вошли статьи Е. Осетрова «Похвала книге», А. Маркушевича «Советское библиофильство», переписка О. Ласунского и Е. Петряева, в которой авторы писем пытаются выяснить, каков он, современный библиофил?; очерк А. Блюма и И. Мартынова «Петроградские библиофиль», статья В. Петрицкого «Первая в мире» и очерк В. Уткова «Перо жар-птицы». Все ли материалы этого раздела выдержали испытание временем? Евгений

Суперобложка сборника

Иванович Осетров справедливо писал о великой роли книги в созидании отечественной и мировой культуры. Подобное высокое предназначение Книга сохраняет и сегодня². Но попытка однозначно решить вопрос, обсуждаемый в переписке О.Г. Ласунского и Е.Д. Петряева, Евгению Ивановичу явно не удалась...

Статью «Советское библиофильство» Алексей Иванович Маркушевич начинает, что называется, abovo, — с определения библиофильства и его истории в Европе, а затем переходит... к библиофильству в Советской России 20-х гг., к взлёту массового книголюбия в СССР в 60-х гг. XX века и, наконец, на трёх заключительных страницах определяет, что такое советское библиофильство. Современного читателя суждения А.И. Маркушевича вряд ли заинтересуют. Олег Григорьевич Ласунский и Евгений Дмитриевич Петряев справедливо отталкивались от некорректного уподобления массового книголюбия библиофильству и приходили к согласию: не следует отталкивать книголюбов от работы в библиофильских клубах; иными словами — пытались проследить генезис библиофильства. Их переписка — документ времени.

Публикация заметок Арлена Викторовича Блюма и Ивана Фёдоровича Мартынова «Петроградские библиофиль» имеет

подзаголовок «По страницам сатирических романов Константина Вагинова». Увлекательные заметки насыщены именами петроградских-ленинградских поэтов и писателей 20-х гг. прошлого века, а также блестящей, мастерской характеристикой героев и биобиофильских приключений романов К. Вагинова. Заметки А.В. Блюма и П.Ф. Мартынова представляют интерес и для современных биобиофилов. А.В. Блюм (1933–2011), известный историк книги и советской цензуры многожды выступал на страницах «Альманаха биобиофила». Иван Фёдорович Мартынов эмигрировал.

Статья Вилли (Велимира) Александровича Петрицкого «Первая в мире» повествовала о, действительно, первой научной биографии Константина Эдуардовича Цюлковского и о судьбе её автора Николая Алексеевича Рыпина, учёного, соратника и корреспондента К.Э. Цюлковского. Опирающаяся на архивные источники, статья и сегодня не утратила значения. Завершает первый раздел очерк Виктора Григорьевича Уткова «Перо жарптицы». Очерк посвящён прославленному в те годы московскому биобиофилу Николаю Ивановичу Суровежину. Герой очерка обладал огромной биобиофилской. Она насчитывала около 20 тысяч томов, а её ядро было посвящено П.П. Ершову и его знаменитой сказке «Конёк-Горбуно». В собрании Суровежина хранилось более полутора ста различных изданий полюбившейся русским читателям сказки. Дом Суровежиных, Паталиа Алексеевны и Николая Ивановича, славился также т.н. «Суровежинскими четвергами» — их ко времени выхода сборника «Встречи с книгой» состоялось более тысячи. . . На каждом, за чайным столом, биобиофил открывал одну из тайн его богатейшего собрания, делался опытом биобиофильского поиска. В.Г. Утков и читателей сборника ввёл в гостеприимный дом Суровежиных и прошёл с ними от первого до последнего стеллажей и шкафов. . .

На Виктора Григорьевича это очень похоже. Мы, несмотря на разность в возрасте, дружили. В обращении ко мне от 20 февраля 1987 г. Утков писал: «Дорогой Вилли Александрович! Большое спасибо за указатель и тезисы. И то, и другое мне приго-

20 февраля 1987 г.

В. Утков

Дорогой Иван Александрович!

Долгое время по утрам вставал в туман. И то и другое мне приходится для работы, но в итоге – очень интересно все, вкуче.

Поразило меня, что вспомнил об Иване Михайловиче Саркизове-Серазини. С ним я был знаком в свое время. Очень был интересный и своеобразный человек! Забывать таких людей нельзя.

Потрясен известной Евг. Дм. Говорил с его близкими по телефону и – не мог говорить... Бесконечно жаль его. Так много он мог бы еще сделать...

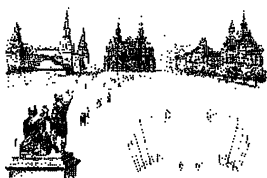
Дружески жму руку.

Ваш

Текст письма

дится для работы, да и вообще – очень интересно всё, вкуче. Поразовало меня, что Вы вспомнили об Иване Михайловиче Саркизове-Серазини. С ним я был знаком в своё время. Очень был интересный и своеобразный человек! Забывать таких людей нельзя. (В этом – в е с ь Утков! – В.П.). Потрясён кончиной Евг. Дм. (Петряева – В.П.). Говорил с его близкими по телефону и – не мог говорить... Бесконечно жаль его. Так много он мог бы ещё сделать... Дружески жму руку! Ваш В. Утков»³.

Второй раздел «Дела минувшие» невелик, но впечатляющ. Открывает раздел большая и очень интересная статья Владимира Лазарева «Жизнь и приключения Андрея Болотова». Эту статью, помнится, проглотил в один присест. И тому была причина: намеревался приобрести нечто, связанное с нашим знаменитым соотечественником, и ...сомневался. Статья развеяла всякие сомнения! Статья Алексея Сигриста «Пушкинские издания в библиотеке П.В. Губара» читалась и ныне читается с невероятным интересом. Пушкин – наше всё. А Павел Викентьевич Губар – один из прославленных библиофилов прошлого. Завершающая раздел большая статья украинского автора Петра Ротаца «Библиотеку мою завещаю...»: Дар Н.И. Гнедича Полтаве» наводит на горестные размышления. Николай Иванович Гнедич (1784–

194156

Исторический музей, Москва

ПЕТЕРБУРГ,

вс/в 8,

Н.А. ПЛАТОНОВ

105523, г. Москва,

18-й квартал, 55, корпус 1, кв. 62

Уткин Виктор Григорьевич

Конверт

1833), блестящий переводчик Гомера и Шекспира, современник К.И. Батюшкова, А.И. Радищева, Н.М. Языкова, был родом из Полтавы, но добился признания в Петербурге и погребён в Александро-Невской Лавре. К нему с посвящением своих произведений не раз обращались К.Ф. Рылеев, А.С. Пушкин, А.А. Дельвиг, П.А. Плетнёв, Е.А. Баратынский. Свою большую, по тем временам, библиотеку (около 1300 томов) Николай Иванович завещал Полтавской губернской гимназии и сам подготовил её к отправке... Приходится только сожалеть: библиотека не сохранилась. Автор статьи описывает лишь отдельные издания 18-го века, чудом уцелевшие в годы революций и войн. Сегодня это ещё более прискорбно. При устремлении взоров современных украинских политиков на Запад и последние крохи библиотеки «москаля» могут быть преданы окончательному забвению.

Последний, довольно-таки, обширный раздел сборника «Встречи с книгой» весьма радует именами – Владимир Андри, Лев Озеров, Марионга Чудакова, Натан Эйцельман!!! Владимир Германович Андри представлен не нуждающейся в рекомендации публикацией «Арузья мон – книги». Под общим названием выстроены пять библиофильских новелл. Повесело о двух из них. Новелла «Кодекс здоровья» посвящена прославленному библио-

филу и европейски известному учёному-исторнику медицины Василию Николаевичу Терновскому (1888–1976). «Удивительной душевной полноты был этот поистине неповторимый человек», — характеризует своего героя автор повеллы. И с Владимиром Германовичем нельзя не согласиться. Мне довелось не раз быть гостем и того, и другого. Поэтому с полным основанием подытожу — оба: и Василий Николаевич, и Владимир Германович, — неповторимы.

Василий Николаевич в своё время покорила меня, по сути, увлекательнейшим повествованием о редкостях его огромного собрания и редким даром — «Салернским кодексом здоровья, написанным в 14-м столетии философом и врачом Арнольдом из Виллановья». Перевод с латинского и примечания Ю.Ф. Шульца (о нём как-нибудь в следующий раз). Вступительная статья В.Н. Терновского и Ю.Ф. Шульца. — Москва, 1970. На титульном листе дарственная надпись: «Глубокоуважаемому и приятному сердцу библиофилу Влади Александровичу Петрицкому на добрую память о нашей встрече. В.Н. Терновский. 1 марта 76. Москва»⁴. Вторая повелла «Библиофильский шифр» посвящена судьбе писательских библиотек. Тема эта, весьма острая и болезненная. Три года назад петербургская пресса оповестила о находке на помойке книг из библиотеки поэта и прозаика-фантаста Вадима Сергеевича Шефнера⁵. Знаменитые европейские писатели-библиофилы Умберто Эко и Жан-Клод Карьер задались вопросом: «Что будет с библиотекой после вашей смерти?»⁶. А В.Г. Андри в упомянутой повелле проследила путь редких изданий из книжных собраний Андрея Белого, П.Е. Щёголева и художника М.И. Железнова. Не пройдите мимо этой замечательной повеллы!

Поэт Лев Адольфович Озеров в статье «Надпись на книге» повелла о загадках и особенностях жанра авторских дарительных надписей на книгах. Этому распространённому, но недостаточно исследованному литературному жанру посвящены заметки историков культуры, писателей и библиофилов. Но Л.А. Озеров нашёл особый ракурс в подходе к этой интереснейшей теме: по

сопоставленным инскриптам одного и того же автора он проследил изменение отношения дарителя и адресата автографа и даже состояние автора, делающего дарственную надпись... Для библиофилов, собирающих книги с автографами, ценя нет этим наблюдениям Льва Озерова. О статье большой культурной ценности Мариэтты Омаровны Чудаковой говорит уже её заглавие — «Библиотека М. Булакова и круг его чтения». Большая статья (почти шестьдесят страниц!) насыщена замечательными биографическими и библиографическими сведениями, авторскими наблюдениями и выводами. Несомненно, работа М.О. Чудаковой и сегодня будет востребована читателями.

Примерно того же объёма и статья талантливого писателя-историка Натана Яковлевича Эйдельмана (1930–1989) «Записки Беннингсена». Автор заинтриговывает буквально детективным прочтением документа эпохи Отечественной войны 1812 года и событий истории России 19-го века. Блестящий стиль изложения, многочисленные подзаголовки, дающие читателю повод акцентировать внимание на данном эпизоде или факте, свидетельствуют о необыкновенном повествовательном даре писателя. И с автором этих строк И.Я. Эйдельман затеял своего рода дружескую интригу. К 1987 году гуманитарная общественность узнала о проходящих в Ленинградском Доме учёных Академии наук СССР библиофильских конференциях. Ю.Ф. Шульц и Н.Я. Эйдельман намеревались приехать в Ленинград. Первый, получив приглашение, тотчас же прибыл в город на Неве. Второй был извещён по телефону, обещал приехать и не приехал. Пришлось посылать письменное приглашение, на которое последовал следующий ответ: «Многоуважаемый Вилли Александрович! Очень прошу меня простить, но я Вас невольно подвёл: дело в том, что я весь февраль проболею, и, в связи с этим, перенести мои планы, в частности, намеченный на февраль курс лекций в Новосибирском университете я должен теперь прочитать в апреле, в связи с чем, в двадцатых числах уезжаю в Сибирь. Вернусь в конце апреля... Всего Вам хорошего, Н.Я. Эйдельман»⁷. Ну, что ж... Мы к этому вопросу больше не возвращались.

Обращает на себя внимание в разделе «Из портфеля «Альманаха библиофила» статья Юрия Модестовича Акутина «Страницы жизни Александра Вельтмана. (По архивным и печатным материалам)». С Юрием Модестовичем я дружил и не раз пытался помочь ему в его Вельтмановских разысканиях; свести его с М.С. Асманом, который приобрёл часть собрания М.И. Пиконова, содержавшего документы Александра Фомича Вельтмана и его книги с дарственными надписями русским писателям 18-го века, а также книги, подаренные Вельтману, например, В.А. Жуковским. Увы! Моисей Семёнович не шёл на контакт с Юрием Модестовичем.

Завершила сборник «Встречи с книгой» статья Татьяны Михайловой «Вильмарке – французский Макферсон», посвящённая истории малоизвестной литературной мистификации первой половины 19-го века. Книга «Бретонская народная поэзия» бретонского дворянина Теодора де ля Вильмарке оказалась его замаскированным сочинением. Она была дважды переиздана, но в 60-х гг. 19-го в. привлекала внимание специалистов по фольклору, которые и обвинили Вильмарке в подделке. Тем не менее, первое издание фальсификации, подчёркивает Т. Михайлова, является ныне библиографической редкостью.

Сборник «Встречи с книгой» от обычных изданий «Альманаха библиофила» выгодно отличали аннотации всех статей на английском языке. Подобная новация не была случайностью: на расширенном заседании редколлегии заранее намечалось расширение части тиража за рубежом. Возможно, одним из доказательств правоты решения редколлегии явился выход в Болгарии сборника «Разказы за книги и библиотекѝ»⁸, в котором опубликованы работы уже известных нам А. Маркушевича, В. Лазарева, В. Петрицкого, А. Блюма, О. Ласунского, В. Уткова и авторов 6 и 7 выпусков «Альманаха библиофила» – А. Альбиной, В. Лобанова, В. Мильчиной, А. Полякова, В. Финшперлова, В. Лаврова и др. «Альманах библиофила» осуществил выход на международную арену, что и подтвердилось впоследствии. Через несколько лет вышел в свет ещё один сборник «Встречи с книгой».

Но он не привлекал внимания читателей: его составляли очерки и статьи только из портфеля «Альманаха». И даже внешне, по формату и переплёту, по художественному оформлению, он ничем не отличался от обычных выпусков «Альманаха библиофила».

Примечания

¹ Собрание В.А. Петрицкого.

² Саган, Кара Космос. Эволюция Вселенной, жизни и цивилизации. – СПб.: Амфора, 2005. С. 410–412. О роли книги в жизни человечества.

³ Личный архив В.А. Петрицкого.

⁴ Собрание В.А. Петрицкого.

⁵ Метро. – СПб. 28 окт. 2010 г. С. 2.

⁶ Карьер, Ж.-К., Эко, У. Не надейтесь избавиться от книг – СПб.: Symposium, 2010. С. 273–283.

⁷ Личный архив В.А. Петрицкого.

⁸ Разговор за книгой и библиотеки. – Варна: Георги Бакалов, 1985. – 343 с.

Из архива “ВОК–МСК”

Из ст. “Альманах библиофила”

«На Московской международной книжной выставке-ярмарке успехом пользовался «Альманах библиофила». Три его первых выпуска были с интересом встречены книголюбями в нашей стране, отмечены обзорами в США, Англии, Польше и других странах. Недавно появилась четвёртый выпуск. Что найдёт в нём читатель?».

Журнал «В мире книги № 6, 1978.

“На полках – время”

(по страницам “Альманаха библиофила”)

Предваряя впечатление от четвертого выпуска, полюбившегося читателям «Альманаха библиофила», хочу сказать об одном теперь уже редкостном издании, вышедшем почти одновременно с альманахом, — изящной брошюре, на обложке которой значится «Центральный дом литераторов им. А.А. Фадеева. Клуб книголюбов. 100 заседаний». Весьма небольшим тиражом (всего 1000 экземпляров) вышла эта краткая летопись заседаний писательского клуба любителей книги. Суть в том, что именно из его работы возник «Альманах библиофила», теперь объединяющий книголюбов и книговедов разных городов страны. Основатель и бессменный руководитель клуба — главный редактор «Альманаха библиофила», известный литературный критик, прозаик и публицист Евгений Осетров. Писатель, сочетающий проникновенные историко-исследовательские работы с изучением современной поэзии и прозы, истинный библиофил, Евгений Осетров как нельзя лучше мог сплотить страстных и понимающих друзей книги. Появилось на свет, окрепло, получило признание детище клуба — «Альманах библиофила».

Друзья книги... заимствую выражение из опубликованных в четвертом выпуске «Альманаха» воспоминаний старейшего нашего книжника и учёного, члена-корреспондента АН СССР А.А. Спандорова «Московские книголюбь», поведавшего, как в первые годы революции сложилось «Русское общество друзей книги» – тесный кружок деятелей культуры, поддерживавших издательские начинания Советской власти. Алексей Овсянников, главный редактор газеты «Книжное обозрение», в статье «А возможно ли без книг само будущее?» признает, что хотя книги у нас издаются огромными тиражами, но их всё-таки не хватает.

«Книга останется книгой и через несколько веков. Её ничем не заменить», – убеждён главный редактор журнала «Дружба народов» Сергей Баруздин. В «Воспоминаниях о книге» Николая Кузьмина, прекрасного художника, неотделимого от искусства издания, есть простые слова: «Двадцать лет моей жизни прошло при Толстом». Да, это и ответ на вопрос о судьбе книги как человеческого творения, и мы повторим признание лауреата Государственной премии СССР Татьяны Мавриной, тяготеющей в своих рисунках к сказке, фантазии: «Сейчас читают все. Таково наше время... Книги заполняют жилое пространство, от них нет спасения, но без них не проживёшь».

Придёт час для каждой доброй книги, и, может быть, подрастёт ребёнок, которого ждёт вот этот давно нетронутый том... Так когда-то книга осветила мальчика, потомка крепостных, ставшего образованнейшим собирателем, чья библиотека, насчитывающая более 20 тысяч наименований, всегда открыта друзьям книги. Речь о Михаиле Ивановиче Чуванове, о котором рассказал в очерке «История одного собрания» Н. Пиваненко.

С чем сравнить мир книг? С морем? С горами? С вселенной? Тогда с какого «края» её исследовать?.. «Альманах» предлагает не теряться ввиду открывшегося простора изданной продукции и делает свои наблюдения с различных сторон. Но иногда вдруг одна книга берётся крупным планом. Зато какая книга! А. Глухов в историческом этюде «от всей души рекомендую...» рассказал

о книге старого большевика Ивана Ивановича Скворцова-Степанова, посвящённой плану ГОЭЛРО и написанной по поручению В.И. Ленина. Необычна история создания этой книги, которая, по признанию автора, «вообще не была бы написана, если бы В.И. Ленин не засадила за неё...»

Некоторые статьи альманаха представляют собой интересные изыскания. Но по форме это, как правило, увлекательное чтение.

Пожелаем же нашему умному и талантливому собеседнику — «Альманаху библиофила», чтобы разговор шёл не только о редких книгах и уникальных экземплярах, но и о тех книгах, что «хрестоматийны», — о тех, за которыми ночью тянешься к книжной полке.

*Ст. Лесневский
газета “Советская культура”, от 29 сентября 1978 г., № 78.*

“Путеводитель по книжной стране”

Статистика утверждает — в личных книжных собраниях советских граждан находятся 44 миллиарда томов, что составляет 1500 таких библиотек как Государственная библиотека им. В.И. Ленина. Практически в каждой второй семье имеется домашняя библиотека.

Однажды писатель Виктор Шкловский, не сумев получить необходимые сведения от специалистов, обратился к Н. Смирнову-Сокольскому, обладавшему, как известно, обширнейшей великолепно подобранной библиотекой, и сразу же получил исчерпывающий ответ. «Теперь я вижу, что не только вы собрали книги, но и книги собрали вас», — в восторге воскликнул Шкловский.

О великом значении книги в нашей сегодняшней жизни свидетельствуют астрономические тиражи изданий, переполненные залы библиотек и читателей.

А все ли знают, что в Москве издаётся отличная по содержанию и оформлению книга под названием «Альманах библиофи-

ла», вышло в свет четыре выпуска. Я назвал бы это издание «Страной библиофилии». Вы познакомитесь на его страницах с людьми, самозабвенно влюблёнными в книгу, узнаете об открытиях в книжном мире, о библиотеках людей самых разных профессий...

...Надо сказать, что любовь к книге у библиофила носит творческий, познавательный характер. Вот почему почти все выступления в «Альманахе библиофила» – это маленькие исследования, открытия. Среди авторов сборника известные писатели В. Шкловский и С. Паровчатов, В. Андан и А. Мартынов, библиофилы и книговеды В. Утков, А. Сидоров, О. Аласунский, Е. Осетров, который является главным редактором альманаха.

Появление нового печатного органа библиофилов было замечено не только отечественной печатью, но и зарубежной. Рецензии на издание опубликованы в Польше, ГДР, Венгрии. Начиная с пятого номера, альманах будет выходить под эгидой Всесоюзного общества книголюбков.

Ф. Медведев

газета "Московская правда", от 4 января 1978 г., № 3.

ж. "Огонёк", № 14, 1978 г.

Из ст. "Книжные редкости"

«Тираж первой книжки "Альманаха", вышедшей ещё в 1929 году, был 300 экземпляров... – рассказывает главный редактор, писатель Е.И. Осетров. – Считалось, что это очень много – ведь библиофильское издание должно быть редким. А сегодня альманах выходит в количестве 30 тысяч экземпляров, и тираж нам придётся в скором будущем почти удвоить. Это явление знаменательное, оно говорит об уровне культуры народа».

*СТРАНИЦЫ
ИСТОРИИ
“АБ”
(1978–1993)*

«Альманах» украсился эмблемой Общества книголюбков. Теперь он – издание ВОК... С каждым номером «АБ» обретает новую силу. Материалы его делаются более актуальными и всё больше выполняют свою главную миссию – нацеливать широкие круги собирателей на активный поиск, будить их творческую энергию.

*(Журнал «В мире книг» № 6, 1978
ст. Вал. - Лаврова «Альманах библиофила»)*

Читая альманахи (№ 5–28)

Продолжаем краткий обзор вышедших «Альманахов библиофила» в 1978–1993 гг. В «АБ» №5 на титуле появляется надпись: «Всероссийское добровольное общество любителей книги» и его логотип – книга и факел. Издание становится официальной печатной трибуной советских библиофилов. Что нового? Состав редколлегии расширился, в него, помимо перечисленных выше вошли: Ю.М. Акутин (отв. секретарь), В.П. Безъязычный (зам. главного редактора), П.А. Котомкин, А.Ф. Мильчин, А.П. Овсянников, А.А. Сидоров. Редакция продолжает публиковать ответы на анкету, обсуждая проблемы современного библиофильства и книговедения, библиотечного и книгоиздательского дела. В этом номере они даны в форме оригинальной переписки О.Г. Аласунского с Е.Д. Петряевым под названием «Каков он, современный библиофил?» Забегая вперёд, надо отметить, что в альманахе в самых разных жанрах выступили более 40 известных учёных, писателей, литературоведов, актёров, среди которых – Д. Алхачёв («АБ» №11), Б. Сауцкий («АБ» №9), П. Проскурин («АБ» №9), В. Кожин («АБ» №12), В. Гантчев, М. Жаров («АБ» № 15) и многие, многие другие, чьё «литературное творчество предопределяют люди и книги», – как писал в статье «Книги, открывающие нас» Чингиз Айтматов («АБ» №6). Чем ещё любопытен «АБ» №5? В нём продолжает публиковать главы из документальной повести «Ию следам первопечатника» Е.А. Немировский («АБ» №4–7). «Библиофильские истории» рассказывает В.А. Петрицкий. В материалах «Хроник» скрупулёзно описываются планы работы клубов книголюбов ЦДА, ульяновского клуба «Прометей». Альманах публикует некролог о смерти А.А. Сидорова. Впервые на страницах «АБ» даётся «Именной указатель» и «Содержание «Альманаха библиофила». Выпуски I–V».

«АБ» №6 отличает «добротная» подборка материалов в разделе «Библиотски и библиофиль». Это статьи: А. Сприсга «Библиотека П.В. Губара» (более 20 стр. с продолжением в №7), И. Шакинко «Книжное собрание Татищевых» (10 стр.), Г. Фирсова «Библиоте-

ка Россп в Павловском дворце-музее» (8 стр.). «АБ» №6 впервые публикует анонсы книги: сборник «Встречи с книгой», в который вошли избранные статьи из первых выпусков «АБ», и книгу А.П. Анушкина «Рассказы о старой книге». В дальнейшем редколлегия это почти не практикует.

Начиная с «АБ» №7 по №10 (включительно), суперобложки издания выполнены на литературно-исторические темы и единообразны по оформлению. Супер «АБ» №7 украшает страничка из Евангелия «Ирмича о мытаре и фарисее» на старославянском языке. Красивые заставка и буквица отвлекают от содержания, и надо хорошо вглядеться в текст, чтобы понять, о чём он. Смелое оформительское решение, если учесть, что номер выходит в канун II съезда ВОК (1979 г.), но никаких политических цитат не содержит, а вот на обложке страничка из «Ирмича...» есть. С первых полос альманаха продолжает цикл диалогов на актуальные темы советского библиофильства. На сей раз, он падёт между поэтом А. Тарковским и литературным критиком А. Хворощаном (Кстати, идея подобных диалогов вместе с «АБ» поддержала в то время и газета «Книжное обозрение»). Разнообразным и объёмным (5 статей, 28 стр.) выглядит «Книжный развал»: М. Эльзон «Существовала ли книга Н.А. Некрасова «Как я велюк?»»; А. Глейзер «Из записок букниста»; В. Лавров «Библиофильские страсти» и др. Особо хотелось отметить материал чл-кор. АН СССР, признанного учёного-слависта П.К. Слёмни «Как сложился тип русского книжника в старое время» со вступительной статьёй и примечаниями Г. Довгалло, размещённый в рубрике «Наши публикации». В «АБ» №7 редколлегия познакомилась с А.П. Маркушевичем. Периодичность «АБ» увеличилась до двух раз в год (№6–7, 1979). Стоил альманах – 1 рубль.

«АБ» №8 украшает суперобложка с фрагментом рукописи поэмы А. Блока «Двенадцать». Так альманах отметил 100-летие со дня рождения поэта. Номер – тематический, о А. Блоке напечатаны всего две статьи: Е. Финцералов «Всё о Блоке», С. Поломова «Автограф на книге об отце Александра Блока». Открывает номер рубрика «Книга и жизнь», в которой Николай Любимов

в статье «Мои друзья и родные» делится своими откровениями: *«У меня никогда не было любви к бумажным редкостям только потому, что это — редкости. Деятельность таких библиофилов, как Смирнов-Сокольский, вызывает у меня восхищение, но не желание подражать им»*. Главный редактор издательства «Книга», член редколлегии «АБ» А.Э. Мильчин в статье «Издательство «Книга» — библиофилам» подводит своеобразную черту под издательской деятельностью за период 1979—80 гг. *«Советский библиофил, — пишет он, — это, на наш взгляд, такой любитель книги, который вырос в исследователя её»*. Далее даётся краткое описание «замыслов и планов», в их числе — выпуск серии «Судьбы книги». Редколлегии «АБ» прощается с ушедшим из жизни Ю.М. Акутиным, её состав пополняется новыми членами: А.А. Озеров, П.В. Палпевский, В.Я. Аазарев, С.С. Аверинцев. В конце номера — некролог о Е.М. Жукове, первом и бессменном председателе ЦПВОК.

«АБ» №9 открывается «казнои» статьёй М. Козьмина «Учебник жизни», в качестве которого предлагаются книги А.П. Брежнева «Малая земля», «Возрождение», «Целина», явившиеся *«в духовной жизни советского общества событием огромного значения»* (И, кстати, вошедшие как учебники на короткое время в «Программу по литературе для учащихся старших классов»). В целом, «АБ» №9 продолжает развитие общей библиофильской тематики в разных литературных жанрах. Особо хочется выделить публикацию (всего 2 стр.) Народного артиста СССР, Героя Социалистического Труда Игоря Ивановича «Книга переживёт века» *«Как в театральном деле, так и в книжном необходимо обладать хорошим вкусом, — пишет он. — Сбирательство — дело творческое. Бездумное накопление дома собраниями сочинений — это та же игра на публику»*. Состав редакционной коллегии увеличился: в него вошли В.П. Ерохин, П.Х. Ессев.

На суперобложке «АБ» №10 — черновые наброски к II главе романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Это последний номер альманаха, оформленный подобным образом. С № 11 — «АБ» будет выходить в бумажном переплёте без супера. Иллюстрация А.С. Пушкина была дана произвольно, и

пушкинская тема отражена лишь статьёй М. Искрина «Первый комментатор Пушкина». В конце номера даётся «Содержание альманаха библиофила» VI–X, включающее перечисление около 140 статей и стихотворений более чем 120 авторов.

«АБ» №11 открывается объёмным интервью (13 стр.) с академиком А.С. Лихачёвым «Мост в будущее». *«Касиость, подозрительность, нетерпимость ко всему чуждому «стиранию» или чуждому происходит именно от узости культурного кругозора»*, – высказывание учёного звучит более, чем современно. В конце номера впервые появляется «Коротко об авторах» на русском языке и «Summary». (В «АБ» №10 об авторах было написано почему-то только на английском языке).

Продолжая линию «АБ» №11, №12 открывается интервью с ещё одним видным учёным – П.А. Петряновым-Соколовым, возглавившим ЦП ВОО. На вопрос корреспондента: «В чём вы видите смысл своего служения науке?». Учёный ответил: *«... правильнее было бы говорить не о служении науке, а о служении человечеству средствами науки. Служить людям можно разными путями, и пусть каждый выбирает тот, который ему ближе»*. Чем ещё интересен номер? Появляются новые рубрики: «По следам героев книг», в ней – статьи М. Ломуновой «Я обязан искать своё» (о героях книг П. Калашникова) и Р. Белоусова «Кто же он, Жюльен Сорель» (о героях произведений Стендаля); и «Резцом и кистью», которая станет, в отличие от предыдущей, постоянной в альманахе и будет рассказывать о художниках книги и эскибриса. Впервые в номер «АБ» включена цветная вкладка с портретами академика П.А. Петрянова-Соколова, М.И. Чуванова, худ. В.В. Вагина, а также иллюстрациями из книг и акварелями М.А. Волошина. В конце номера в сокращённом публикуется увлекательный рассказ Марии-Астиции Мсаччи и Марии Гуасари (перевод с итальянского В. Рониной) о жизни Йоханна Гуттенберга. Ещё одна новая рубрика «АБ» №12 – «Вокруг света», которая в дальнейшем «не прижилась». Но в этом номере здесь опубликованы два материала: В. Коломнинов «Тебе, Юрий Венелин» (об истории и языке «братского болгарского народа») и О. Завалова «Словари

Британии» (репортаж с выставки справочников и словарей из Великобритании в Доме книги на Каалнинском проспекте в Москве). Надо сказать, что «АБ» №12 (1982 г.) получился объёмным – 352 стр.

В отличие от предыдущего, «АБ» №13 составил 256 стр. Редакция альманаха увеличилась на 6 человек, в неё вошли представители союзных республик: Н.В. Абашидзе, К.С. Айни, Ю.А. Некрошюс, Н.П. Чиквиншвили и др., – и стала она называться редакционным советом. Очевидно, это было связано с тем, что рубрика «Книга и жизнь», которой открывался номер, имела подзаголовок «К 60-летию СССР». С.А. Баруздин – известный советский прозаик, поэт, главный редактор журнала «Дружба народов» рассуждал о *«книжных богатствах союзных республик, являющихся «достоянием всех народов нашей страны!»* В. Утков в статье «Будущее книги» делался своими впечатлениями о III Московской Международной книжной выставке-ярмарке: *«Это был подлинный пир книги, радующий сердца книголюбов и библиофилов».* (Можно было бы сейчас сказать: «Пир на весь социалистический мир», – потому что на нём были представлены книги издательств не только всех советских республик, но и братских социалистических стран, стран Азии, Африки, Латинской Америки и Австралии).

Интересна публикация глав рукописи Ю. Моникова «Из тетради книголюбца» с продолжением в «АБ» № 14, из которой читатель узнал о специальных книжных терминах (суперобложка, авантитул и т.п.) и о библиофильских (инкунабула, лезидерата, лакуна и т.п.). Напечатана она была незадолго до смерти её автора и заканчивалась словами: *«И помните, уважаемые книголюбцы, что ваши библиотеки – и собрания обычных книг, и набор чудесных препаратов, укрепляющих здоровье!».* (Одним словом, библиотерапия).

В «АБ» №15 – нововведение: на обороте шмуцтитула теперь печатаются цитаты классиков литературы о книге. Статья Б.А. Корчагина «Издательское дело в обществе книголюбов», снабжённая цитатами из речей Генерального секретаря ЦК КПСС Ю.В. Андропова, подробно рассказывает о многосторонней деятельности Общества книголюбов в этом направлении на всей территории

СССР: *«Мы не погрешим против истины, если скажем, что издательская деятельность в Обществе книголюбов занимает важное место»*. Любопытны в номере – интервью с А. Кондратовичем о творчестве А. Твардовского «Твардовский – книголюб» и с актёром М.П. Жаровым «Ни дня без книги». Михаил Иванович был сыном печатника, вспоминая о своём детстве, писал: *«В десятилетнем возрасте я попал (работать!) в книжный магазин Анзиминова, издателя популярной газеты «Копейка»... Без любви к чтению я не был бы актёром!»*. В «АБ» №15 появляется новая рубрика «Подемышка» со статьёй С. Аомнидзе «Какой должна быть книга критика?».

«АБ» №16 публикует расширенный вариант (по сравнению с предыдущим) «Анкеты «Альмагаша библиофила» (12 вопросов). На них отвечают М.М. Колосов, главный редактор «Литературной России» и О.П. Трубочёв. (Надо отметить, что особенно широкое отклики этот конкретный вопросник в дальнейшем не получил). Интересен обширный материал Е. Македонской «Спутник профессии» (24 стр.) о Народном артисте СССР и страстном библиофиле и художнике Б.М. Тешине, проиллюстрированный портретом артиста в его личной библиотеке, его экспонатами и книгами с автографами.

В «АБ» №17 выделяются «памятные материалы»: «К 40-летию Победы» – П. Жилин «Великая Отечественная. История. Литература. Книга»; и Н.В. Петрянов-Соколов «Обществу любителей книги – 10 лет». Появляется раздел «Пушкиниана».

В «АБ» №18 изменение в составе редакционного совета, в который, в числе других, вошёл академик Д.С. Анхачёв. Статья Ю. Шаранова «Личная библиотека В.П. Аешни» проиллюстрирована цветной вкладкой «Книги первых лет революции, подаренные В.П. Аешни». Раздел «Книга и жизнь» – объёмный (100 стр.), 13 авторов, 9 статей, из них – четыре интервью, одно – с лёгчиком-космонавтом К. Феоктистовым. В рубрике «Библиотеки и библиофильства» – статья П. Пивацко и П. Корнуновой «Собиратель» (43 стр., с продолжением в «АБ» № 19), посвящённая 75-летию собирательской деятельности М.П. Чуванова, участника РОАК и *«одного из старейших и активных членов Общества книголюбов»*.

«АБ» № 19 – выделяется блоком материалов (26 стр., в том числе, цветные иллюстрации), «150-летию первого издания «Калевалы или Арвине карельские песни о былых временах финского народа», так называ её автор – Элиас Лёнрот. Публикуются материалы о А. Асонове, С. Песенне, а также о пролетарских поэтах А.Е. Поздрине, П.А. Назарове, А.Н. Благове, П.П. Жижине, которых *«в беседе с Лениным звали Горький»*.

«АБ» №20 – на обороте авантюра надписи: «1986 год Организацией Объединённых Наций объявлен Годом мира. Настоящий выпуск «АБ» посвящается Книге – послу миру». Далее интервью с председателем Правления издательства «Советский писатель» В.Н. Ерёмченко. Этим учреждением «руководят сами писатели» и оно «издаёт книги в пятидесяти типографиях страны». В интервью А. Королёва «Ид чистым листом» с художником, известным книжным графником А.С. Бистц, читаем: *«...основное для творческой личности – установить меры между Чувствами и Разумом, между Знанием и Певедением, между Поглощением и Отдачей, между Прошлой и Состраданием»*.

«АБ» № 21–26 – тематические (редакционный совет, взяв на 1986–88 гг. эту линию и подчерпав её на №24 «Книга Монголии», больше к таким подборам материалов не возвращался). «АБ» №21 – «Слово о полку Игореве» – 800 лет». «АБ» №22 – «Выпуск посвящается 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции». «АБ» №23 – «Венок Пушкинну» (к 150-летию со дня рождения великого поэта). В Пушкинском и монгольском альманахах – свои рубрики и, естественно, свои авторы (особенно в монгольском). В «АБ» №24 «От редакции» читаем: *«Перед Вами – тематический выпуск «Книга Монголии», открывающий серию специальных сборников, посвящённых наиболее интересным национальным книжным культурам»*. В начале «АБ» – приветствие Ц. Намсарая, Секретаря ЦК МПРП. Больше таких «политизированных» выпусков среди «АБ» не было.

«АБ» №26 – «Тысячелетие русской письменной культуры». (988–1988)». Номер открывался великолепной статьёй Дмитрия Лихачёва «Тысячелетие культуры» и далее «выдерживался»

материалами, написанными на высоком духовном подъёме, соответствующем замечательному историческому событию.

Среди пяти тематических, «АБ» №25 был традиционным «окошком», со своей интересной библиофильской тематикой и большим разделом «В поэтической рубрике». Здесь опубликованы стихотворения 12 поэтов, среди них М. Цветаева, О. Мандельштам, П. Анненский, А. Ахматова, М. Волошин, В. Ходасевич, П. Северянин и другие. Почти все они о любви. Вл. Набоков в стихотворении «Будущему читателю»:

*Ты светлый житель будущих веков
Ты, старины любитель, в день урочный
Откроешь антологию стихов,
Забытых незаслуженно, но прочно.*

В «АБ» №27 (1990 г.) тираж издания упал в два раза – 25 тысяч экземпляров. Неудивительно, ведь это год завершения перестройки, огромная держава идёт к распаду. Состав редакционного совета – 21 человек, количество авторов «АБ» сократилось до 18, рубрик – 8.

«АБ» №28 (1993 г.) – последний «осетровский» альманах (тираж 4000 экз.). Ярко-зелёного цвета, несколько больший, чем остальные по формату, с минимальным количеством авторов (13 чел.) и рубрик (6), он навеивает на грустные мысли. Открывается «АБ» статьёй Е. Осетрова «Библиофильский рай»: «Начала и концы объединяет неразрывная связь. Эпилог – находится в прямой зависимости от пролога...» – пишет автор. И хотя материал посвящён изданию «Русский библиофил», многие строки читаются сейчас пророчески: «...мы возвращаемся, разговаривая друг с другом через десятилетия, к утраченным на долгое время духовным ценностям». Так и хочется сказать: «Главный редактор «АБ» простился со своим изданием, но мы вернулись к нему вновь... через 12 лет».

(обзор составила... Л. Пустрова)

Homo universalis

Елена Горская (Москва)

Если ты любишь книги, ты мой друг...

Старая французская поговорка

На склоне лет, известный академик, искусствовед Алексей Алексеевич Сидоров писал: «... из многочисленных тайн, книжно открытых, остаётся малозученной «тайна» самой книги как явления искусства и культуры»¹. Многочисленные исследования, «кинографические» открытия знаменитого учёного и стали попыткой разгадать мистерию её величества Книги.

Начиналось всё в далёком 1910 году, когда 19-летний юноша, студент Отделения археологии и истории искусства Московского университета, вместе со своим другом

А.А. Сидоров, 1912 г.
(Из частного архива)

А.А. Барановым, который взял себе псевдоним Дмитрий Рем, отпечатали за свой счёт в Москве небольшой сборник стихов «Togaspraetexh» тиражом в 100 экземпляров. Издание не осталось незамеченным. А.А. Сидоров вошёл в «литературные круги», принимал участие в сборниках символистов, посещал их поэтические вечера.

С 1912 года при издательстве «Мусагет» выходил журнал «Труды и дни». Секретарь издательства, библиографовед Н.П. Киселёв, благодаря которому Сидоров «стал любоваться старыми западными книгами в коридорах и витринах Румянцевской библиотеки»², предложил Алексею Алексеевичу перевести для него небольшую статью немецкого поэта Р. Демеля о вредности

книжки «Книжка и читатель», что Сидоров и сделал. Правда, вместе с переводом он вручил П.П. Киселёву и свой ответ Р. Демелю — эссе «В защиту книжки»³. Вот только в своей защитной речи А.А. Сидоров утверждал, что «идеальная книжка не нуждается ни в каких украшениях или ухищрениях типографского искусства»⁴. Опровержение своего собственного утверждения молодости и стало делом всей его жизни, а книжка — неотъемлемым спутником учёного.

Первые свои искусствоведческие труды Алексей Алексеевич посвятил Обри Вердслею. В 1917 году выпал сразу две работы об английском художнике-графике, где Сидоров указывал на прямую связь между иллюстрацией и содержанием книжки: «[Иллюстратор] обязан быть хорошим читателем, быть может, прежде, чем быть хорошим рисовальщиком»⁵.

Но, если Обри Вердслей — старший современник искусствоведов, то Альбрехт Дюрер, напротив, был историей. И обращение к истокам зарождения графического искусства стало «необходимым шагом на пути исследователя к истории книжки»: «Дорогу к искусству книжки А.А. Сидорову укажет, с одной стороны, Альбрехт Дюрер, а с другой — практика полиграфического производства, с которой ему пришлось достаточно близко столкнуться»⁶.

И уже через год после исследований об «утопчённом и рафинированном англичанине», в издательстве «Великол» выпала монография учёного «Гравюры Альбрехта Дюрера». 50 пронумерованных экземпляров, одетых в парчу с золотой пуговицей — дань библиофильскому эстетизму автора. Этот интерес к творчеству «великого немца» остался на долгие годы.

В 30 лет, став профессором Московского университета, А.А. Сидоров познакомился с выдающимся гравёром П.П. Павловым, который обучил его основам своего мастерства. И результат не заставил себя долго ждать — в 1922 году издана небольшая брошюра «6 портретов», полностью гравированная Алексеем Алексеевичем на буксовых и пальмовых досках. Книжка открывалась портретом Альбрехта Дюрера и посвящённым ему сонетом.

Летом 1921 года вышел в свет первый номер журнала литературы, искусства, критики и библиографии «Печать и револю-

ция». Публицист В.П. Полонский привлёк к участию в журнале А.А. Сидорова, который написал большую статью (публиковалась в трёх номерах) «Искусство книги». Спустя год она была издана отдельно. Здесь уже было выделено А.А. Сидоровым три аспекта книги: печать, внешность и иллюстрация — им соответствовали и три раздела исследования. Книга вызвала многочисленные отзывы — как положительные, так и отрицательные. Над попыткой Алексея Алексеевича обосновать «искусствознания книги» просто смеялись. Больше всех неистовствовал О.М. Брик в журнале «АЭФ», главный постулат критики которого сводился к тому, что художественно-полиграфическое оформление книги мешает восприятию «заложенной в ней мысли». Но А.А. Сидоров принципиально воспринял «ребячливую ярость левого фронта»⁷.

На страницах «Печати и революции» публиковались очерки учёного по истории русской книги и иллюстрации и о коллекционировании; здесь впервые был озвучен термин А.А. Сидорова «энаточество» — как вторая стадия развития любой науки. Все эти журнальные рассуждения вылились в большой труд «Искусство русской книги XIX–XX веков», опубликованный во втором томе «Книги в России». «Никто ещё не рассматривал историю искусства книги как цельный организм, включающий не только иллюстрации, но и шрифт, орнаментку, приёмы набора и вёрстки... Сделал это впервые А.А. Сидоров»⁸.

В конце 20-х годов Алексей Алексеевич активно участвовал в создании и жизни Русского Общества Друзей Книжки — «самой крупной и яркой библиофильской организации советских книголюбов»⁹. К сожалению, тексты 18 докладов учёного на заседаниях РОДК, большинство которых касалось книжных иллюстраций, не сохранились. О деятельности общества А.А. Сидоров рассказал в воспоминаниях «Московские книголюбы», которые впервые были опубликованы в четвертом выпуске «Альманаха библиофила» в 1977 году.

С января 1924 года выпускался журнал «Травора и книга» под редакцией Алексея Алексеевича. Там он в нескольких

номерах поместила «Материалы для библиографии современной русской графики».

С 1927 по 1936 годы А.А. Сидоров заведовал Гравюрным кабинетом Музея изобразительных искусств им. А. Пупкина, читал лекции, проводил экскурсии. Именно этот период непосредственного соприкосновения с прекрасным стал особенно плодотворным для учёного. Одна за другой издавались монографии о прославленных мастерах прошлого – Ф. Гойе, П. Гольбейне Младшем, А. Дюрере, К. Кольвинц, и современных художниках – Б. Королеве, Е. Кругликовой. Он написал одну из первых книг торжокской серии «ЖЗЛ» – биографию немецкого композитора Р. Вагнера, перевёл «Историю искусств древности» П. Винкельмана и «Очерки по искусству средневековья» М. Дворжака, составил каталоги выставок А. Дюрера, М. Волошина, П. Кончаловского, А. Якимченко, а также общества художников «Жар пист», выпустил в свет 42-страничную книжку «Искусство древней Америки» и конспект лекций по «Искусству XIII–XX веков», с увлечением изучал древнерусскую книжную графику.

В 1938 году, став профессором ещё и Московского полиграфического института, А.А. Сидоров создал здесь два курса лекций: «История оформления книги» и «История графических искусств», которые, к великому сожалению, просуществовали недолго. Но именно в процессе преподавательской работы зародилось учебное пособие «История оформления русской книги», выпущенное в свет в первом послевоенном году. В «Предисловии» Алексей Алексеевич подчёркивал основные задачи своего исследования – «приблизить к современности чудесное мастерство старой русской книги, ближе познакомить новых художников книги с их славными предшественниками, способствовать знакомству широких кругов книжных работников с культурой прошлого, научить любить её»¹⁰.

Древнерусская книжная культура, естественно, рассматривалась учёным через призму книжного «украшательства». А.А. Сидоров доказал самобытность русской гравюры, берущей своё начало не от голландских графиков Пикара и Шконебека, при-

глашениных императором Петром Великим, а начиная с возникновения книгопечатания на Руси. «Древнерусская книжная гравюра», увидевшая свет в 1951 году, стала первым томом фундаментального исследования «Истории русского рисунка», предпринятого А.А. Сидоровым в Академии Наук СССР. В это издание «были вложены многие годы наблюдений и трудов в отделе редких книг Ленинградской библиотеки»¹¹. А когда обнаружили львовскую «Драматикону», или «Букварь» Ивана Фёдорова, то первым об этом событии сообщила в СМП Алексей Алексеевич. В газете «Советская культура» от 25 ноября 1954 года опубликовали краткое интервью с учёным, посвящённое найденному в США раритету. Уже тогда он выдвигал идею о создании музея книги имени Ивана Фёдорова, осуществлённую в последние годы его жизни.

С 1962 года А.А. Сидоров являлся членом редколлегии сборника «Книга. Исследования и материалы», где публиковались его статьи, поражающие разнообразием книговедческих тем: Иван Фёдоров и возникновение книгопечатания на Руси, «узловые проблемы» истории русского книгопечатания, советская наука о книге, пятьсот лет после Гутенберга. В 1969 году вышла монография «Русская графика начала XX века: Очерки истории и теории», которую художник и гравёр А.А. Гончаров назвал «энциклопедией».

Все свои идеи и материалы 70-летний неутомимый труженик науки черпал не только в стенах музеев и библиотек, но, в первую очередь, из любимых книг, гравюр и рисунков, которые заполнили всё пространство квартиры учёного. Закономерно, что А.А. Сидоров решил подвести итоги более чем 50-летнего коллекционирования в своих «Записках собирателя»¹².

Говорилось там о богатейшем собрании графики, насчитывавшем около 4 тысяч листов. (В 1969 году учёный подарил эту коллекцию Государственной Третьяковской галерее и Музею изобразительных искусств имени А. Пушкина). Хотя тему библиофильства в этом труде Алексей Алексеевич не затрагивал, зато вывел «своеобразные каноны собирательства», которые привлекли внимание и книголюбов.

А.А. Сидоров, 1966
(Из архива П.В. Быкова)

«Собирательство может быть спортом. Для него нужны умение и удача. Собирательство может быть страстью. Для осуществления её нужны настойчивость и счастье. Собирательство может быть искусством. Для того... нужны все указанные выше качества... Собирательство может быть наукой... И все эти четыре грани собирательства могут быть в разных отношениях друг с другом»¹³.

Первая собранная библиотека А.А. Сидорова насчитывала более 20 тысяч томов и была «чрезвычайно разнообразна; она заключала в себе отделы: истории и теории искусств, истории и техники книгопечатания

русских и иностранных иллюстрированных изданий, книжной графики, поэзии и беллетристики русской и западной, истории культуры, литературы по эскизам, хореографии и шахматам»¹⁴. И все эти собранные с любовью книжные сокровища были также переданы им в 1968–1969 годах в государственные книгохранилища. Издания по книговедению вошли в состав отдела Редких книг Государственной библиотеки СССР им. Ленина. А часть, посвящённая искусствоведению, была продана Институту истории искусств с «пожизненным правом владельца сохранить библиотеку по месту её нахождения» до его смерти¹⁵. Несколькоими годами позже Алексей Алексеевич подарил Государственной библиотеке СССР им. Ленина и своё собрание эскизов (около 14 тысяч), начало которому было положено ещё в 20-х годах¹⁶.

В 1971 году «старейшине советского книжного цеха»¹⁷ исполнилось 80 лет. Правительство СССР наградило А.А. Сидорова орденом Трудового Красного Знамени. Коллеги, а также учёные-

книговеды из социалистических стран, подготовил к этой дате юбилейный сборник «Книга и графика». Издательство «Книга» выпустило в свет собрание книговедческих работ учёного «Книга и жизнь». В Академии Наук СССР и Институте истории искусств прошла научная сессия, посвящённая 80-летию А.А. Сидорова.

Но, несмотря на возраст «патриарха» и уже не юношеское здоровье, Алексей Алексеевич продолжал неутомимо трудиться и славить книгу. Активно участвовал в работе библиофильских организаций Москвы, выступал с докладами на научных конференциях и заседаниях, писал статьи. С 1975 года он вошёл в состав редакционной коллегии «Альманаха библиофила», и уже в следующем году опубликовал на его страницах свои воспоминания.¹⁸

Естественно, что даже подарив свои коллекции оригинальной графики, рисунков и книг государству, Алексей Алексеевич никогда не терял интереса к книге. Проходило время, и книжные полки его квартиры на Ленинском проспекте опять «переполнились любимыми друзьями». Страсть к книге он считал «самым благородным видом собирательства», ведь «без доли «сумисшедшинки» не удаётся ни одно личное творческое собирательство, никакое более или менее успешное коллекционирование...».¹⁹ За два года до смерти А.А. Сидоров писал одному челябинскому библиофилу: «За слишком дорогими книгами я никогда не гонялся и поэтому не испытывал затруднений, не «упускал» желаемого. Не завидовал никому, у кого есть то, чего нет у меня».²⁰

Вторая собранная библиотека учёного стала более «рабочей»: книги по истории искусства, книговедческие труды, иллюстрированные издания первой половины XX века, как на русском, так и на иностранном языках, произведения Ф.М. Достоевского, книги художников, и, конечно же, любимая А.А. Сидоровым поэзия. Причем, за «исчерпывающей полнотой» собрания того или иного поэта Алексей Алексеевич не гонялся. Его удовлетворяли лучшие из книг, скажем, Блока или Володина. «Пример одного из пушкинских «Северных цветов» мною и ценится, и остается любимым, но все «Северные цветы» подобраны в моей библиотеке не пушкинские, а символистские XX века: был же я

причастен к молодой русской поэзии дореволюционных и довоенных ещё лет...».²¹

30 июня 1978 года Алексей Алексеевич Сидоров умер. В память о выдающемся учёном-исследователе книги в 1979 году в издательстве «Книга» было переиздано «Искусство книги» А.А. Сидорова в миниатюрном формате с предисловием Е.А. Немировского.

А.А. Сидорову была отпущена долгая, наполненная событиями и трудами жизнь. Родившись в конце XIX века, Алексей Алексеевич всё-таки был человеком Ренессансной эпохи – homo universale – «человек всесторонний». Учёный необычайно разнообразных знаний и огромного неутомимого интереса ко всем родам и видам искусства. Неслучайно, видимо, литературному критику и библиофилу, члену РОДК С.К. Кара-Мурзе А.А. Сидоров напомнил Раийского из гончаровского «Обрывка»: «он рисовал, гравировал, писал стихи, читал лекции и доклады, коллекционировал картины, гравюры, офорты, эскизбрисы, книги, любил их почти платскою, чувственной любовью».²² Сам же себя Алексей Алексеевич считал «книголюбом-искусствоведом», пытаясь всё же разгадать тайны книги. «Книге надо учиться. С книгой надо дружить, и, верьте, она не обманет. Она расскажет многим о многом и не изменит, даже если будет заменена другою, лучшей».²³

Примечания

¹ Сидоров А. Книга и жизнь. М.: Изд-во «Книга», 1972. С. 41.

² Сидоров А. Друг книги – советский библиофил. М.: Изд-во «Книга», 1981. С. 128.

³ Сидоров А. В защиту книги // Труды и дни. № 3. М., 1912. С. 67-73.

⁴ Там же, с. 73.

⁵ Сидоров А. Обри Бердслей: Жизнь и творчество. М.: Изд-во «Всено», 1917. С.59.

⁶ Немировский Е. Ученый и книга // Друг книги – советский библиофил / А. Сидоров. М.: Изд-во «Книга», 1981. С. 10.

- ¹ Сидоров А. Книга как объект изучения и художественные элементы книги // Книга в России. Ч. 1. М.; А., 1924. С. 26.
- ² Немировский Е. Ученый и книга // Друг книги – советский библиофил / А. Сидоров. М.: Изд-во «Книга», 1981. С. 23.
- ³ Берков Н. История советского библиофильства. М.: Изд-во «Книга», 1971. С. 88.
- ⁴ Сидоров А. История оформления русской книги, М.; А.: 1-я тип. Гизэлектрома, 1946. С. 6.
- ⁵ Сидоров А. Книга и жизнь: Сборник книговедческих работ. М.: Изд-во «Книга», 1972. С. 138.
- ⁶ Сидоров А. Записки собирателя: Книга о рисунках старых и новых. А.: «Художник РСФСР», 1969.
- ⁷ Там же, с. 8.
- ⁸ Берков Н. История советского библиофильства. М., 1983. С. 126.
- ⁹ Сеславинский М. Аромат книжного переплета. 2-е изд., испр. и доп. М., 2011. С. 424-437.
- ¹⁰ Бабурина Н., Киселева С. Коллекция экслибрисов А.А. Сидорова в Государственной библиотеки СССР им. Ленина // Книга и графика. М., 1972. С. 303-308.
- ¹¹ Немировский Е. Ученый и книга // Друг книги – советский библиофил / А. Сидоров. М.: Изд-во «Книга», 1981. С. 39.
- ¹² Сидоров А. Из воспоминаний книговеда // Альманах библиофила. Вып. 3. М., 1976. С. 17-31.
- ¹³ Сидоров А. Друг книги – советский библиофил. Изд-во «Книга», 1981. С. 59.
- ¹⁴ Из писем к книголюбям // Друг книги – советский библиофил / А. Сидоров. М.: Изд-во «Книга», 1981. С. 79.
- ¹⁵ Сидоров А. Друг книги – советский библиофил. Изд-во «Книга», 1981. С. 160.
- ¹⁶ Кара-Мурза С. Русское общество друзей книги (Московские библиофилы): Воспоминания. М.: Инскрипт, 2011.
- ¹⁷ Сидоров А. Друг книги – советский библиофил. Изд-во «Книга», 1981. С. 69.

Зрелый возраст, или Всё ещё впереди

Александр Тетерин (Тосно, Ленинградская обл.)

Осмысленное и трогательное вхождение моё в большой книжный мир началось в глубоком детстве через волшебные рисунки Ю.А. Васнецова. Позднее, уже в начальных классах средней школы, принесли «Баллады о Робин Гуде»¹ в переводе П.М. Ивановского. Сборник «Избранные стихи» Редьярда Киплинга², датированный 1936 годом и полученный из рук моего отца – чтение ученика восьмого класса. «Божественная комедия» Данте Алигьери – книга студенческих лет.

Путь в книжном мире, как представляется, складывался обычно, но, всё-таки, было в нём некое своеобразие, шарм, что ли, поскольку произошло знакомство с книгой о книгах – «Власть книги» О.Г. Ласунского³. До сих пор удивляюсь, как она очутилась в глухом северном поселке Архангельской области, где я жила и училась в те давние годы. А далее – потянуло в этом книжном направлении, собирать и читать книги о книгах, хотя тяга провинциального мальчишки оставалась на анекдотичном уровне:

А.В. Блом, О.Г. Ласунский. Август, 1982, г. Воронеж

– Меня очень тянет в Париж, – говорит один из собеседников.

– А что, бывал? – спрашивает другой.

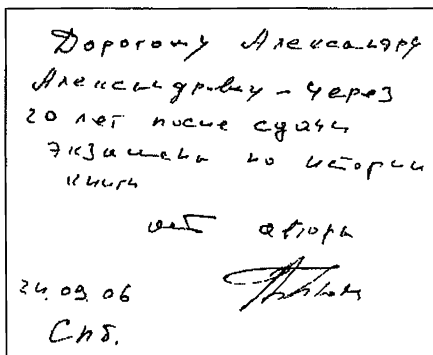
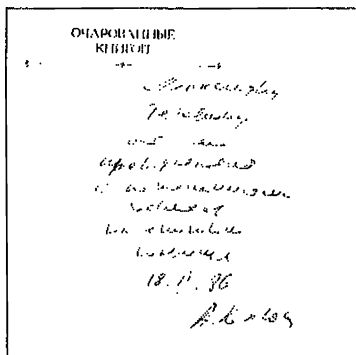
– Нет, уже тянуло...

Это гораздо позднее в моей домашней библиотеке стали появляться приятные томикки из серии «Судьбы книги», «Юлка библиофила», приобретал замечательные ежегодные сборники «Памятные книжные даты»¹. А пока, довольствовался журналом «В мире книг». (Со временем он почему-то превратился в ж. «Слово»).

Время шло, я взрослела, менялись жизненные ситуации, но пристрастие к книгам оставалось постоянным. И, разумеется, очень обрадовался, когда удалось в 1973 году приобрести «Альманах библиофила», который, как оказалось, в соответствии с анонсом стал «продолжающимся изданием, рассчитанным на широкий круг читателей, любящих и знающих мир книги».

Авторы, публиковавшиеся на страницах альманаха, становились заочными друзьями, а затем, когда я очутилась в Ленинграде, расстояние между нами значительно сократилось. На некоторых книгах домашней библиотеки стали появляться их автографы, что, несомненно, было хорошим явлением. О некоторых автографах Д.С. Апхачева, А.П. Маркушевича (Москва), Н.Н. Скагова, С.В. Белова, В.В. Худолея, В.В. Манукиана мне уже доводилось писать. Однако встречи с Арленом Викторовичем Блюмом в Ленинградском государственном институте культуры им. Н. К. Круической (с 1999 г. – Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств), где он преподавал, а я училась, неоднократные посещения его дома, встречи в музее А.А. Ахматовой в Фонтанном доме на различных мероприятиях, включая книжные презентации, автографы – всё это заслуживает особого разговора. Он являлся для меня образцом преподавателя-учёного, внимательного собеседника «на равных», хотя наши «весовые категории» были абсолютно разными, деликатного с окружающими, но очень строгого по отношению к себе человека и, конечно, влюблённого в книгу.

Первое знакомство с Арленом Викторовичем произошло на страницах «Альманаха библиофила», где он публиковался,

Автографы А. Тетерину

начиная со второго выпуска. Его статьи были в разделах «Наши публикации», «Ионские находки», но чаще всего его фамилию я обнаруживал в разделе «Адела мшнувшие». Совместная статья Арлена Викторовича с Н.Ф. Мартыновым «С.Р. Минцлов и его библиофильская повесть»⁵, произвела настолько сильное впечатление, что, спустя 16 лет, я с не меньшим трепетом приобрёл книгу С.Р. Минцлова «За мертвыми дунами», текст которой готовил к печати, писал послесловие и делал примечания А.В. Бäum⁶. Забегая вперед, отмечу, что анекдотичная ситуация сложилась у меня и с этой книгой. Как в одном известном библиографическом указателе по творчеству Н.В. Гоголя была не указана его поэма «Мертвые души», так и книга Минцлова, подготовленная к печати моим институтским преподавателем А.В. Бäumом, осталась без его автографа!

Но, вернемся почти на тридцать лет, в середину 1990-х, когда я, читая расписание институтских занятий, ещё и ещё раз возвращался к фамилии преподавателя, которому предстояло читать нам курс по истории книги. Бäum, Бäum... Впрочем, вариантов быть не могло. Тот самый!

Арлен Викторович вошёл в аудиторию, представился и... повёл нас в книжный мир. Я с восторгом смотрел на него. В результате — отсутствие конспекта первой лекции в общей тетради его курса, которую, разумеется, сохраняю.

На экзамене по истории книги мне достались вопросы о московском просветителе Карлоне Пестомине, составителе «Большого букваря», и Ивбани Василия Кореня, что сохранилась во фрагментах и находится в Российской национальной библиотеке (в те, уже давние годы – Государственная публичная библиотека им. М.Е. Салтыкова-Щедрина). Похвалу Арсена Викторовича за экзаменационный ответ помню и сегодня.

К тому времени в домашней библиотеке уже имелся сборник «Очарованные книгой»⁷, который составлял Арсен Викторович. В один из благодатных дней на лицевой стороне фронтисписа я получила автограф:

Александру Тетерину от его преподавателя с пожеланиями успехов на книжном поприще. 18/II-86. А. Блюм

Приведу ещё один значимый для меня автограф, но он сделан во времена, когда Арсеном Викторовичем уже был подготовлен и издан блестящий ряд книг по истории цензуры в СССР.

На моём столе объёмный том «Как это делалось в Ленинграде»⁸. Речь в книге идёт о системе Главанга, её истории, бесславно закончившей своё существование. А.В. Блюм использовал богатейшие архивные материалы, ставшие доступными исследователю. Благодаря документам, автор вскрывает механизм подавления мысли, слова в книгоиздательском деле, в сфере литературы и искусства, показывает репрессивный механизм работы по отношению к писателям Русского зарубежья, а также ленинградского андеграунда.

На форзаце верхней крышки переплёта надпись:

Дорогому Александру Александровичу – через 20 лет после сдачи экзамена по истории книги. От автора. 24.09.06. А. Блюм. СПб.

Кстати, любезная Людмила Михайловна Гладкова – супруга Арсена Викторовича – рассказывала мне, что многие летние отпускные месяцы он проводил в московских и Санкт-петербургских архивах. (Здесь говорю только об отпусках). Со временем не считался, скрупулезно выписывал материалы по своей огромной и сложной теме. К компьютеру, подаренному друзьями в Германии, привыкал долго. Всё порывался выбросить его в окно. Но ценней-

ние информационные потоки росла, заставляла исследователя овладеть техническими премудростями. Позднее он удивлялся своему прошлому неприятию современных технических средств.

Сегодня уже нет с нами Арлена Викторовича Блюма, человека светлой души и большого сердца, но память о нём живёт в его учениках и книгах, оставленных нам.

Второй год на базе Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина (г. Пушкин) проведётся международная научная конференция, посвящённая памяти Арлена Викторовича Блюма. Конференция проводится при содействии Комитета общего и профессионального образования Ленинградской области, Псковгородского областного отделения общероссийской общественной организации «Российское общество историков-архивистов».

Арлен Викторович Блюм – доктор филологических наук, профессор кафедры библиографоведения и книговедения Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, проработавший в нём 49 лет, пришёл к людям, влюблённым в книги, через свои многочисленные книги, публикации в различных периодических и продолжающихся изданиях, в том числе в «Альманахе библиофила», который радуёт всех нас своим сорокалетием.

Примечания

¹ Балабайы о Робин Гуде / Пер. Пётр. Пиваковского. – А.: Гостиздат Детская литература. 1963. – 80 с.

² Киндлинг Р. Избранные стихи / Пер. с англ. – А.: Худож. лит., 1936. – 272 с.

³ Дасульский О.Л. Власть книги. Рассказы о книгах и книжниках. – Воронеж, 1966. – 301[3] с.

⁴ Зорин А. Воспоминания о «Памятных... датах» // Книжное обозрение. – № 28. – 1991. – С. 8, 9.

⁵ Блюм А.В., Мартынов П.Ф. С.Р. Минцаов и его библиофильская повесть // Альманах библиофила. – Вып. 2. – М.: «Книга», 1975. – С. 201-216.

⁶ Минцаов С.Р. За мертвыми дунами / Подгот. текста, послесл., примеч. А.В. Блюма. – М.: «Книга», 1991. – 399[1] с.

⁷ Очарованные книгой. Русские писатели о книгах, чтении, библиофилах / Вступ. ст., сост. и примеч. А.В. Блюма. – М.: «Книга», 1982. – 288 с.

⁸ Блюм А. Как это делалось в Ленинграде. Цензура в годы оттепели, застоя и перестройки. 1953-1991. – СПб.: Академический проект, 2005. – 296 с.

«Визитная карточка русской культуры»

(к 25-летию журнала «Наше наследие»)

Владимир Енишерлов, Борис Егоров (Москва)

На венце перестройки в СССР была создана удивительная и совершенно необычная общественно-государственная организация – Советский фонд культуры, который стал как бы альтернативой Министерству культуры, бывшему воплощением бюрократического отношения к такой специфической и раритной материи, как духовная жизнь общества. Это был Фонд, буквально с первых месяцев своего существования обретший в стране, постепенно освобождающейся от оков, небывалый авторитет и проявлявший действительную, реальную, а не бумажно-отчётную активность. Конечно, тому было причиной то, что во главе его оказалась академик Д.С. Лихачёв, чей престиж и у простых людей, и у спящих мира сего был непререкаем и чьи идеи спасения отечественной культуры, бережного отношения к наследию, памятникам истории, библиотекам, архивам, музеям и т.д. и легли в основу работы Фонда, стали его идеологией. Одной из приоритетных, а точнее, главной задачей деятельности Фонда культуры Д.С. Лихачёв считал создание журнала, который, по его замыслу, должен был широко и компетентно рассказывать о культуре и историческом наследии Отечества – без оглядки на цензуру, партийные рамки и прочие ограничения, столь хорошо знакомые всем, кто жил и работал в предыдущую эпоху. И ещё одну идею хотел утвердить новым журналом Лихачев. Её можно сформулировать словами: «Спасти и сохранить». За время, прошедшее после революции, страна потеряла бесчисленное количество исторических памятников, архивов, книг, икон и картины, так много замечательных литературных и философских произведений оказалось недоступны в СССР, столько монастырей, церквей, усадеб превратились в руины, такое количество провинциальных музеев нуждалось в незамысловатой помощи, что даже привлечение внимания к

Памятник истории и культуры – здание журнала «Наше наследие»,
в котором редакция работает 25 лет

этим проблемам, Д.С. Лихачёв считал первейшей задачей журнала, делом чрезвычайной важности, надеясь, что это поможет сохранить для будущего то, что ещё возможно из исторического наследия спасти. Интеллигент старой закалки академик Лихачев верил в чудодейственную силу Слова, а то, что он, поднимая в своих статьях и книгах острые проблемы культуры, сумел и в советских условиях как-то вопросы успешно решить, убеждало академика, что настало время решительных действий, в том числе и, может быть, в первую очередь, с помощью нового издания.

Поначалу журнал хотели назвать «Наследие». Слово «Наше» предложила добавить Р.М. Горбачёва, игравшая очень важную и реально положительную роль в Президиуме Советского фонда культуры. Сейчас ясно, что лишь присутствие и постоянная работа в Фонде первой леди страны позволяли академику и его коллегам в течение нескольких лет последовательно осуществлять масштабные, амбициозные проекты.

Конечно, «Наше наследие» создавалось не на пустом месте. Его задумали так, чтобы он как бы продолжал традицию ряда замечательных русских журналов начала XX века, будто и не было примерно семидесяти лет, которые прошли со дня их

исчезновения. Вспомнили «Старые годы», «Золотое руно», «Мир искусств», «Аполлон» и т.д. «Наше наследие» делала сильная команда литераторов и журналистов-профессионалов, в основном, пришедшая из «Огонька», бывшего в те перестроечные годы лучшим и, пожалуй, единственным что-то значащим журналом в стране.

Так, в 1987 году редакция «Нашего наследия» начала делать «синтетический» журнал, в котором естественно сочетаются публикации по истории, философии, древнерусскому искусству, литературе, живописи, музыке, театру, архитектуре, мемуарное и эпистолярное наследие... – словом, все грани магического кристалла культуры. Прошлое постепенно открывало свои тайны и время сияло практически все пренюны и запреты на имена, произведения, документы. Как и должно быть в серьёзном научно-популярном издании, а к этому типу тоже относится «Наше наследие», редакция очень требовательна к подготовке текстов и комментированию публикаций. Поредко комментарии в 2–3 раза превышают по объёму текст самой публикации, несут массу важнейшей информации, не известной не только широким читателям, но и специалистам. Это особенно интересно потому, что авторами «Нашего наследия» за годы его издания были крупнейшие отечественные учёные-гуманитарии. Достаточно вспомнить хотя бы М.А. Гаспарова, Л.Н. Гумилёва, Вяч.В. Иванова, А.С. Лихачёва, Д.В. Сарабьянова, В.А. Янина и многих других философов, литературоведов, искусствоведов, архивистов и т.д.

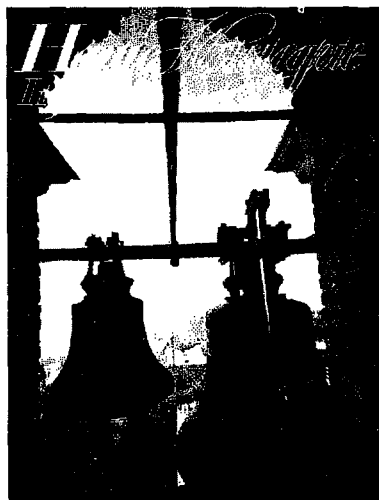
Новый для того времени тип журнала, задуманного А.С. Лихачёвым и его коллегам, требовал естественного сочетания серьёзного содержания, высокого, современного дизайна и образцового полиграфического исполнения. Создатели «Нашего наследия» были убеждены, что в конце XX – начале XXI века время «толстых литературных журналов», сыгравших такую большую роль в культурной жизни страны, заканчивается. В это время быстрее, чем в журналах, и более качественно стало публиковать литературные произведения в книгах. Динамично развивающееся книгоиздание в России стало тому важным подтверждением. На издательскую

авансцену (конечно, в серьёзном гуманитарном журнальном секторе) должны выходить специализированные журналы, типа «Вопросы литературы», «Искусство кино», почти ровесник «Нашего наследия» — «Новое литературное обозрение» (НЛО) и т.п.

«Наше наследие» было первой ласточкой среди новых для нашей эпохи изданий. Постепенно в России стали появляться серьёзные специализированные журналы, посвящённые изобразительному искусству, музейные журналы и т.п., но до сих пор именно «Наше наследие» осталось единственным, стремящимся объединить под своей обложкой практически все виды и жанры культурного наследия.

Над дизайном журнала с первого его номера работает А.А. Рюмин, Заслуженный художник РФ, лауреат Государственной премии РФ, член-корреспондент Академии художеств России. Именно его талант, чувство гармонии и вкус определяют внешний вид и художественное решение «Нашего наследия», которое по праву давно считается у нас и за рубежом эталонным по дизайну изданием, посвящённым культуре.

Хотя случаются и курьёзы. Когда-то, в первые годы существования журнала, тогдашний редактор отдела литературы поэт и философ В.Я. Лазарев встретился в Америке с Носифом Бродским и показал ему несколько номеров «Нашего наследия». Бродский, бывший, конечно, кроме всего прочего снобом, небрежно пролистал один номер, и сказал: «Картинки. Это надо класть в приёмную стоми-толога или в парикмахерской». «А Вы прочитайте», — предложила Лазарев и оставил будущему нобелевскому лауреату несколько номеров «Нашего наследия».

Обложка первого номера журнала «Наше наследие», 1988 г.

Р.М. Горбачёва на презентации первого номера журнала «Иане наследие», Москва, 1988 г.

Когда они встретились на следующий день, Бродский извинился и признался, что ему было непривычно видеть в таком изящном виде преподнесённые серьёзные тексты. Его, конечно, можно было понять — в Советском Союзе было обычным делом публиковать наиболее интересные произведения в самом убогом, непрезентабельном виде, на дешёвой бумаге и т.п.

А какой вой и крик поднялся, когда «Иане наследие» решили печатать в Англии. Мелкий магнат Роберт Максвелл, застрявший с верхушкой перестроечного Советского Союза и загадочно полюбший, будучи то ли сброшенным за борт, то ли случайно ночью упавшим с борта своей пикарной яхты в Средиземном море, где-то неподалеку от Израиля, предложил печатать «Иане наследие» бесплатно в своих типографиях. Это, конечно, был дружеский жест ловкого политика Р. Максвелла, которого многие считали «агентом влияния», желавшим понравиться и услужить Р.М. Горбачёвой, а через неё руководству СССР. Так это или нет, но журнал англичане стали печатать отменный, таких ещё наша страна не видела в годы советской власти.

Два с половиной десятилетия тому назад, весной 1988 года, в Советском посольстве в Лондоне проходила необычная церемония-презентация журнала о русской культуре. «Этим изданием, рождённым перестройкой, мы открываем важнейшую страницу деятельности принципиально новой для нашей страны общественной организации — Фонда культуры, — сказал в своём слове, обращённом к журналистам, дипломатам, деятелям культуры, основатель и идеолог нового издания, академик Андриий Сергеевич Анкачев. — Мы хотим, чтобы это был образцовый журнал, достойный великой культуры великой страны. Мы стремимся

объединить вокруг него лучших авторов, журналистов и художников, и решил печатать все 250 тысяч экземпляров в Англии, известной своей полиграфической культурой».

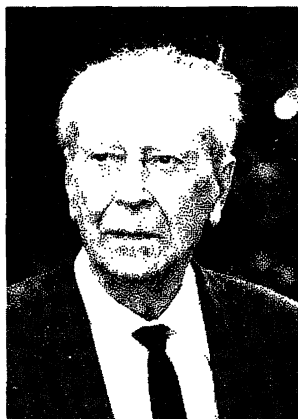
Интересно, что приложенная к прессе-релизу презентация «Нашего наследия» фотография А.С. Анхачёва, сделанная накануне фотографом газеты «Daily Mirror» в саду советского посольства, оказалась настолько удачной, что именно она считается и сейчас как бы «официальным» портретом академика и очень точно передаёт и его облик, и характер.

Так начиналось «Наше наследие», продолжавшее свою культурно-просветительскую миссию и по сей день. Но как много было заложено при его рождении!

Время, когда создавался журнал «Наше наследие», было временем открытий и возвращений. Уже в первом номере было впервые напечатано знаменитое теперь стихотворение Марины Цветаевой «Авух станов не боец...»:

*«Авух станов не боец, а — если гость случайный —
То гость — как в гофле кость, гость — как в подлётке
звоздь...»*

С тех пор неизвестные ранее стихи, проза, письма Цветаевой много раз впервые печатал журнал, как и произведения Н. Гумилёва, В. Ходасевича, А. Ахматовой, В. Набокова, П. Флоренского и т.д., и т.д., писателей, художников, деятелей русской эмиграции. Тогда всё это было внове, свежо, показывало читателям, как много мы потеряли, оказавшись по сути изолированными от огромного пласта отечественной культуры. Причём, не только за рубежом, но и в закрытых некогда фондах государственных хранилищ, в частных библиотеках и собраниях в России обнаружались поистине жемчужины, хранимые не одно десятилетие.

Основатель журнала академик
А.С. Анхачёв.
Фото П. Сноутона, 1988 г.

Именно в «Иашем наследии» были опубликованы, например, «гайные» страницы знаменитого рукописного альманаха К.П. Чуковского «Чукоккала», которые Корней Иванович, дабы чего не вышло, изъял из альманаха и так заперял, что лишь спустя годы его наследница и издательница Г.П. Чуковская чудом смогла их обнаружить. Так, в журнале появились ранее не известные строки А. Блока, Н. Гумилёва, А. Ахматовой. А через много лет после этой публикации, когда в журнале печаталась переписка К.П. Чуковского с С.М. Алянским, Г.П. Чуковская разыскала в своём архиве последнюю фотографию А. Блока, сделанную Алянским у него на квартире за месяц до его смерти. После публикации этот трагический фотопортрет был передан в музей-заповедник А. Блока «Шахматово». Не оценима роль «Иашего наследия» в возрождении и становлении музея-заповедника А.А. Блока, который является одной из программ журнала, длящейся многие годы. Мы часто приезжаем сюда, в небольшую усадьбу, возрождённую и превращённую, в том числе, усилиями «Нашего наследия», в первоклассный музей-заповедник, жемчужину литературного Подмосковья. Здесь входила в сердце А. Блока Россия — деревенская, полевая, лесная, болотистая. Какие виды и какие дали открываются и сейчас с шахматовского холма! Дух захватывает! Они и есть сама поэзия. Неслучайно Андрей Белый назвал шахматовские окрестности «стенами рабочего кабинета» Блока. Стихи Блока о России напоены шахматовским воздухом, в них отчётливо отразилась природа и картины срединной России, к которой поэт с раннего детства прищипал именно в Шахматове:

*Россия, нищая Россия,
Мне избы серые твои,
Твои мне песни ветровые, —
Как слёзы первые любви.*

Неслучайно один из лучших сборников Блока носит название «Стихи о России», и многие строки, вошедшие в него, написаны в Шахматове. Революция не пощадила усадьбу Блока. Её сожгли в пору сенокоса окрестные крестьяне, тот самый народ, которому служил простодушный аса поэта, ректор С.-Петербургс-

кого университета А.Н. Бекетов, просветитель-шестидесятник, одержимый идеей «дать русскому народу света, больше света»; народ, о котором напряжённо размышляла поэт, постоянно мучимый «вечным вопросом» — как уничтожить, как перейти эту «перушную» черту, разделяющую народ и интеллигенцию.

В послереволюционном Шахматове всё закончилось грабёжом, побелью, пожаром. В начале 1921 г., в последний год своей земной жизни, А. Блок записал в дневнике: «В маленьком пакете, спасённым из шахматовского дома и привезённом Феро-лемосенью: листки Любимых тетрадей (очень многочисленные). Ни следа её дневника. Листки из записных книжек, куски погибших рукописей моих, куски отцовского архива. . . Кое-какие черновики стихов. . . На некоторых — грязь и следы человеческих копыт (с подковами). И всё». Это было последнее, чем напомнило поэту о себе любимое Шахматово. Оставалось только «облажаться слезами», скорбя об этом погибшем «угле рая неподмаёку от Москвы». Как было не помочь возрождению Шахматова, напоминая музею вещами поэта, книгами, архивами и т.д. И журнал приложила немало сил, чтобы осуществить «шахматовскую» программу.

Усадьбу А. Блок решил восстанавливать в 1980 году. А спустя несколько лет, судьбой Шахматова озаботился и «Наше наследие». В редакции журнала каждый год в августовские дни памяти А.А. Блока (поэт умер 7 августа 1921 года) проходят выставки, организованные совместно с блоковским музеем. В нашем зале прошло уже 15 выставок, позволивших москвичам, гостям столицы, авторам журнала познакомиться с богатыми фондами музея, подвигнуть любителей поэзии на «путь к Блоку», в благоухающую шахматовскую гаушль. Была выставка, посвящённая А.А. Блок с её не известными ранее фотографиями и документами. На одной из выставок была представлена история Шахматова и эпопея его возрождения. Прошли выставки о Д.И. Менделееве и соседней с Шахматовым усадьбе Боблово, а также выставки художников, фотографов, работавших в Шахматове и запечатлевших его образ в своих произведениях. Среди них, конечно, следует особо вспомнить выставку В.С. Молчанова, удивительного фотомастера-

художника, одного из открывателей Шахматова для наших современников. Очень важно, что результатом всех шахматовских выставок в «Нашем наследии» было пополнение музейных фондов.

В связи с этим, следует сказать о нашем друге и коллеге, безвременно ушедшем из жизни — С.М. Власове, писателе, журналисте, передавшем Шахматову несколько книг с автографами Блока и письмо А.Н. Менделеева двоюродному делу поэта, академику-химнику Н.Н. Бекетову. Внучатая племянница А.А. Блока, московский физик-ядерщик и художница Т. Дубинко (Крамарева) не только подарила музею несколько своих картин, посвящённых Блоку и Шахматову, но и передала многие семейные реликвии, в том числе, иконику с миниатюрным портретом тещи А.Н. Бекетовой, сестры деда Блока; самовар, принадлежавший Бекетовым; книги и фотографии. Постоянным гостем блоковских выставок в «Нашем наследии» была незабвенная А.В. Анбединская, одна из первых написавшая книгу о Блоке в Шахматове. П всякий раз она дарила музею какую-то вещь, связанную с эпохой Блока. А совсем недавно библиофил А.А. Венгеров передал в «Наше наследие» для Шахматова анкету ученического дневника гимназиста Александра Блока. Материалы архивов С. Городецкого, Кубанских-Шоттух, Бекетовых поступили в музей с помощью нашего журнала. Мы считаем очень важной частью работы творческую дружбу с «домом Блока». Она обогащает журнал новыми интересными материалами о Серебряном веке нашей литературы, а музей-заповедник — новыми реликвиями.

И сейчас над шахматовскими дугами, над «бекетовской запашкой» чертят и чертят крупные огромные коршуны. А усадьба А. Блока — о чудо! — полностью восстановлена. Воссоздана точно, научно, с огромной любовью, тщанием и знанием. Теперь приезжающие в Шахматове видят дом поэта, фангаль, где он жил с молодой женой, отдельно стоящую кухню, амбар с острой крышей, избу управляющего... Возрождён и соловьиный сад, тенистый парк, где летом под липами Бекетовы и Блок любили пить чай, пруд, куда мы periodically запускаем рыбку молодью... Сама аура вновь построенного дома Бекетовых-Блока, чудная экспози-

ция, умело и со вкусом подобранный мебель, в том числе и мемориальная, книги из шахматовской библиотеки, вещи, каждая из которых имеет свою историю, рассказывают о жизни здесь А. Блока и его семьи, которые каждое лето приезжали сюда из Петербурга, приезжали именно в «деревню», а не на дачу. Дачная жизнь считалась синонимом пошлости».

Примерно год тому назад к музео-заповеднику А.А. Блока «Шахматово» была присоединена находящаяся в семи километрах усадьба Д.П. Менделеева (вернее то, что от неё осталось) Боблово, с крохотным, пока провинциальным музеем. Так образовался в Подмоскovie новый музей-заповедник Д.П. Менделеева и А.А. Блока. Сбылась давняя идея академика Д.С. Лихачёва, который, побывав в Блоковских местах, влюбился в них и много писал о необходимости создания в предгорьях Капинско-Амитровской гряды большого историко-культурного, научного и природного музея-заповедника генерального учёного и великого поэта. За эту идею мы буквально боролись не одно десятилетие, много раз писали о ней, и вот она, наконец, осуществилась.

Заведил Амитрий Сергеевич в своих статьях и выступлениях, в том числе и в нашем журнале, восстановить находившуюся в руинах замечательную церковь Михаила Архангела, прекрасный образец московской архитектуры XVIII века. В этой церкви в деревне Тараканово, стоящей ровно на полпути между блоковским Шахматовым и менделеевским Бобловым, в 1903 году венчался А. Блок с А. Менделеевой. Мы помним, как в 1988 году стояли с Д.С. Лихачёвым у стен этого разрушенного временем и людьми храма и говорили, что пока не начнутся службы в этой белой церкви, возрожденной после десятилетней поруганности, душа не вернется в блоковские и менделеевские места. Академик затем не раз писал об этой поруганной церкви над Лутосней, лежащей в руинах, всегда вспоминая при этом эти строки Блока:

*Девушка тела в церковном хоре
О всех усталых в чужом краю,
О всех кораблях, ушедших в море,
О всех, забывших радость свою.*

Несколько статей о таракановской церкви можно прочитать и в нашем журнале.

Среди тысяч публикаций, появившихся на страницах «Нашего наследия» за четверть века, есть, конечно, и особые, которыми журнал может гордиться. Вот лишь один пример. Главный редактор «Нашего наследия» В.И. Ешнерлов рассказывал, о своих чувствах, когда он летел из Лондона нах

Главный редактор журнала В.И. Ешнерлов, главный художник А.А. Рюмин, 1-й заместитель Председателя Советского фонда культуры Г.В. Мисшиков и английский издатель Р. Максвелл на пресс-конференции в РИА Новости, посвященной журналу «Наше наследие», 1989 г.

Аманнени, достав из кармана пиджака пожелтевший конверт, вынул из него письмо, написанное рукой А.С. Пушкина. «Было что-то мистическое, — вспоминает он, — на высоте десяти тысяч метров держать в руках подлинное письмо Пушкина». Это было послание поэта французскому актёру Александру Ватерману, которое редакции удалось с помощью своих друзей-спонсоров приобрести на аукционе Сотбис. Как позже оказалось, это был последний большой неизвестный автограф А.С. Пушкина. После публикации в «Нашем наследии» письмо это отправилось в Пушкинский дом в Санкт-Петербург, где хранятся все бумаги поэта.

В «Нашем наследии» мы любим публиковать «почтовую прозу». Неслучайно, например, номер, посвященный 10-летию журнала, открылся письмами П.А. Бунина, удивительными, очень искренними и личными его посланиями к писателю, ученому, меценату Б.Г. Пантелеймонову, которого Бунин и Тэффи нежно любили и по смерти которого обливались слезами. А в только что вышедшем 107-м номере «Нашего наследия» напечатаны письма А.М. Ремизова, адресованные тому же Б.Г. Пантелеймонову, и неизвестные рисунки Ремизова.

Все лишувшие годы последовательно, невзирая на все внешние изменения и катаклизмы, журнал старается выносить программу, заложенную при его рождении. Она включает возвращение читателям работ несправедливо забытых философов, литераторов, художников, публикацию мемуаров, писем, архивных материалов по истории России и её культуре, рассказы о частных коллекциях произведений искусства, архитектурных памятниках, музейных записках, культуре российской провинции.

Когда стоит проблема выживания, сохранения цивилизации, спасения России, надо отчетливо сознавать, что речь идёт не только о биологическом выживании, но и о спасении русской культуры как бесценной части мировой цивилизации. Работа журнала постоянно ведётся в русле решения этой проблемы. Большой интерес общественности вызвали целевые номера журнала, посвящённые культуре русской усадьбы и дворянские выпуски к 850-летию юбилею Москвы, юбилею Санкт-Петербурга, XX веку...

Благодаря авторитету журнала за рубежом, после наших публикаций в библиотеки и архивы России были переданы более пяти тысяч томов произведений русских зарубежных писателей, философов и общественных деятелей, письма, рукописи, дневники и другие материалы из архивов Э. Гиншпус и А. Мережковского, П. Бунина, А. Ремизова, А. Блока, уникальный архив М. Алдинова, письма политических деятелей «молодой России» времён Александра I, архив Верховного Главнокомандующего Русской армии, одного из лидеров Белого движения генерала М.В. Алексева, произведения художников П. Бялбиза, В. Серова, П. Ренина и так далее, и так далее... Книжная издательская программа журнала «Итого наследие» включает выпуск забытых произведений отечественной литературы и мемуаров замечательных русских людей. Впервые в России изданы воспоминания княжны М. Васильчиковой «Берлинский дневник 1940–1945», мемуары генерала от инфантерии П.А. Флангина «На службе трёх императоров», сборник воспоминаний о Москве – «Московский альбом» и другие издания. Сейчас подготовлена полная комментированная библиография «Итого наследия» за 25 лет. И если, дай

Бог, найдутся спонсоры, это примечательное для постсоветской культуры издание выйдет в свет.

Выставочная деятельность, ведущаяся в журнале более 20 лет, – совершенно особый проект «И нашего наследия», вводящий творчество современных художников (живописцев и графиков), скульпторов, фотографов, мастеров декоративно-прикладного искусства в контекст «наследия». Мастера, современные и успешные в XX–XXI вв., москвичи, петербуржцы, екатеринбуржцы, художники из Финляндии, Франции, США, Швейцарии, из многих российских городов и деревень, из разных стран мира показывают в нашем выставочном зале свои работы, который работает в режиме “nonstop”. Каждые 2–3 недели одна выставка сменяет другую. Их состоялось в «И нашего наследия» уже около 400. За минувшие годы зал «И нашего наследия» стал любимым местом представления своих работ для многих и многих художников, и очередь жаждущих экспозиции растянулась на несколько лет. Вот далеко не полный перечень мастеров, с творчеством которых можно было познакомиться в «И нашего наследия» за минувшие годы: художники Юрий Арцы, Ирина Старженецкая, Евгений Куманьков, Антон Куманьков, Евгений Манян, ученица Н. Филонова Юлия Драпова, Тамара Рейн, А.П. Кравченко, Борис Жутковский, Борис Дюдоров, З. Арпакуни, исландиянин Александр Сройло, театральный художник Эдуард Кочергин, школьный учитель К.М. Мухлин; фотографы Александр Викторов, Екатерина Голицына, К. Победян; скульпторы Азарь Гадасев, Олег Комов, Георгий Франгулян. Можно назвать ещё сотни имён замечательных мастеров, выстававлявшихся в «И нашего наследия». Конечно, статьи об этих выставках появляются на журнальных полосах, связывая «век нынешний и век минувший», подчёркивая текучесть времени и преемственность художественных поколений. Искусствовед Е.В. Папутина, куратор и арт-директор нашего выставочного зала, необычайно тонко и интеллектуально выстраивает экспозиционную политику. Со временем зал «И нашего наследия» стал одной из самых привлекательных для истинных художников выставочных площадок Москвы.

За минувшие годы в «Нашем наследии» собралась прекрасная художественная коллекция (около 500 работ) живописи, графики, скульптуры, фотографии, охватывающая период с начала XX века по 10-годы XXI века. Судьба этой коллекции теснейшим образом связана с судьбой журнала.

Необходимо и важно сохранить это постоянно пополняющееся собрание в целости. По нему можно отчётливо проследить пути и перемены изобразительного искусства XX—начала XXI века и убедиться в силе художественных традиций и таланта, переходящего по наследству от делов и отцов к детям и внукам.

Вокруг свящённого «Нашим наследием» памятника архитектуры XIX века — «Дома архитектора Дельсала», где с первого дня размещается редакция журнала, журналисты за десять лет восстановили уникальный памятник ландшафтной архитектуры — типичный московский дворик-сад с теми же деревьями и растениями, которые росли на этом месте на рубеже XIX и XX всков. В саду редакции установлены памятники А.С. Пушкину и А.А. Блоку, выполненные замечательным, недавно ушедшим от нас скульптором А. Гадаевым. Это возрождённое место любят москвичи.

Последние годы жизни «Нашего наследия» были непростыми, как не проста и жизнь всей России. Вынужденно сократился тираж журнала, он почти полностью лишился государственной поддержки, во много раз выросла его цена. Из Англии журнал пересёхал печататься в Финляндию, где специалисты из А/О «Ю-вомедиа» сделали всё, чтобы сохранить высокий уровень его полиграфического исполнения. Последние несколько лет журнал печатается в России, и мы воочию убедились, что полиграфия в нашей стране достигла очень высокого уровня.

У «Нашего наследия» много друзей в России и за рубежом. Одним из самых верных был князь Г.И. Васильчиков, писатель, историк, переводчик. Он много печатался в «Нашем наследии», публиковал свои воспоминания, богатейшие материалы семейного архива, чудом спасённого в эмиграции, отрывки из воспоминаний своего отца И.С. Васильчикова, матери А.А. Васильчиковой (Вяземской), сестры Марии, дяди — Б.А. Васильчикова,

Памятник А.С. Пушкину в саду редакции
журнала «Наше наследие».
Скульптор А. Гадасев

министра столяпинского правительства. Г.П. Васильчиков был басмачием, обязательным и очень интересным человеком, истинным русским аристократом, со всеми, невзирая на лица и звания, ровным и всжаивым, очень образованным, подвижным, интересующимся всем на свете. «Нашему наследию» повезло, что у него были такие друзья и авторы.

Сила и влияние «Нашего наследия» и состоит в том, что он объединил вокруг себя таких ярких, необычных людей, как князь Г.П. Васильчиков, барон Э.А. Фальц-Фейн, один из столпов русской эмиграции Н.В. Вырубов, кн. Н.Д. Лобанов-Ростовский и многих других деятелей русской культуры, живших и живущих в России и за её рубежами, верных духу и букве русской культуры.

Одной из важнейших сторон деятельности «Нашего наследия» стал его сайт – интернет-версия журнала /www.nasledie-rus.ru/. Посетители интернет-журнала могут познакомиться не только со всеми материалами, опубликованными в бумажной версии журнала, но и увидеть документальные фильмы, снятые по статьям и очеркам «Нашего наследия», узнать о новых книгах, изданных редакцией журнала. На сайте постоянно появляются отчёты о выставках, прошедших в нашем выставочном зале, тексты и фотографии, связанные с проблемами сохранения наследия, положением дел в музеях, библиотеках, интересные материалы о начинаниях и находках наших авторов и сотрудников. Многие крупные статьи и исследования мы размещаем в интернет-журнале, компенсируя тем самым нехватку бумажных площадей для их публикации – ведь журнал «Наше наследие» хоть и велик по объёму, но выходит всего 4 раза в год. Интернет-журнал даёт нам возможность постоянно и оперативно реагировать на всё проис-

ходящее в России и мире в сфере культурно-исторического наследия и проблемы его сохранения и популяризации.

Мысль об учреждении литературных премий «Нашего наследия» возникла в конце 1990-х гг. в связи с тем, что в стране совершенно отсутствовали общественные премии, поощряющие учёных-гуманитариев, публикаторов, издателей книг, посвящённых литературе, изобразительному искусству, архитектуре и т.д. Учреждая премию имени «шляхостью Божией поэта и человека бесстрашной искренности» Александра Блока, редакция «Нашего наследия» хотела противопоставить её той шляхости, которая захлестнула и, увы, продолжает развлекать нашу общество, когда, например, прекрасные корабли, посвящённые имени А. Блока, Валерия Брюсова, принавартованные к московским набережным, превращаются в дешёвые значные места, а там и сям, неведомо кому и за что выдаются так называемые литературные премии. Литтусовка награждает друг друга, т.е. «литературная элита», разбавленная подозрительными богачами и их клевретами, гуляет и веселится на халяву, не только забыв лозунг интеллигенции: «Дать русскому народу света, больше света», — но сделав всё, чтобы этот несчастный народ одурачить и пожить за его счёт. А лауреаты-писатели с удовольствием участвуют в дьявольском пабале. Этому разлуу шляхости и псевдокультуры мы и противопоставили нашу премию, чтобы протянуть руку талантам и поддержать действительно достойных.

Первой редакционной коллегией журнала и его редакционным советом была учреждена ежегодная премия «Нашего наследия» им. Александра Блока. Её координаторами стали тогдашний директор Института русской литературы РАН (Пушкинский дом), член-корреспондент РАН, член редакционного совета журнала Ш.И. Скалов, доктор исторических наук, член редакционного совета журнала А.Я. Десярёв и главный редактор журнала В.П. Енишерлов. Премия присуждается редакционной коллегией журнала по представлению координаторов за выдающиеся художественные произведения, посвящённые историко-культурному наследию России. Лауреаты премии получают диплом, серебряную

Литературовед С.С. Ассневский и поэт Е.А. Евтушенко
на выставке в редакции журнала, посвящённой А.А. Блоку

памятную медаль Александра Блока и денежное вознаграждение. В 2001 году, первую премию имени Александра Блока получили: искусствовед, историк балета В.М. Гаевский «за фундаментальное искусствоведческое исследование «Дом Петтига», посвящённое истории Мариинского театра, истории петербургского балета на пространстве XIX–XX веков, представляющее собой первый столь углублённый анализ шедевров петербургского балета, творчество легендарных русских балерин и танцовщиков, принесших балету Мариинского театра всемирную славу» и академик РАН, литературовед, главный редактор издательства «Искусство» А.В. Аяров за «Юбилейное научно-комментированное издание переписки А. Блока и А. Белого (1903–1919), выдающегося повесть-альманаха «Эпистолярного романа», уникального литературно-исторического документального памятника, вобравшего ключевые моменты духовных исканий Серебряного века, отразившего пути и судьбы русского символизма и раскрывшего тончайшие аспекты философской и литературной жизни Петербурга-Петрограда в начале XX века».

Специальную премию журнала в этот день получил известный блоковский, один из основателей музея-заповедника Шахматово С.С. Лесневский. Эту символическую премию — фигуру А. Блока, изваянную скульптором Лазарем Гадасвым, лауреат передал на вечное хранение в Шахматово.

Выступая на церемонии, профессор Валим Гаевский сказал, что за десятилетия его работы премия «Нашего наследия» — первая, которую он получил. В последующие годы от многих лауреатов, достойных и талантливых людей, слышали мы эти слова. И радовалась. Значит, наша премия находит действительно достойных. За минувшие годы премию им. Александра Блока получали многие замечательные ученые-литературоведы, искусствоведы, публикаторы, издатели. Среди них: группа сотрудников музея М.М. Пришвина — А.А. Рязанова, Я.З. Гришпина, А.В. Киселёва за издание дневников Пришвина, поистине титанический труд по расшифровке и комментированию огромного текста (писатель вел дневник ежедневно с 1905 по 1954 год), работа над которым ещё продолжается; Е. Корпина и В. Лосская (Париж) за издание дневника сына М.И. Цветаевой Георгия Эфрона в 2-х тт.; Е.Ц. Чуковская за научное издание «Чукоккаль»; М.В. Нащокина за подготовку и издание альманаха «Русская усадьба»; журналист Юрий Рост за книгу «Групповой портрет в интерьере» и другие достойные люди, в самое тяжёлое для нашей культуры время — нашедшие в себе силы продолжить несмотря ни на что культурно-просветительскую работу.

Серебряной медалью премии Александра Блока удостоена профессор, руководитель блоковской группы РАН, постоянный редактор-составитель «Шахматовского вестника» И.С. Приходько; журналист, бывший сотрудник «Нашего наследия» и журнала «Огонёк», ведущий телевизионной программы «Момент истины» А.В. Караулов за постоянное действенное внимание и реальную помощь, которую оказывает его программа историко-культурному наследию, отстаиванию приоритетов традиций классического театра; а также директор музея-заповедника «Шахматово» С.М. Мисочник.

Несколькими годами позже, после установки на здании редакции мемориальной доски Д.С. Лихачёву, «Наше наследие» основало литературную премию его имени. Премия им. Д.С. Лихачёва вручается не ежегодно и за исключительные, в основном, продолжительные издания, посвящённые истории, культуре, образованию, литературе. Лауреаты премии получают диплом и уникальный портрет Д.С. Лихачёва – подлинную цветную фотографию академика, выполненную в саду у советского посольства в Великобритании и отпечатанную в Лондоне в 1988 году в дни презентации в столице Англии первого номера журнала «Наше наследие». Несколько экземпляров этого портрета были переданы редакцией его автором – корреспондентом газеты «Daily Mirror» Сноутоном. По уставу премии, она будет присуждаться до тех пор, пока в редакции не закончатся подлинные отпечатки портрета академика.

В 2012 году премия им. Д.С. Лихачёва была присуждена старейшему члену Редакционного совета журнала С.О. Шмидту и его коллегам, в связи с 50-летием издания уникального периодического научного сборника – «Археографический ежегодник». К величайшему нашему горю это оказалась последняя премия, полученная С.О. Шмидтом, замечательным историком, краеведом, москвоведом, автором чуть ли не тысячи статей и книг. Было радостно видеть как удовлетворён был Сигурд Оттович, получая в редакции премию имени своего учителя и старшего друга. Мы рады, что успели присудить эту премию его любимому ученику – «Археографическому ежегоднику», отдав дань замечательному учёному-просветителю, с уходом которого ушла целая эпоха исторической науки.

В 2013 году, в наш юбилейный год, «Наше наследие» вручает сразу две премии – им. Александра Блока и им. Д.С. Лихачёва. Премия им. Александра Блока присуждена академику РАН, заместителю по научной работе Государственного музея А.С. Пушкина, крупнейшему пушкинисту современности Наталье Ивановне Михайловой за биографию Василия Львовича Пушкина, дяди поэта, вышедшую в серии “ЖЗЛ” и создание мемориального музея В.А. Пушкина в Москве.

Обложка № 105 журнала
«Наше наследие», 2013

делающих его и пишущих для него. Нужна добрая воля и помощь государства. Каждый номер признанного во всём мире журнала, посвящённого историко-культурному наследию России, невозможно сделать «Христа ради», буквально вымалывая копейки на его издание.

Д.С. Лихачёв говорил и писал о «Нашем наследии», как о важнейшем деле, которое ему удалось инициировать и поддерживать в конце 80–90 годов прошлого века. Мы верим и надеемся, что о нашем непростом времени, когда культура подвергается нападку далеко не безобидных гламурных изданий-безделушек, неудержимой пошлы на эстраде, издевательству над классикой на сцене и экране, об этом времени будут судить и по более, чем 100 книжкам «Нашего наследия», журнала, который Президент России В.В. Путин назвал «Визитной карточкой русской культуры».

«Нашему наследию» исполнилось четверть века. Это уже достаточно большой срок и можно «подводить итоги». Но почему-то кажется, что журнал «Наше наследие», который бережно хранят на полках своих библиотек и академики, и студенты, и учителя, и музейщики; журнал, рождённый поапрельской весной, о котором говорят, что его «не выбрасывают, прочтут», — не канет в Лету, не растворится в бездне дней, а продолжит утверждать идеи величия культуры, заложенные Д.С.Лихачёвым. Но для этого мало таланта и знаний людей,

За два года до рождения «АБ»

Валентин Волков (Москва)

Московский клуб любителей миниатюрной книги (МКАМК) организовался чуть раньше, в 1971 году, за два года до рождения «Альманаха библиофила», но их истории переплетаются между собой вот уже 40 лет. Материалы о миниатюрных книгах появились в первых номерах издания и не сходят с его страниц по сей день.

Первый Председатель МКАМК П.Д. Почтовик в «АБ» №4 (1977) дал обстоятельную статью «Заметки о современных миниатюрных изданиях», в которой на 15-ти страницах рассказал об истории появления книг-малюток в нашей стране и ярко проиллюстрировал материал 12 фотографиями обложек различных изданий. В №19 «АБ» П.Д. Почтовик пишет о собирательстве миниатюрных книг, называя его «новой отраслью библиофильства», как и свою статью, которая носит, в основном, официально-информационный характер. В частности, автор акцентирует внимание на том, какую огромную помощь оказывает собирателям библиографический указатель «Миниатюрные книги СССР». А далее, в этом же номере О.Г. Асунский печатает статью «Этот неутомимый Почтовик...», где очень живо и интересно рассказывает о создателе и бессменном руководителе клуба миниатюристов, который «с нуля» создал это замечательное общественное объединение.

Эстафету публикаций о миниатюристах и их книжных собраниях приняли от П.Д. Почтовика те, кого он когда-то собрал

П.Д. Почтовик, 1930
(Из архива
А.П. Кармилина)

вместе в клубе. Регулярно даёт свои материалы в альманахах Г.В. Смирнов. В №30 «АБ» в рубрике «Поиски и находки» он пишет о редких миниатюрных изданиях XIX—начала XX веков. В №32 «АБ» публикует целую подборку не больших, но интересных и запоминающихся заметок о миниатюрах. В №35 «АБ» информирует о прошедших выставках миниатюрных книг («Заметки с выставки»).

О своих подвижниках и работе МК АМК делались воспоминания руководители клуба Я. Костюк (№31 «АБ», 2007 г.), С. Пичкольскы (№32 «АБ», 2008 г.).

Отдельный раздел был отведён миниатюристам П.А. Почтовнику, К.М. Пальну, А.А. Бадялову, В.В. Лобуреву, и в целом, работе клуба в «АБ» №33, посвящённом 35-летию ВОК—МСК. И это закономерно, ведь МК АМК практически одновременно с «АБ» вошёл в лоно Всесоюзного общества книголюбів, осуществляя совместную деятельность по пропаганде книги. Да и сейчас его заседания и тематические выставки проходят в стенах Музея экзальбриса и миниатюрной книги МСК.

В числе авторов «АБ» были наши коллекционеры: Г. Галушки («Записки книжника» №30 «АБ», 2006); В. Марков («Мой опыт» №35 «АБ», 2012); М. Вяткин («Слово о мастере» (о Маркове В.А.) №35 «АБ», 2012); «Очарованная миниатюрой» (о Пестеровой М.И.) №30 «АБ», 2006); А. Громов («Новое издание «Липкишань» в миниатюре» №35 «АБ», 2012); Г. Мармыш («Жизнь познаётся из книг» №35 «АБ», 2012).

Всё это я так старательно описал потому что, надеюсь, как бы не сложилась в дальнейшем жизнь нашего небольшого коллектива, многие из которого вышли по возрасту, а иных уже нет с нами, работа клуба миниатюрных книг не будет забыта и, как прежде, найдёт своё место на страницах будущих изданий «АБ».

Десять лет в эпоху перестройки *(Памяти Председателя МК АМК К.М. Ильина)*

Михаил Вяткин (Москва)

В декабре 1990 года я в качестве «вольнотрушателя» впервые присутствовал на заседании Московского клуба любителей миниатюрных книг (МК АМК). Повестка дня, помню, была «Встреча с клубом афористики». А через месяц, 23 января 1991 года, был принят в члены славного МК АМК.

Руководил тогда клубом Кирилл Михайлович Ильин. Без малого десять лет имел я возможность наблюдать этого неординарного человека, о котором хочу рассказать. Родился Кирилл Михайлович 22 ноября 1914 года в Тверской области в семье строителя. После окончания в 1936 году Московского инженерно-строительного института им. Куйбышева, работал на строительстве промышленных объектов в Москве и Московской области. С первых дней войны служил в инженерных войсках, участвовал в обороне Москвы, далее его боевой путь лежал через Сталинград и Берлин до самой Эльбы. Закончил войну командиром военно-строительного отряда в звании майора. Награжден семью орденами и девятнадцатью медалями.

После войны восстанавливал разрушенные города – Брест, Минск, работал на строительстве объектов связи. В 1967 году удостоен ордена Трудового Красного знамени. Уволен из рядов Вооруженных сил в 1972 году в звании полковника. Продолжал работать по основной специальности в отделе капитального строительства Управления делами Совета Министров СССР.

Миниатюрные книги начал собирать с 1969 года. С 1971 года – член МК АМК. С 1989 года по 2000 год был председателем клуба, сменив на этом посту его основателя – П.Д. Почтовика.

В собранной им коллекции миниатюрных книг насчитывалось около семи тысяч экземпляров из сорока стран мира. В периодической печати опубликовал более ста пятидесяти статей о миниатюрных книгах. За большие заслуги в деле пропаганды

книги ему было присвоено почётное звание «Заслуженный деятель культуры Российской Федерации». В 1999 году МК АМК опубликовала тиражом 100 экземпляров его сборник «Встречи с книгой». Награждён медалью МСК «Иван Фёдоров».

В этом человеке мне с первых встреч imponировало всё. Привлекательной была его внешность: высокий, представительный, с располагающей улыбкой, внимательный к собеседнику. Он, «восточная косточка», всегда излучал какой-то необыкновенный, пионерско-комсомольский оптимизм, задор и уверенность. Приглашал его мастера вести заседания клуба — мягкая твёрдость (так!), умение владеть ситуацией, способность погасить возможный конфликт, не допустить перерастания спора в перепалку. Удивляло меня, новичка, его необыкновенная осведомлённость в области книговедения вообще и миниатюрной книги, в особенности, его таинственного и просветителя. Помню, пзумгла должная им на одном из заседаний клуба разработанная система учёта книг; обеспечивающая удобство поиска нужного экземпляра в его огромном книжном собрании. Он собирался опубликовать её в виде миниатюрной книги, но сделать ему это не довелось. Прискорбно сознавать также, что не был своевременно опубликован и не введён в научный оборот каталог его уникальной в своём роде библиотеки, тем более, что труд его, как собирателя, не оценён в должной мере, и библиотека его, как мне известно, распадается.

Надо сказать, что, как новый член клуба, одноклубникам я был совсем не интересен. Не знал ни истории миниатюрной книги, ни современной картины этого вида полнграфической продукции. Меняться мне было совершенно нечем — миниатюрных книг у меня практически не было. Коллекционером я не был, обращившись лишь собственными самоделками из числа тех, которые с мая 1987 года начал печатать отраслевой журнал «Полнграфия». Председателя клуба я тогда воспринимал только как «зрителя из рядов». По мне были интересны как люди клуба, так и его гости — издатели, поэты, переводчики, собиратели, художники.

Так получилось, что в апреле 1992 года в Музее экалибриса на Пупечной, где проходили заседания клуба, редакция журнала «Юлиграффия» совместно с Центральным Правлением ВОК организовала выставку конкурсных переплётных работ. Участвовал в ней также видный мастер переплёта, как В.А. Чуретин, В.П. Горелов (Москва), А.А. Колмакчиев (С.-Петербург), Ю.Ф. Малышев (Солнечногорск, Моск. обл.) и др. Выставка была большой, впечатляющей и вызвала значительный интерес у посетителей музея. Помню, при подведении итогов в числе других выступил и Кирилл Михайлович. Поздравив победителей и призёров конкурса, он отметил, что экспонаты выставки соответствуют европейским форматам, а по качеству исполнения, по оригинальности оформления в массе своей превосходят или, как минимум, не уступают зарубежной миниатюрной книге.

Переплётчики-члены клуба — не затерялись тогда в массе конкурсантов, войдя в число призёров, а В.А. Марков стал победителем конкурса. Сам же Кирилл Михайлович с той поры стал почти постоянным посетителем выставок конкурсных работ, которые тогда проводились ежегодно. Его привлекали к работе в качестве члена жюри конкурсов. Он с готовностью принимал эти предложения, ему всегда хотелось знать всё, что происходило в мире миниатюрной книги.

Вскоре в моей тетради учёта переплётных работ стала появляться фамилия нашего председателя, он начал заказывать книги, публикуемые «Юлиграффией». Заказывал обычно по два и больше экземпляров, видимо, для последующего обмена на другие миниатюры. Стал обращаться ко мне с просьбой реставрировать ту или иную миниатюру. За эту работу я брался с большой неохотой ввиду её очевидной специфичности. Тем не менее, через мои

К.М. Пильш, 1996
(Из архива А.П. Кармишина)

К.М. Пабын и А.П. Кармишин
в Музее эксплибриса МСК, июнь, 1999 г.
(Из архива А.П. Кармишина)

руки прошло около десятка книг — пришлось восстанавливать какое-то старинное «Евангелие», молитвенник 1911 года издания (на шрифте), два экземпляра погансоповской «Полтавы» А.С. Пушкина и др. Когда был выпущен его сборник «Встречи с книгой», я изготовил четверть тиража. В качестве элемента оформления книги использовал изображение личного клейма Кирилла Михайловича в виде кириллической буквы «И», соединённой с растительным орнаментом.

Всего, судя по моим записям, я сделал для него более полутора сотен миниатюрных книг и одну малоформатку под названием «Вавилонская башня».

Постепенно, с годами, наши отношения стали достаточно доверительными. Под его влиянием я стал приобретать некоторые из тех книг, которые он распространял в клубе. Иногда он уступал их мне с той или иной скидкой. На своём юбилейном вечере 23 ноября 1994 года он потихоньку сказал мне, что рад: «переплётчики вошли в элиту клуба». Я понял это так, что мы перестали быть балластом, а приносим клубу какую-то заметную пользу. Однажды, помню, отозвав меня в сторонку, он подарил мне редкую книгу «Библиофил и миниатюрная книга. К 80-летию Папына Кирилла Михайловича» (сост. С.А. Першин, Дзержинск, 1994). Есть у меня и «Встречи с книгой» с его тёплой дарственной надписью.

Вспоминая десятилетие с 1989 до середины 2000 года, хочется сказать, что клубная жизнь тогда была интенсивная, насыщенная, интересная. При Кирилле Михайловиче усилиями членов МК ЛМК было издано более двухсот миниатюрных книг — каталогов, сборников прозы, стихов, художественных альбомов. Члены

клуба выступали в качестве издателей, авторов, составителей или фигурантов. Тогда же с целью пропаганды миниатюрной книги было организовано девяносто выставок книг из собраний членов клуба – в школах и библиотеках, в Домах культуры и Выставочных центрах в России и за рубежом. В клуб в качестве гостей приходили творческие люди. Помню, как поэт и переводчик Я. Козловский сказал, что «он очень удивлён тем, что послушать его собралось так много народа, который интересуется книгами, что на лицах собравшихся «написан интеллект», что на творческий вечер в Союзе писателей столько народа собрать не удётся». На другом заседании ту же мысль выразил главный редактор альманаха «День поэзии», поэт Н. Старшинов: «Я удивлён, что в такое трудное время находятся люди, которые издают книги стихов, которые читают стихи и готовы их слушать».

Уход Кирилла Михайловича ознаменовал конец целой эпохи. В клубе начал устанавливаться другой нравственный климат. Он стал хиреть, уменьшалось число его членов, стали забываться и исчезать из жизни клуба многие формы его работы, порой неожиданно стали всплывать амбиции у некоторых коллекционеров, проявляться пренебрежительное отношение к работе коллег, к клубным традициям. Тому было несколько причин. Не буду говорить о субъективных. Главной, по моему мнению, была объективная, возникшая независимо от нашей воли. Стали стремительно затухать культурные традиции советского периода, сменялись приоритеты, была внедрена новая система ценностей, на которую усиленно ориентировалось подрастающее поколение. Миниатюрная книга, несмотря на её многие несомненные достоинства и привлекательность, тоже стала сдавать свои позиции, терять былую популярность.

Я подозреваю, что Кирилл Михайлович уловил вектор сползания общества, почувствовал веяние времени, ему стало неуютно в новой атмосфере. Было замечено, что в середине 1997 года он стал заметно выдвигать на первые позиции члена правления клуба молодого и энергичного А.И. Карминина, передавая ему всё большую часть работы председателя, сам стал как бы

отходить в тень. Для меня, как и для многих других одноклубников, была непонятной та настойчивость, с которой он добивался своего освобождения от председательских обязанностей. Может, сказывался возраст, подводило здоровье? Ещё в 1995 году он перенёс серьёзную операцию. В 1998 году сделали сложную операцию его супруге. Да и сама по себе жизнь наша, её повседневность, становилась всё более угнетающей. Ушли из жизни многие из лучших людей клуба — Э.И. Яновский, М.И. Кузнецова, У.М. Спектор, В.И. Старостин и др. Всё это, конечно, не могло не сказаться на самоощущении Киррала Михайловича, его работоспособности. В клубе бытовало тогда мнение, что не всё определяется возрастом, но так или иначе, Киррал Михайлович не стал дожидаться даже тридцатилетнего клубного юбилея. После перепоздравания постепенно вообще перестал появляться в клубе.

Так прошло ещё пять с половиной лет. Умер он в 2006 году на девяносто втором году жизни. Провожали его в яркий солнечный мартовский день. Прощаться пришли только родственники и мы, одноклубники. Из Совета ветеранов Восточного Измайлово не было никого.

2014 год будет годом столетнего юбилея Киррала Михайловича. Хочется, чтобы МКАМК достойно отметила это событие, может быть, издав памятную книгу об этом светлом человеке — строителе и воине, прожившем большую часть своей жизни в Советском Союзе и ушедшем следом за ним.

А.И. Калашников – неизвестные страницы из жизни художника

Людмила Шустрова (Москва)

А.И. Калашников хорошо известен всем как замечательный художник-график, автор более тысячи эскизбрисов; человек, с чьим именем зарубежные коллекционеры долгое время ассоциировали всю советскую школу эскизбриса, т.к. в этот период он был самым «выездыным» художником великого Советского Союза. Однако мало кто знает о большой общественной работе, которую вел Анатолий Иванович, будучи членом Центрального Правления Всесоюзного общества книголюбков, руководителем секции эскизбриса при ЦИВОК (с 1986 г.), членом редакционного совета «Альманаха библиофила» (№13 «АБ», 1982 г.).

Возникновение новой структурной единицы, секции эскизбриса при ЦИВОК, было связано со стремительным ростом числа

А.И. Калашников (слева) на открытии персональной выставки в библиотеке им. Н.А. Некрасова, июль 1974 г.
(Из архива ВОК–МСК)

(слева направо) В. Якубовский (Польша), М. Белешь (Польша), А. Калашников (СССР), А. Рыжкович (Польша), Е. Голыковский (СССР), С. Котарский (Польша) Международный конгресс эскибриса. Буденешт, ноябрь, 1970 г.

секций эскибриса и графики при республиканских и областных организациях книголюбив. Необходим был всесоюзный центр этого общественного движения. Его и поручено было возглавить А.И. Калашникову. К тому времени, он был уже Заслуженным художником РСФСР. Его работы экспонировались более чем на 100 персональных выставках, проведённых на родине и в странах Европы. В августе 1988 года А.И. Калашников участвует в работе XXII конгресса Международной организации художников-эскибрисистов и собирателей эскибриса (FISAF) в Дании, представляя графическое искусство своей многонациональной страны. На этом конгрессе отечественные эскибрисисты были приняты в члены FISAF.

Возвращаясь к страницам истории «АБ», следует сказать, что тематическая рубрика о художниках «Резцом и кистью» появляется только в 1982 году («АБ» №12), и связана она была больше,

на наш взгляд, со статьёй О. Ерохиной о главной художнице «АБ» В. Ватине, в дополнение к которой были даны ещё два материала, несущие больше библиофильский характер (о Кнебеле, Нарбуте и Е. Лансере).

О художниках-графиках, иллюстраторах книги и экслибрисистах «Альманах библиофила» целенаправленно и постоянно начинает писать с «АБ» №14 (1983 г.). С этого периода рубрика «Резцом и кистью» практически не сходит с его страниц. Безусловно, в этом была заслуга, прежде всего, Анатолия Ивановича, который взял пропаганду экслибриса в «АБ» под свой личный контроль.

«АБ» №13–28 – это период, когда в составе редакционного совета находился Анатолий Иванович. Под его покровительством увидели свет статьи о художниках-экслибрисистах: А.И. Кравченко, В.Н. Вакидине, Ф.А. Константинове и др.

О самом художнике А.И. Калашникове находим упоминания уже в первых номерах «АБ» в статьях С. Вуля и Я. Бейлинсона. В ст. «История и жизнь страны в экслибрисе» Я. Бейлинсона («АБ» №4) читаем: «Девять международных наград получил на конкурсах экслибриса за минувшие 6-7 лет московской мастер А. Калашников. В последние годы он выполнил свыше трёхсотксилографий. Большой успех выпал на долю серий книжных знаков для создателей советской авиационной техники (демонстрировалась на выставке «50 лет гражданской авиации СССР»). Каждый новый экслибрис работы А. Калашникова встречается с большим интересом. Художник постоянно совершенствует своё мастерство».

А о том, как начиналась подвижническая общественная деятельность художника, читаем в многочисленных письмах, которые с 1986 года приходили в ЦП ВОК на его имя. В них – слова надежды и благодарности, просьбы и пожелания, доверие и искренняя симпатия и, конечно, экслибрисы.

Из писем А.И. Калашникову

Худ. В.Ф. Мощенко
Цинкография, 1980

5.07.1986, г. Винница
Дорогой Анатолий Иванович!
Благодарю Вас за отличные букеты, внимание к нам периферийным коллекционерам. Я думаю, что Вы, своим авторитетом, талантом, деловитостью значительно улучшите издание каталогов выставок экслибрисов, публикацию материала об экслибрисах в каждом номере "Альманаха библиофила". Я ревностно собираю каталоги, люблю их, но... Чаще о них только слышу, сюда (в Винницу) они никогда не поступают. Я лишилась даже такой маленькой радости...

Итак, ещё раз спасибо и от всей души желаю Вам здоровья, энергии, творчества, радости, а Всемирная слава у Вас есть!

Покрестие Вани А.С. Зуев

Худ. В.А. Максимов
Офорт, 1981

11.07.1986 г., г. Фрунзе
Уважаемый Анатолий Иванович, благодарю Вас за присланный экслибрис, букеты по выставке экслибриса и сообщаю свой новый адрес: 720060, Фрунзе, м-н Асабай, 46, кв. 41

В.А. Максимов

7.07.1986 г. г. Иркутск

Уважаемый Анатолий Иванович!

Благодарю Вас за буклеты с выставок, которые я благополучно получил, о чём сиюну Вам сообщить.

Несколько дней назад я отправил на Ваш адрес заказную бандероль с некоторыми экспонатами. Я на днях уезжаю, потому, к сожалению, не смог отпечатать и послать другие свои ЕД, которые, на мой взгляд, могли бы быть представлены. Надеюсь, что что-то подойдет и из того, что я послал. Всего доброго.

О.В. Беседин

11.08.1986, г. Ленинград

Дорогой Анатолий Иванович!

Прежде всего большое спасибо Вам за красивые буклеты к выставкам ЭА. Они очень хороши и интересны и, с моей точки зрения, единственный их недостаток состоит в том, что слишком мало в них Ваших работ.

Мне кажется, что следует подумать нам с нашим экспонированным новым дарём об организации у нас в Ленинграде ещё одной Вашей выставки. Теперь у наших ЭАистов, председатель очень толковый и нестарый товарищ, по имени Вениамин Викторович Худолей. Вот начнётся сезон и можно будет с ним поговорить об этом, но не ранее, чем получу Ваше согласие на это мероприятие. Вероятно, стоит это организовать в том же магазине, как и прежде — у милой Инны Константиновны. Я теперь уже не председатель нашей Секции. С большим трудом вырвался, но избран почётным председателем и в бюро остался, чтобы помочь своему преемнику, чем и занимаюсь, вопреки годам и значительно ослабшему состоянию. Так вот, дорогой Анатолий Иванович, напишите, как Вы к этому относитесь, а там будем действовать. Я

КНИЖНИЦА

ПРИЯТОВА

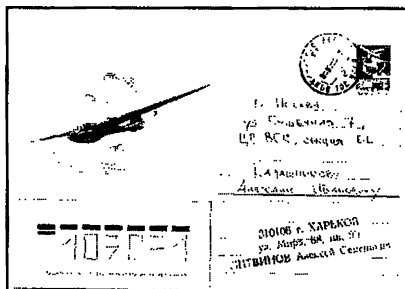
Худ. О.В. Беседин
Офорт, 1983

потихоньку грущу, что очень давно не присылали Вы мне Ваши новые ЭЛ. Последние были из 500-х №№, а сейчас, наверно, падут 1000-е... Не без грусти вспоминаю бывшие лучшие времена, когда и виделась мы с Вами, и встречались чаще. Теперь я в столице, да и нигде в иных городах и весях, не бываю, даже ни на какие курорты не езжу, да и до Москвы уже три года, как не могу расхлебаться доехать, и льготные билеты пропадают...

Как Вы живёте и чем? Раньше я понимал, теперь нет. Одно хорошо, что Вы теперь заняли пост всесоюзного председателя ЭЛстов. Это превосходно и справедливо. Кстати, жив ли Соломон Абрамович Вуль? Он, кажется, был Вашим предшественником.

Мы с Анной Фёдоровной горячо желаем Вам и Людмиле Николаевне самого отборного счастья и успехов во всём!

Ваш Я.Б. Рабинович

5.09.1986 г., г. Харьков

Уважаемый Анатолий Иванович!

Извините за задержку с ответом, почти всё лето был в разъездах: велопоход по Харьковской области, отпуск, командировка по работе.

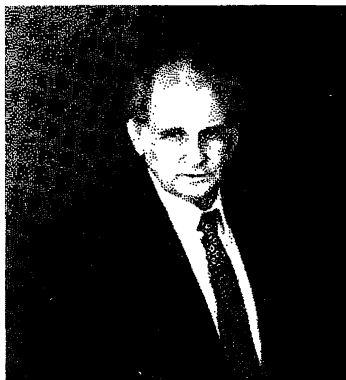
Большое спасибо за присланные буклеты и намятки выставки «40 лет Победы». Мне приятно, что и моя работа была представлена на Всесоюзной выставке ЕЛ.

Сейчас готовим в Харькове выставку детского экспорриса (харьковчан), а также готово ряд работ на конкурс, объявленный Украинским обществом книголюбов, киевским областным и городским обществом книголюбов.

Ещё раз благодарю за присланное.

С уважением и добрыми пожеланиями во всё. А.С. Литвинов

В.В. Лобурев – основатель Музея экслибриса МСК, член редколлегии “АБ”

В.В. Лобурев, 2005
(Из архива ВСК–МСК)

Пожелтевшая страничка со статьей Марка Кабакова «Набережная библиофилов», аккуратно вырванная из журнала «В мире книг» за 1976 год, больше тридцати лет хранится в нашем архиве. На ней – фотография и подпись сверху – В.В. Лобурев.

Вряд ли кто из знавших этого незаурядного человека в последние годы его жизни смог бы понять без этой подписи, кто изображён на фоне стеллажей с книгами. Сравнив этот снимок с фотографиями его последних лет жизни, можно в полной мере осознать, какой грандиозный путь интеллектуального и духовного развития прошёл Владимир Васильевич Лобурев за свою красиво и достойно прожитую жизнь. В начале 80-х годов прошлого столетия полковник-инженер Северного флота В.В. Лобурев вышел в отставку и поселился под Москвой в городе Красногорске. А как начинался его славный путь служения Книге и Экслибрису в Североморске – мало что было известно из-за редкой скромности этого человека. Ответ на вопрос даёт очерк соученика по Высшему Военно-морскому училищу в Ленинграде и сослуживца Лобурева по Северному флоту поэта Марка Кабакова. Мы сочли возможным перепечатать его в «Альманахе библиофила», в возрождении которого Владимир Васильевич Лобурев принимал самое активное и деятельное участие.

О жизни и деятельности В.В. Лобурева – директора Музея экслибриса МСК, напоминают письма, адресованные ему. Они – разные: просьбы, предложения, отклики и даже упрёки.

Но это – страницы нашей истории...

“Набережная библиофилов”

Марк Кабаков (Североморск–Москва)

Мы учились с ним, не зная друг друга, в одном и том же ленинградском училище. Вышнее Военно-Морское инженерное ордена Ленина имени Дзержинского, а в своём кругу, ласково: «Дзержинка». Училище располагалось в Адмиралтействе.

Будущие корабельные инженер-механики, мы изучали самые новейшие приборы, расчлуживали мудрёные схемы, а гуляя, метровой кладки стены, казалось, тапал в себе раскаты залпов самотупящих петровских фрегатов. Прошлое и настоящее причудливо переплетались: амширная леска парадных залов и стерильная чистота лабораторий. А за стеклянными дверцами циркустированных бронзой книжных шкафов мерцали бесчисленные тома с золотым тиснением на переплётах. Библиотека Адмиралтейства.

Не здесь ли рождалась у курсанта Лобурева та всепоглощающая страсть к книге, которая живёт в нём по сей день? И укреплялась во время учебных плаваний, когда после выматывающей дуны штурмовой вахты нет ничего отрадней, чем прилечь на койке с хорошей книжкой в руках...

Так или иначе, но позав после окончания училища на Север, Владимир Васильевич Лобурев весь свой, не слишком-то богатый временем досуг посвятил книге и более того – книговедению.

Я познакомился с Лобуревым, уже полковником-инженером, за 69-й параллелью, в Североморске.

В эту августовскую пору город был пустынен. Три раза в день: утром перед подъёмом флага, в обед и вечером, он вскипал пригбосм белых флотских фуражек, перестуком торопавших шагов и шумом автомобилей, а потом опять затихал. Женщины и дети отдыхали в южных краях, а жизнь мужчин в основном сосредотачивалась там, где у причалов и пирсов, тяжело осев в синей студёной воде, стояли боевые корабли Северного флота.

И сразу же я стал замечать, что среди множества фамилий, которые мне приходилось по разным поводам слышать, чаще

других упоминалась одна: Лобурев. Шла ли речь об интересе североморцев к современной поэзии, о редкой ли книге по истории флота, которую мне хотелось посмотреть, о деятельности местных книголюбов, неизменно упоминалось имя Владимира Васильевича. На приглашённом билете Клуба любителей книги /макет этого билета делал Лобурев/ – горьковское изречение: «Книга, быть может, наиболее сложное и великое чудо из всех чудес, сотворённых человечеством на пути его к счастью и могуществу будущего». Убеждённое восприятие этой горьковской формулы помогает Лобуреву, как я убедился впоследствии, отдавать свободное время и силы проведению глубоких рейдов в книжном океане.

Ещё не кончился полярный день, но уже проглядывали сумерки – предвестники близкой осени, и подёрнутый сильно сероватый свет тянулся в комнату из плотно прикрытых окон. Отзавывал северный ветер. И, наверное, оттого, что свет был неяркий, книги Лобурева не пестрели корешками переплётов, а заполняли высокие стеллажи как-то ненавязчиво.

Удобность размещения книг соответствовала характеру их владельца, человека на редкость собранного. Высокий, подтянутый, он мерил шагами комнату и, энергичным жестом подчёркивая главное, рассказывал и о своих книгах, и о клубе книголюбов и, пожалуй, скуповато о себе.

В его личной библиотеке около 10 000 книг. Цифра внушительная, но сама по себе говорящая весьма немного. Мне доводилось видеть частные собрания и пообъемнее. Суть в «открытости» таких собраний для читателя, в том для кого, а не для чего они служат.

Набережная библиофилов

Владимир

Владимир Васильевич Лобурев, человек с необыкновенно широким кругом интересов, человек, который знает о литературе и искусстве многое, человек, который умеет слушать и слышать, человек, который умеет говорить и писать, человек, который умеет жить и работать, человек, который умеет любить и уважать других, человек, который умеет быть собой.

Страница из журнала
"В мире книг", 1976 г.

И Поражает обилие «книг о книгах». Кроме общезвестных изданий Смирнова-Сокольского, Беркова, Сидорова, Уткова, Аласунского, здесь были и произведения куда менее известных специалистов авторо-книговедов.

Литература по экслибрисам, книги по графике, шрифтам, гравюре... В этом подборе отчасти и состояла притягательность лобуревского собрания для книголюбов Североморска. Здесь они учились пониманию книги как произведения искусства, сработанного руками доселе неизвестных для них мастеров.

Шёл в эту квартиру и для того, чтобы найти нужные материалы для работы. Вот задумал, например, Василий Иванович Голенко написать книгу о гиурманском искусстве – и нашёл у Лобурева интересные справочные данные.

Неутомимый фотолобитель, капитан 2 ранга Владимир Тесёлкин искал книги по художественной фотографии – и тоже пришёл к Владимиру Васильевичу.

И это в то время, когда в Североморске есть библиотека Дома офицеров флота с прекрасным читальным залом, с богатыми книжными фондами... Библиотека-библиотекой, но ведь у Лобурева за чашкой чая можно всерьёз и со знанием дела поговорить об интересующем тебя предмете...

Пусть полярная ночь озарена лампами дневного света и переливается разноцветным неоновым рекламой у входа в кинотеатр, но ведь эта ночь длится полгода и кинотеатр в городе один. А то, что сверхзвуковой лайнер за пару часов домчит тебя до столицы, то это раз в году, когда летишь в отпуск. Впрочем, не все и летят...

УВАЖАЕМЫЙ ТОВАРИЩ!

Дом офицеров флота и члены Североморского клуба любителей книги приглашают Вас на первую выставку экслибрисов (книжных знаков) советских художников.

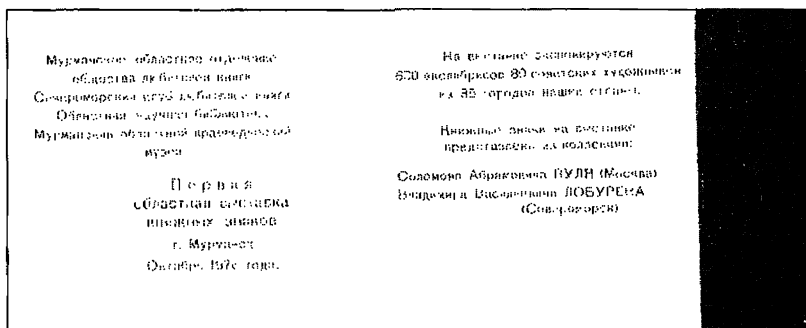
Выставка открыта в выставочном зале Дома офицеров гарнизона ежедневно с 16 до 20 часов.

На выставке экспонируются экслибрисы художников СССР из коллекции В. В. Лобурева.

Открытие выставки состоится 26 апреля 1975 года.

Начало в 12 часов.

Приглашение на первую выставку экслибрисов в Североморске, апрель 1975 г.
(Из архива ВОК-МСК)

Приглашение на первую областную выставку книжных знаков.
Мурманск, октябрь 1976 г. (Из архива ВОК-МСК)

Тот же капитан 2 ранга Голенко прошёл со своими товарищами на байдарках весь Кольский полуостров от древней Колы до безлюдного Паноя на продутом всеми ветрами побережья Белого моря.

А Владимир Петрович Жданов, квартиру которого иначе как краеведческим музеем в миниатюре не назовёшь — тут и книги по истории Мурманска, и образцы руд и минералов — провёл свой отпуск на берегу Варзуги. На этой Кольской речке хрустальной чистоты ещё в начале нашего столетия промышляли поморы русский жемчуг.

Владимир Петрович листает книгу о Североморске, собирает для неё материалы и поэтому — частый гость в лобуревской библиотеке.

Так рождалось в заполярном городке содружество людей, объединённых духовными интересами. Возникало общение, в основе которого не только любовь к книге, но и потребность поделиться прочитанным, высказать собеседнику мысли, переполняющие тебя, когда слово писателя затронуло душу и сердце. А за окном свирепел норд и ледяная крупа молотила по стёклам...

Вот так и получилось, что Клуб любителей книги образовался в Североморске раньше своего официального дня рождения. И дело не в том, что город этот невелик и можно без труда обойти за день его улицы, поднимающиеся амфитеатром от залива к

В ПИИ РАДМИ

1. С. Сидоров, редактор Лобурев В. В. о литературе по социальным наукам, первую очередь культуры и искусства XV века, в сборнике Писова Н. Г., книги Лобурев В. В. «История Ленинградского Общества любителей русской и Московского Общества любителей западной литературы», книга Писова подготовлена в 1949-1952 гг., книга Лобурева Н. Н. и Писова Н. Г. «История литературы 1941-1945 гг. Ленинградское общество любителей западной литературы», Писова Н. Г., Лобурев В. В., «Справочник по книге Библиотечки Ленинградского общества любителей западной литературы», книга Лобурев В. В. «История Ленинградского Общества любителей западной литературы», книга Лобурев В. В. «История Ленинградского Общества любителей западной литературы», книга Лобурев В. В. «История Ленинградского Общества любителей западной литературы».

2. Просмотр литературы по книжному делу, представленной на выставке из личных собраний членов секции экспоната МОК.

3. Встреча с книголюбями г. Мурманск с демонстрацией русских изданий по экспонату в межсоюзной Дворце культуры.

Приглашение на 2 заседание Секции экспоната МОК
Мурманск, 15 января 1978 г. (Из архива ВОР-МСК)

бурый союзом. В конце концов больше города состоят из городов маленьких и живём мы, по существу, не в целой Москве или Ленинграде. Необходимо только, чтобы существовало в твоём микрорайоне некое магнитное поле и чтобы к нему потянулись те, кого властно влечёт взаимообогащение духовными ценностями, источник которых — книга. Словом, нужен свой Лобурев. Тогда в городе появляется «улица книголюбия», которую здесь можно было бы назвать — набережная Библиофилов.

Североморский Клуб любителей книги официально оформился 10 февраля 1974 года. В библиотеке Дома офицеров был устроен вечер «Книголюбия и библиофильства». Лобурев выступил с программным докладом.

Сначала их было 29 человек, потом стало 60, а сейчас около 90. Да ещё на одном из кораблей организовали филиал КАК — 20 человек. 10 февраля стало их ежегодным праздником. И отмечают его очень весело, устраивают свой книжный «капустник».

Владимир Васильевич по моей просьбе перечислил наиболее активных и, как он выразился, «колоритных» книголюбых. И назвал их много, ни мало, а около двух десятков человек. Офицеры,

педагоги, врачи, студенты. А когда я стал внимательно читать календарный план работы Клуба, то за этими фамилиями стали возникать живые люди с их духовными устремлениями и интересами. Так в одной строке бывает сконцентрировано стихотворение.

...М.И. Стронгин. Он выступил с докладом «Луначарский – нарком, публицист, литературовед».

...«Мир, как большая симфония», к 100-летию со дня рождения Чюрлёниса, литературно-музыкальная композиция. Одна из её исполнительниц – педагог М.А. Борисова.

...Офицер А.С. Попов. Доклад на тему «Космос – реальность и фантазия» с выставкой книг о космосе и космонавтике.

Стала мне более ясной по прочтении плана и популярность К.К. в Североморске, стремительный рост его членов. Уж больно интересны его заседания; их и заседаниями-то называть не хочется – скорее всего это увлекательные встречи с новыми фактами и явлениями, если угодно – «езда в неизвестное». Езда в неизвестное за Полярным кругом...

И как тут не воздать должное председателю Клуба. Ведь совсем не просто составить план работы К.К., в котором специфика клубов такого рода органически сочеталась бы с широтой охвата тем, а проблемы сегодняшнего дня – с лирической поэзией эпохи Возрождения /было заседание и с такой повесткой дня/. А после отпечатать план в местной типографии, бланки пригластительных билетов и даже программы тематических вечеров, и, главное, подготовить вечера как следует.

Для всего этого нужны три фактора: желание, знания и время. Последнего на флоте не всегда хватает. И на берегу особенно. Нехватает хотя бы потому, что на современном боевом корабле мирно уживаются современная техника и шестивёсельный ял, на каком ходили моряки ещё при Синопе и Наварине. И надо разбираться и в том, и в другом.

Выручает железная флотская организованность, которая входит в плоть и в кровь ещё с курсагских времён, когда впервые сорвёт тебя с койки резкая трель боцманской дудки. Именно

такую организованность и принёс Лобурев в работу Клуба. Создано Положение, своеобразный Устав, регламентирующий работу КЛК, существует его эмблема: в пересечении параллелей и меридианов — силуэт подводной лодки, а над ним — раскрытая книга.

Нашёл я в плане — и это особенно отрадно — обсуждение произведений самих книголюбов: повести Асонда Крейна о подводниках с атомных лодок «Ауга большого круга» и фотоальбома «Краснознамённый Северный» Владимира Теслякина, недавно выпущенного в Мурманском издательстве. А разве не «произведением» является коллেকция «Образ Ленина в экраниресе», собранная Лобуревым и показанная книголюбам... Творческое начало, свойственное характеру Владимира Васильевича, находит своё отражение в работе Клуба.

...Живёт за полярным кругом полковник-инженер. Большую часть дня, как и все его товарищи, проводит на службе, делает важное и нужное дело; вечером спешит домой. У него жена, Людмила Степановна, преподавательница курсов кройки и шитья, сын Сергей, студент, и допоздна горит свет в этой квартире...

*Дама рукой веёлой
Разбросаны по солкам,
Трава на камне голом
Проглядывает робко.
Рябины и берёзки —
Упрямые созданы,
Зелёною полоской
Охватывают зданья.
И словно после шторма
Согреться им охота,
К причалам льнут упорно
Родные флаги флота.
Всё это словно в горстке,
Когда глядишь с вершины,*

II жизнь в Северноморске
I Покажется пружистой,
Где слаты до предела
II полмыслы и чувства
II море — Это дело
II — по боку Искусства!
II ты впадёшь в ошибки
От сухости Устава,
I Прямого, как нашивки
I Гужунок плавсоставы.
Вглядись-ка лучище в души
Упрямых мореходов,
Которые на суше
II то забыли отдых:
II ты увидишь Музу
В тельничке полосатой.
Сей вовсе не в обузу
Ракетные раскаты.
Узнаешь фантазёров,
Влюблённых в эти сопки,
Хрустальные озёра
II каменные тропки,
Которые калибром
Камандуя зенитным,
Колдует над верлибром,
Гармонией и ритмом.
Высокое горенье,
Такого же накала,
Как шторм в губе Тюленьей,
Как ветер в девять баллов!

Из писем В.В. Лобуреву

17.05.1985 г. г. Москва

Глубокоуважаемый Владимир Васильевич!

Как член московского клуба экслибрисистов выражаю своё недовольство 243-м заседанием нашего клуба (4.05.1985).

Дело в том, что в повестке дня должна была быть речь об изобразительном поле на книжных этикетках. А докладчик А. Марков этой теме совсем (!) не коснулся. А его демонстрация очень редких книг с его хрестоматийными комментариями проводится, наверно, уже 4 или более раз. Я аналогичное выступление слушал в ЦДЛ, Доме архитектора, Доме учёных. Мне, как библиофилу, понятна радость Маркова — продемонстрировать редкости своего собрания. Но наш клуб экслибрисистов интересуется проблемами расцвета экслибриса, а не розыском редкой книги. Поймите меня правильно. Я на доклад А. Маркова потратил езды — 4 часа. Хотел услышать новое интересное слово об экслибрисах, а меня обманули... За шесть часов, украденных из моей жизни, я мог бы прочитать что-то очень интересное.

Т.М. Сагалов

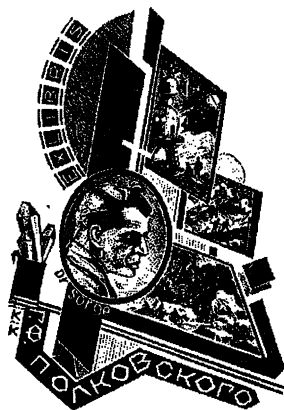
26.01.1986 г. г. Киев

Дорогой Владимир Васильевич!

Не откладывая дела в долгий ящик, посылаю Вам список изданий, которые разыскиваю.

На отдельном листке написаны №№ памятков МКЭ и указателей Марцевича. Кроме того — Каталог 5 бпенцале в Вильнюсе; Издания об армянских художниках; 1-й выпуск «Альманах библиофила»; 1-й выпуск «Встречи с книгой». Прилагано несколько ГЛ. Всё так здорово, что удалось попадаться.

Всего Вам доброго. — Леонид Курис

Худ. К.С. Козловский
Ксилография
(прислал А. Курис)

28.04.1986 г. г. Ленинград

Многоуважаемый Владимир Васильевич!

Хотя я и не получила в текущем году ни одного письма от Вас, но регулярно посылаю Вам выпускаемые МКЭ памятки, план. Может быть они Вам не нужны? Или Вы их получаете от кого-либо ещё? Продолжать присылать? В положительном случае, прошу сообщить о получении.

Не получила от Вас и ответа на анкету собирателя экскабрисов.

Если Вам не трудно, сообщайте о работе МКЭ и Секции экскабриса ЦИВООК. Буду благодарен, и если что-нибудь надо в Ленинграде — пишите.

У нас делаа доклад москвич Бакуменко.

Не собираетесь ли в Ленинград?

Привет Вашей супруге и малышке.

Искренне Ваш Н.И. Штакельберг

25.11.1987 г. г. Томск

Худ. В.А. Марьин
Гравюра на пластике. 1987

ГОСУД.
ЛИТЕРАТУРНО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТРОСТА
Ленинградский завод книжной промышленности в Ленинграде
ул. Горького (СЗ) 219, 20111

П Р И Г Л А Ш Е Н И Е

310 экзemplяров
28 марта 1986 г.

Дорогой Владимир Васильевич!

Завергелся-закругтился в разных делах и заботах и лишь сегодня собрался написать Вам. Пишу на Вашу новую квартиру. Обжили ли Вы уже её? Дело хлопотное, но приятное. Я, например, 2-й год живу в новой квартире, но и сейчас ещё «довожу её до ума».

Владимир Васильевич, слышал, что увидели свет буклеты

международных выставок экслибриса, организованных ВОКом. Как-то бы мне их запечатлеть. В Москве я сейчас, вероятно, не скоро буду.

Г.И. Сычев собирался в Москву в начале декабря, но внезапно попал в больницу — инфаркт.

Шлю Вам кое-что из своих знаков. Я в последнее время мало работал над экслибрисами. Многие задумки ждут своего воплощения.

Из книг мало что удалось приобрести, но кое-что всё же есть. Это — двухтомник «Жизнь Пушкина», составленный Кунным, и несколько других пушкинских изданий. А из миниатюрных — «Эпиграммы» (5 томов) и «Сонеты современников Шекспира». Что у Вас нового? Рад буду получить весточку от Вас.

Пишите. Ваш В. Миркин

7.11.1991 г. г. Ульяновск

Дорогой Володя!

Моя поездка во Францию была вполне удачной. При встрече я расскажу тебе более подробно, а сейчас о том, что необходимо сказать уже сейчас.

Сержант благодарен!
Сержант благодарен!
Сержант благодарен!
Тебе по случаю
849 РОЖДЕНИЯ!
Раздано обещанное
с тобой!
Спасибо тебе за
все добрые дела!
Ты - основа
музыки и живописи,
500 - твой год!
Будь всегда
России всегда.

Сержант благодарен!
тебе за все!
1991 г.
Спасибо тебе за
культуру и таланты!
Новых тебе
успехов!
Будь здоров, счастлив
и люб!
От Н.И. Яценко
Н.И. Яценко
7.11.91.

Поздравления от Н.И. Яценко, 1994 г.

При встрече с друзьями Сент-Экзюпери мы предварительно договорились о взаимных посещениях друг друга группами.

Но почти все они выразили желание побывать в 1992 году в Санкт-Петербурге и Ульяновске, т.е. минуя Москву, т.к. почти все они уже бывали в Москве. Однако это была договорённость предварительная. Возможны изменения.

Но, если всё же французы захотят посетить Санкт-Петербург и Ульяновск, то не сможешь ли ты помочь мне советом, к кому мне обратиться (из живущих в Санкт-Петербурге), чтобы этот товарищ организовал встречу, размещение в гостинице, питание и культурное обслуживание за рубль.

Оплата наша, ульяновская, т.е. я уже нашёл двух спонсоров, которые оплатят пребывание французов в Санкт-Петербурге и Ульяновске.

Думаю, что в Санкт-Петербурге гости будут трое суток, а в Ульяновске – двое.

Количество человек – 5-7. Прилетят они, видимо, в июне 1992 г. Готов выслушать все твои советы по этому вопросу.

Да, тот, кто возьмётся за организацию того, о чём я написал выше, конечно же, будет включён в группу, которая полетит во Францию в августе или сентябре 1992 г.

Всего хорошего! Н. Яценко

Декабрь 1991 г. г. Красноярск

Добрый день, люди экслибриса!
Горячо поздравляем Вас с открытием московского экслибрисного музея и с Новым 1992 годом! Желаем Вам крепкого здоровья, экслибрисного счастья и полного благополучия!

Староста кружка "Юный экслибрисист" Евгений Лемченко.

Руководитель кружка "Юный экслибрисист" Владимир Петрович Сняков.

Экслибрис кружка "Юный экслибрисист"

20.12.1993 г. г. Сланцы

Уважаемый Владимир Васильевич!

С приветом к Вам и с Поздравлениями Нового 1994 года художник Будько Володя. Живётся здесь ничего; только жалею я совсем не касаюсь никаким образом *exlibris*. Не подскажите ли Вы мне на счёт участия в выставках (и в международных тоже)? Где подробную информацию взять? Её наработал много, так что, если Вы не против, то пришло в Музей кое-что. Кстати, если кому надобно, то я с удовольствием предоставляю. Не хочется быть на отшибе в своей «деревне».

В 1994 г., наверное, приобрету офортный станок (заказал в Подольске). С переездом в Москву пока не получается (пока никак). Если вам не сложно (как-то был с Вами разговор) мог бы выслать кое-что на реализацию господам и товарищам.

Пока что все новости на этом.

Желаю Вам счастливого Нового Года и доброго здоровья!
В. Будько

30.07.1995 г. г. Кузнецкий

Глубокоуважаемый директор!

Мы, юные пушкинисты Пабаггинской средней школы, работаем над созданием музея А.С. Пушкина в баггинской средней школе. Наша группа собирает книги о жизни и творчестве великого поэта.

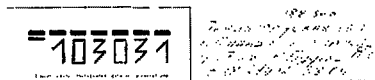
Нам известно о том, что Вашим музеем издан каталог выставки «Пушкиниана». Из собрания С.А. Вуля (1903–1988): М. Музей *exlibris*, 1993 г. Пожалуйста, помогите нам в поиске каталога!

Нельзя ли помочь *exlibris*ами, другими каталогами, посвящёнными жизни и творчеству А.С. Пушкина? Ждём от Вас ответа! С добрыми надеждами и пожеланиями

Аминов Г.Г. и юные пушкинисты.

1993 г.
Владимир Васильевич!
С приветом к Вам и с Поздравлениями
Нового 1994 года художник
Будько Володя.

1993 г.
Владимир Васильевич!
С приветом к Вам и с Поздравлениями
Нового 1994 года художник
Будько Володя.

Авторы «АБ» в кадре фотохудожника

(снимки - М. Пазий (Москва))

Владим Валерьевич
Кожиков, 1970

«У русской культуры есть великое достоинство – всемирность, всечеловечность, способность оценить достижения других народов. Там, где речь идёт о познании мирового значения книги, русских нельзя упрекнуть... Я убеждён со всей неизбежностью, что надо иметь только те книги, которые необходимо читать не один раз. А таких сравнительно немного. В мире – несколько сотен, которые обязательно надо перечитывать».

«АБ» № 12, статья «Волшебство в слове» (с. 22, 27)

«Читатель не должен быть пассивен. С книги, с этого высокого трамплина, на который надо взобраться, он должен прыгнуть к самому себе... Он должен осмыслить, осознать, кто он такой, к чему он на этой земле, что может и на что способен...»

«АБ» № 6, статья «Книги, открывающие нам» (с. 8)

Чиниз Торекулович
Айтматов, 1987

Виктор Степанович Черномырдин (слева) и
Валерий Николаевич Ганчев, 1999

«... роль... чтение не так уж повинна – это издают не ради того, чтобы поразвлечь... Они (банкиры и купящие или полмгники) заинтересованы в том, чтобы у читателя «отшибло» память, чтобы он забыл о прошлом, не думал о будущем, а жил одним днём...»

«АБ» № 14, статья «Издание для народа» (В.Н. Ганчева) (с. 12)

Валентин Дмитриевич Берестов (слева) и
Пракмий Ауарсабовиц Авдроншков, 1983

«Приходя в гости, рылся в книгах. Эта привычка сохранилась до сих пор. Чужие книжные собрания люблю больше, чем собственное».

«АБ» № 27, статья «Людмила начинается с добрых чувств» (В. А. Берестов) (с. 10)

Игорь Владимирович Пильнский,
Алла Марковна Морова, 1987

«Уверен: как бы ни развивалась зрелищная техника, как бы менялись бы зрительские вкусы, книга переживёт века»
«АБ» №9, статья «Книга переживёт века» (с. 31)
(И.В. Пильнский)

(слева направо) Владимир Питконорович Мирнев, Владимир Пильч Амапский,
Владимир Дмитриевич Цыбин, 1973

«Только невежество терроризирует память... Сердцу и мысли нужен объём».
«АБ» №18, статья «Повторить в себя» (В.Д. Цыбин) (с. 59)

(слева направо) Александр Алексеевич Михайлов, Анатолий Андреевич Авашев, Андрей Андреевич Вознесенский, 1984

«Все мы, в сущности, читатели одной огромной книги – книги человеческой культуры. Только каждый из нас открывает её на своей странице».

«АБ» №8, статья «Прежде всего полнотику» (А. Михайлов) (с. 31)

Чингиз Торекулович Айтматов (слева),
Сергей Сергеевич Наровчатов, 1975

«Я не верю в то, что книга может «засунуть» поэта. Правда, если сам он будет оторван от жизни, если будет вести кабинетное существование, то, поверьте, действительно засохнет... Нужно приложить все усилия... чтобы книжные реки не мелели, не пересыхали».

«АБ» №3, статья «Путешествие по книжным рекам» (С.С. Наровчатов) (с. 13, 14)

«... во власти поэзии создать эффект присутствия, заставить наших современников перенестись в те времена, которые давным-давно стали историей».

*«АБ» №19, повесть и стихах:
"Последний август, или Шенкин в Крыму" (Л.А. Озеров) (с. 250)*

Михаил Александрович Аудин (слева),
Лев Алольфович Озеров, 1988

Арсений Александрович Тарковский, 1982

«Книга запечатлевает и сострадание, и нежность, и ненависть, и гнев — и зачастую с равной силой... Издревле люди благоговели перед книгой, ибо в ней видели материализацию, навечно запечатленные своих внутренних исканий».

«АБ» №9, статья «Держави книгу» (с. 18, 19)

Пётр Лукин Прокурин (слева),
Юрий Васильевич Бондарев, 1989

«Я твёрдо убеждён: литература делает литературу!»

«Я положительно смотрю на книголюбие, если это не бездумное собирательство... Я считаю, что ставить книгу на полку как мёртвый груз, — значит изымать часть духовного потенциала общества».

«ЛБ» №9, статья «Книга и жизнь» (И. А. Прокурин) (с. 17, 28)

Виктор Борисович Шкловский (слева), Дмитрий Сергеевич Лихачёв, 1974

«... надо издавать Библию, потому что Библия — это код современного искусства... от такого положения, когда трудно достать Библию, страдают не только верующие, но и атеисты».

«ЛБ» №26, статья «Тысячелетие культуры» (И. С. Лихачёв) (с. 13)

Олег Николаевич
Пестовский, 2003

«Когда у писателя спрашивают об отношении к книге, вопрос кажется порой чуждым, потому что отношение всегда пристрастно, заинтересованно, сродни отношению к хлебу и воде... Я собирал библиотечку не для общеобразовательных целей, а для творческой работы. Личная библиотека, как дневник».

«АБ» № 19, статья «В мире книг русской и болгарской» (с. 55, 61)

«Тот, кто не читает книги, проживает всего одну жизнь, ограниченную личным опытом. Читатель проживёт со своими героями, думаю, сотни жизней».

«АБ» № 19, статья «Такие жизненные кредо»
(с. 18)

Николай Матвеевич
Григорьев, 1971

От редакции: Перепечатка фотографий допускается только по согласованию с редакцией «АБ» и М.П. Пазем.

Читая альманахи (№ 29–36)

В 2005 году Международный союз книголюбов решил возобновить выпуск «Альманаха библиофила», причём в том же оформлении, только без суперобложки, но с тем же логотипом и основными рубриками. После оборота титула на шмуцелю опубликована гравюра А.П. Каламшикова «Книголюба». Она стала символом возобновлённого «АБ». Состав редакционной был вновь небольшим, в него вошли известные библиофилы: О.Г. Асунский, В.В. Лобурев, В.А. Петрицкий, А.П. Толстяков, В.В. Худолей, А.П. Чертков. Главный редактор – А.В. Шустрова, редактор-составитель «АБ» №29 М.М. Богданович. Тираж – 500 экземпляров. Периодичность – раз в год.

Отрадно, что в числе авторов в «АБ» (№29–36) вновь выступили библиофилы, печатавшиеся в прежних альманахах: В. Петрицкий, О. Асунский, Г. Злочевский, П. Белков, Г. Жарницкий, У. Батлер и другие. Появились новые рубрики: «Имятники книжной культуры», «Персоналии». Нашлось место и для одного тематического номера №33, приуроченного 35-летию ВОК–МСК. В нём вспомнил о тех, кто стоял у истоков «АБ» и Общества книголюбов. Так что, можно назвать этот выпуск данью памяти людям, верно и преданно служившим и служащим Книге по сей день.

На страницах «АБ» по-прежнему выступили авторы из разных регионов России и других государств. Международный интерес к изданию, таким образом, постоянно поддерживается.

Круглый обзор выпусков «АБ», который, конечно же, не смог вместить и сотой доли того, о чём они рассказали своим читателям за 40 лет, хочется завершить цитатой из статьи Е. Осетрова «Похвала книге» (АБ №1), которая, к счастью, актуальна и по сей день: *“Я читала, следовательно, я мыслю, я существую...”*

(обзор составила: А. Шустрова)

*СТРАНИЦЫ
ИСТОРИИ
“АБ “
(1994–2013)*

“Сейчас, конечно, любят говорить: время, дескать, не то, не те носители, не те интересы, работает, дескать, Интернет. Но согласимся, что в книге, несмотря ни на что, есть некая первозаданность знания и впечатлений. И есть какая-то внутренняя интеллектуальная безопасность — как от той полки или книжного шкафа в квартире”.

*ст. С.Н. Есин («Технологии общности»)
(«АБ» №33. 2009 г. (с. 8)*

КНИГА И ЖИЗНЬ

*Что читали 90 лет тому назад
(путешествие по газете “Книгоноша”
с напоминаниями о тревогах наших дней)*

Валентин Осипов (Москва)

Нужно ли было чтение ещё не оправившемуся от тягот гражданской войны народу и тем счастливицам, кому повезло вкусить сладость НЭПа с её неприглядным отношением к культуре?

Меня недавно одарил подшивкой за 1923 год газеты «Книгоноша» с 1-го номера (16 апреля) по 24-й (10 ноября).

1. Для издателей и читателей

Велик оказался соблазн мне, старому книгоделу-издателю и книголюбу, побывать в том времени и других пригласить с помощью юбилейного номера «Альманаха библиофила». С давних времён говаривал русский человек: «По старой памяти, что по грамоте».

Краткое описание. Чем же можно обогатить свои познания книжного дела мне, человеку, уж 20 лет привыкающему к капитализму, если погрузиться в газету, которая была создана-то всего после 6-ти лет отречения от капитализма?

Итак, еженедельник «Книгоноша» — орган «Бюро партийных издательств СССР». Ему три года. Ранее он был органом отдела пропаганды ЦК РКП(б). Издатель — «Московский рабочий». Редактор и редколлегия почему-то не обозначены, объём тоже не определён, то 8 страниц, то 12. Тираж — приличный по тем временам — и по нашим тем более! — до 8000 тысяч экземпляров. Для сравнения: с 70-х годов XX века советская газета «Книжное обозрение» имела сотни тысяч читателей.

Заранее скажу: газета «облучала» своим влиянием не только партийное издательство и пропагандировала не только их издания. Чем

и была, наверное, интересна вообще книжникам. В «Программе редакции» были следующие разделы: «Хроника издательского дела. Хроника жизни литераторов, литературных групп (заранее скажу: эта посула не была осуществлена в моей подшивке. —В.О.) Хроника библиотечной жизни, описание лучших библиотек. Рецензирование. Списки имеющейся на рынке литературы».

Что же есть само по себе слово-понятие книгоноша? Листаю словарь. Уже у Вл. Даля выписано: «Разнощик книг, книжник». В издании 1935 года, Л. Ушакова: «1. Служащий библиотек, разнощик книги на дом (нов.). 2. Продавец книг, позиций их на себе, по деревням и местечкам». Словарь С. Ожегова (1986): «1 Продавец книг вразнос или работник, доставляющий книги на дом. Колхозный к.». Но это слово наиболее точно для советских времен истолковано в Словаре-справочнике работника книжной торговли (1981): «Истинный работник, продающий книги по договору с кн. маг. населению и получающий за это комис. вознаграждение. К реализует кн. издания в городах и сельской местности — на улицах, площадях, в полковых станах, в залах культуры, кинотеатрах и т.д.»

Однако, в связи с названием газеты, «Книгоноша» означало: приобщить общество к миру чтения, в соответствии с требованиями партии и советской власти.

Листаю 1-й номер. Идёт передовица. Таков обычай. В ней директивы от имени редакции. Стигья удивила. Она не славословила — она беспокоила:

— «Ижевскство — сила в руках смертельных врагов трудящихся и одним из его орудий является шарлаганская книга.

...Обсласлователи библиотек сплотно и рядом натываются на назидательные произведения Смайлъса, учебники оккультных «знаний», сонники и пр., и пр.

... Большим недостатком является до сих пор, что читатель не знал, какие книги выходят из печати».

Слуется 90 лет, не созвучна ли эта криггика нашему времени?

Что ещё в первом номере? Идут рубрики и заголовки: «Вопросы самообразования, система чтения», «Библиография — отзывы о книгах», «Сводки вновь вышедших книг», «Библиотеки и книгоноши», «С чего начинать изучение политической экономии»,

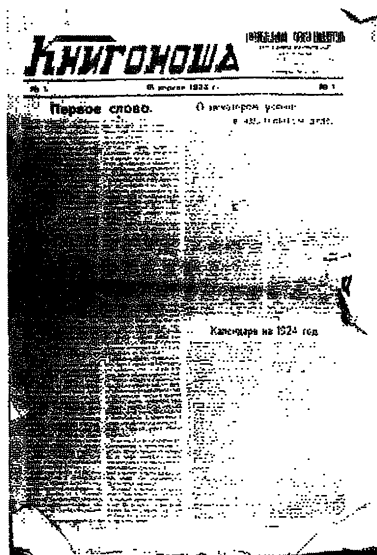
«Библиотека для самообразования», «Книжный магазин «Новая деревня», «Объявления» (их много).

Удивило-поразило оповеще-ние: «Мы не отказываемся от пансчатания святцев, т.е. пменишников на каждый день, с православными, католическими, еврейскими и даже новыми пменами, например. Конституция, Федерация...» Это я прочитал в статье «Календарь на 1924 год». Широк выбор: 30 названий. От календаря «Для работников просвещения» до «Всеобщего отрывного», с тиражами некоторых из них до миллиона экземпляров.

Выловил и такую заметку – горестную. О главной библиотеке страны, будущей Ленинке, тогда она называлась «Российская Губернская библиотека». Читаю: «Благодаря отсутствию денежных средств и недостатку шкафов и помещений назревает сейчас пибель большинства изданий революционного времени, которые не переплетаются и свалены прямо на полу».

За что не стыдно? В этом же номере нахожу сообщение, что издательство «Новая Москва» выпустило книги белоэмигрантов Аверченко и Пульгина и всдет библиотечку «Культурно-просветительские экскурсии». Здесь же «Московский рабочий» сообщает о серии сказок для детей рабочих. Подписка объявлена на журналы: «Долой неграмотность», «Работницу» и «Крестьянику». «Московполграф» многострочно рекламирует себя, выделяя строку: «Исполняет всё в области печатной техники».

Критика издателей. Нашёл статью («О некотором уклоне в издательском деле»). В первых строках радость: «За последние полтора-два года возник целый ряд издательств... Успех советс-

«Книгоноша». № 1,
16 апреля 1923 г.

ких изданий отмечен также за границей. Русская книга имела успех на выставке во Флоренции».

Но тут же: «Чрезмерная дороговизна книги сокращает спрос на неё». Требования: «Первой задачей должно быть – всемерное удешевление книги, чтобы она была доступна рабочему и крестьянину». Ничего бы такого.

«Рекомендуем прочитать». Уже по этому одному номеру видно, что читать советуют не только «политику».

Вот художественная литература: Чехов, Короленко, Мамин-Сибиряк. Если помнить ненадобно большевиков к Достоевскому, то странно, что вышла о нём книга. Рекламируются книги живого классика советской литературы М. Горького и тех, кто начинает входить в ангажиру: П. Эрнбург и В. Иванов. Упомянуты несколько книг белоземцев, например, отличный прозаик Пв. Шмелёв. Приглашают приобщиться к французу Гюго и американцам Джеку Лондону и У. Синклеру. Выпускают в рекламе книгу-обзор русско-еврейской беллетристики. Уже появились монографии советских литературоведов.

Заметно желание заинтересовать классической философией и политологией: Кампанелло, Гельветий, Томас Мор. Сообщено, что вышел шумно за границей воспринятые размышления Шпенглера «Закат Европы». Продаются книги даже тех, кто не принял ленинизм: Пасханов, Каутский и Бернштейн.

Ясное дело, что рекламируются десятки самых разных трудов Маркса, Энгельса, Ленина (он ещё жив!). Но Сталин, Генеральный секретарь ЦК, в этом номере не упомянут. Зато его лютей враг Троцкий пропагандируется «Книгоношей», хотя уже осуждён комиссией ЦК во главе именно со Сталиным за антипартийное выступление на съезде профсоюзов.

2. Тревоги

Уже с № 2 в «Книгоноше» критика падёт всё чаще. Что же тревожило эту газету?

Наставления. Они обильны в передовицах. Статья «Опасный пробел» (№2). Здесь гневливы строки: «Успехи являются

опасным самообольщением до тех пор, пока не достигнуто в издательской работе одной само собой направляющей вещи: слабейшие книги деревни». Идут уточнения. Первое: «Вообще на свете годных для деревни книг почти нет». Выразительная адресная критика: «Не считать же за заботу хитроумную попытку Госизгизмага завоевать деревенского читателя изданием святцев и сытинского лубка с изображением “Ухарей купцов”». Второе уточнение: «Отсутствие достаточно подвижных, гибких в то же время денежных аппаратов торговли книгой в деревне». Нынче бы такое внимание деревне!

Статья «Ее новый вопрос» (№3). Три беды обозначены. Цены: «Книга сделалась почти недоступной роскошью». Тема повторяется через четыре номера, читаем заголовок: «Удешевление книги и калькуляция». Уже первые строки, как удар набата: «Вопрос об удешевлении книги – насущнейший вопрос, о разрешении которого разбиваются все усилия, направленные к приближению книги к широким массам рабочих и крестьян». Нынче бы кто обеспокоился, что книга недоступна по своей цене многим читателям.

Вторая беда – полиграфическое качество: «Иаскоро сброшюрованная и кое-как склеенная макулатура».

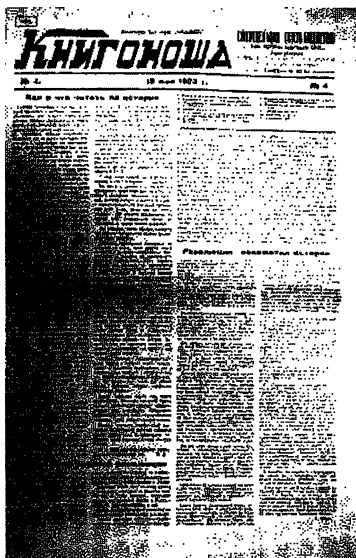
III – третья беда: уровень руководства книгоизданием. Нет, оказывается, координации: «Ислаженность между издательствами и органами управления полиграфического производства».

Нынче – что? Та же слаженность между книгоизданием и книжной торговлей: московскую книгу трудно купить в отдалённых городах и всяк, ибо нет единой для страны книжной торговой сети.

«Проверь себя!» Таков заголовок в 5-м номере газеты огромнейшего вопросника для тех, кто изучает «научный социализм» по «Коммунистическому Манифесту». Интересно, что ответит нынешний читатель на такие, к примеру, вопросы:

– Как борется буржуазия с промышленными кризисами и способна ли в условиях своего господства окончательно их устранить?

– Как нужно понимать национальный характер пролетарской борьбы?

“Книговоша”. № 4,
18 мая 1923 г.

рые опаснее врага» (критика «оторванных от жизни» статей левовца Осипа Брика), «Нет книг» (не налажена торговля), «Раскреносить учебники» (критика «враждебных взглядов» в некоторых из них), «Ответ тов. Троцкому» (критика его статьи в «Правде» «Партийная политика в искусстве»), «Что следует и что не следует читать о происхождении жизни на земле» (с критикой антиматериалистической литературы).

3. Сенсации для книголюбев

Напомню, что прошедший 2012 год был облагорожен званием «Год Истории». В этой связи, невольно многое воспринимаешь в старой газете с удивлением. Жизнь была многообразнее, чем сведенный к одноцветью анализ советского прошлого. Чтобы уловить это в сопоставлении с 1923 годом, выбрал произвольно для обзора 4-й номер (13 мая).

Михаил Зощенко и иже.

Читаю откатки на его книгу «Юмористические рассказы»: «Ничего, кроме надуманности и слабости в юмористике не отразил... Даже старинные сатириколовские Аверченко и Тэффи писали куда складнее» (вот как о белоэмигрантах!).

Выходит, он подвергся идеологической казни задолго до 1946 года, когда имя этого писателя прозвучало в печально знаменитом докладе главного партидеолога Жданова.

Тревоги, критика... В газете всё это легко улавливается даже по заголовкам. Назову некоторые: «Марксизм дыбом» (рецензия на книгу по биологии), «О тех, кото-

Почему значима наука история? | Середовица: «Как и что читать по истории». Итирую первые два абзаца – стоит внимательно вчитаться:

«Сложная запутанная обстановка, в которой мы живём, необходимость для каждого сознательного рабочего давать прямые решительные ответы на труднейшие вопросы современности, заставляют заглянуть в наше прошлое.

Поэтому приобретает особую важность вопрос о том, какое место должно занять изучение нашего прошлого, изучение нашей истории».

Прелюбопытен совет, как уберечься от пачёпничества: «Связывать исторические знания с другими научными отраслями». До тотально-примитивной тысячами услужливых авторов пропаганды сталинских сочинений: «Вопросы ленинизма» и «Краткий курс истории ВКП (б)» ещё далеко.

А что мы имеем сегодня? То и дело умы доверчивых читателей иширируют искажённо-примитивным приобщением к отечественной истории. Вместо исторического просвещения – кич. Более других СМИ, TV гораздо и на ядовитый антипатриотизм, и на разжигание лютый ненависти к добрым деяниям предков, и на ангажированный отказ рассматривать самые болезненные страницы нашей истории строго по-научному, согласно методике: «за» и «против».

Знаковые имена. Пресса, “вторая власть”, решила возвеличить имя великого академика-нобелевца Ивана Павлова, как бы запамятовав его явно недоверчивое отношение к революции. Обнарудована восторженная статья о его книге «Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности животных». В конце читаем: «Книга Павлова написана изумительно простым языком; это буквально образец ничем не превзойдённой простоты». Приметна оценка: «Издана книга прекрасно, можно сказать роскошно; редко так книги издавались и в прежние времена».

...Научная школа историка Михаила Покровского. Её особенность – отрицание духовных достижений русского народа

и крайняя политизация. Газета рекламирует его труды, но в то же время не забывает книги, ничуть не настоящие на “покровнице”: о Ломоносове, Кулибине и Тимирязеве.

Политическая реклама информирует: «Выпущены большие портреты степные размером 13x10 вершков В.П. Аленкина, Троцкого, Плеханова, Каменева, Чичерина, К. Цеткин, Луначарского, Ф. Нансена. Прекрасно исполненные фототипическим способом». Для кого ещё не пришло время? Странно, но факт: для Сталина!

Достижения. Почему-то скромно-мелким приростом и всего-то на 3-й странице под блекло-нейтральным заголовком дано сообщение: «По среднему тиражу книг 1923 г. превзошёл дореволюционный показатель на 20 %».

350 журналов! Вот сколько их издавалось в совсем юном СССР! Газета выделяла литературные. Три из них, увы, нынче почему-то непоминаемы. Это — «Иван дядя», публиковавшие Мандельштама, Кусикова, Николая Тихонова и Маланкиши; журналы переводов: «Современный Запад» и «Востоку»; превосходный (!) журнал «Красная повесть». Ещё бы: здесь печатаются Горький, Вересаев, Ал. Толстой, Вс. Иванов.

Всего в этом номере ашотировано 28 журналов. И те рекламы рали, а чтобы обязать «иметь в каждой губернской и большой уездной библиотеке, в хорошем клубе». Нынче бы так!

Заботы особой важности. Заметно в этом номере обращение «Ко всем читателям “Книжонки”». Здесь задание: «Укажите, где, какие пробелы в работе с книгой и в библиотеках». Потом слово к библиотекарям. К городским: «Как вы снабжаетесь литературой?». К уездным: «Покажите, какие элементы крестьян и сельской интеллигенции связаны с библиотекой, что интересует крестьянскую молодёжь». К армейским: «Вы должны осветить, насколько проникла книга в массу наших бойцов».

Сейчас бы такую заботу проявлял!

Кому предпочтение? Объявлен от имени Государственного издательства огромный список новинок: 60 с лишним книг, в которых никакой политики, если не считать сборника революци-

онных стихов «для декламации» и объявления о предстоящем выходе «Вестника социалистической академии». Кто же авторы этих повиннок? Добролюбов, Салтыков-Щедрин, Некрасов (избранные стихи для детей) и Тургенев. Запад представлен книгами Лодэ, Джероми, Дж. Лондона и Гамсуна.

Ещё объявлено о начале выпуска серии из 10 книжечек «Для детских садов и домашнего обучения».

О новом почине «Книгоноша»: вручить в подарок книги постоянным подписчикам, но почему-то только Харькова, Петербурга (так в тексте!) и Москвы.

Огорчения. Книжная палата оповестила в этом номере: «Задержка открытия ценнейшей в России специально-библиографической библиотеки является следствием отсутствия необходимых средств». Интересно уточнение, что библиотека составлена «из знаменитых частных библиотек быв. гр. П. Переметьева и библиографа П. Лисовского. Насчитывает 16.834 издания и является богатейшей в России».

Противопоставление? Прелюбопытное сообщение в этом номере: газету «Рабочая Москва» в библиотеках запрашивают больше чем орган ЦК «Правду».

Ещё одно явное своеволие «Книгоноша» без оглядки на партийное начальство: не откажнудась на два значимых события. Это — только что прошедший XII съезд партии. (Первый без Ленина (болел!) и впервые с главным докладом Сталина, в котором уже дан жёсткий наказ: «Исчать — самое сильное оружие...»), а также 1-я конференция Московской Ассоциации пролетарских писателей. Замечу: МАПП крикливо, грозно и воинственно старалась изничтожить всё то, что не вписывалось в прокрустово ложе троцкистских установок «революционизации» творчества.

Зарубежье. Статья «Издательства и литература эмиграции». Ожидал прочесть здесь испепеляющие обвинения: ведь гражданская война всё ещё живо напоминала о себе. Но газета взяла тон спокойной информации. Берлин: «Центр русского книжного рынка на Западе... Больше трёх десятков издательств...». В Париже, Праге и Софии тоже выходят книги на русском. Более

того, напечатано буквально следующее: «Связаны с книжным рынком Советской России издательства Гржебнина, “Галикон”, “Алконост” и “Петрополис”».

Кто же там печатается? Сообщено о советских писателях: Ва. Андис, М. Волопине и Вс. Иванов; изданы коммунистическая фашизация «Аэлита» графа Ал. Толстого, будущего члена Союза писателей СССР и даже депутата Верховного Совета, а также «свои» корифеи империализма: Алданов, Дон-Аминьо, Р. Гуль. Не обошлось в тот год без Пушкина и Фета. Значит, многим скитальцам без истинной классики было никак нельзя. Но пройдёт несколько лет, и от таких призывов власть быстренько отучит.

4. Как начинался догматизм

Не буду частыми в своих заметках восхвалениями идеализировать книголюбскую газету. Стоит взглянуть в завершающий в «моей» подписке номер от 10 ноября, и убеждаешься: свершается неминуемое.

Сплошь политика. Да, крепнет крепкая подчинённость журналистов этой газеты диктату партвласти. «Печать прокладывает связь между партией и рабочим классом». (И. Сталин)

Первая страница этого номера полностью отдана партагитпропу. Огромны статьи: «Что читать по диалектическому материализму» и «Что и как читать по политической экономии». Вдобавок «в прилке» объявление: «Годовым подписчикам, выдержавшим проверочные испытания по политпромоте, в декабре 1923 г. будут выданы премии-библиотечки».

Сколько же в номере политзаучивания в раже классового воспитания! Например, «Буржуазия, в своё время творившая новые формы материализма, теперь не выносит этого слова». Или такая отповедь: «Очень короток был тот период в истории капитализма, когда последний был полон ещё юных сил и когда его главным лозунгом была свобода конкуренции».

Напечатан отклик на книгу «Профессиональное движение в России». Выделю – это уже 3-е издание в СССР. Знать, ценна

была книга. Но редакция подстраховывается: «И на каждом шагу проглядывается меньшевистский подход».

Политическая книга... Нет, неслучайно в «Книгоноше» всё упорнее и упрямее настаивают издателей и библиотечкарей в манере явного политиканства. К примеру, вот отклик на выход сборника «Революционные праздники в библиотеке». Выделено, что он издан «под общей редакцией И.К. Круской». Пользуясь авторитетом жены и соратницы Асипа, сузубо начётническая установка: «И необходимо дать побольше лозунгов – библиотеки в этом всегда нуждаются». Вижу ещё одно настаивание-обобщение: «Самая большая потребность читателя в книге по общественно-политическим вопросам, на втором месте стоит социальная беллетристика».

...Социальная беллетристика – что это такое в понимании газеты? Ответ, пожалуй, можно прочитать в статье из 12-ти тезисов «Что и как читать по биологии». В одном из них дан текст причудливого политико-биологического смысла: «Работоспособность человека, находясь в самой тесной связи с деятельностью половых желёз, спазмирует труд с половой жизнью человека. Правильное понимание требований пола и здорового удовлетворения их – необходимое условие для здорового организма, ведущего к максимальной творческой способности».

Такая теория просто цветочки, но сравнительно с нынешним, к примеру ТВ-Дом-2 и ему подобным передач.

Художественная литература. И вокруг неё – политизированная борьба. Общество старых большевиков заявило о себе отчётом с заседания. Оно «обсудило вопрос о современном состоянии художественной литературы». В итоге вердикт-установка: «Наблюдающееся на почве нэпа возрождение буржуазной и мелко-буржуазной идеологии создаёт серьёзнейшую опасность идеологического перерождения».

Чего же боялись? Читаю: «Основным кадром литературно-художественных сотрудников партийно-советских журналов и издательств являются либо явно чуждые нам осколки буржуазно-дворянской литературы типа Ходасевичей, Волошинных, Баль-

моштов и К-о, либо неустойчивые мелко-буржуазные писатели, так называемые «попутчики» болше (И Пильняк, Эренбург, Никитин и т.д.) или меньше (Всеволод Иванов, Зозуля и т.д.).»

Завершающая строка приговора безапелляционна: «Необходим решительный пересмотр проводящейся до сих пор литературной политики». Ждать этого от Сталина оставалось не очень долго. В 1925-м Политбюро обнародует постановление «О политике партии в области художественной литературы». Быть здесь и такому пункту: «В классовом обществе нет и не может быть нейтрального искусства».

Упрёки классикам. Достоевский. Заметки в этом номере рецензия на исследование А. Гроссмана «Семипартий по Достоевскому». Отважен Госиздат — издал эту книгу. Отважна газета: заметила книгу. Зато каков автор отканик! Он нахально конъюнктурен даже в рассказе о круге чтения классика: «В библиотеке Достоевского мы не находим сочинений тогдашних социалистических мыслителей (а ведь даже Комм. Манифест вышел задолго до его смерти)».

Есенин. Он ещё жив и пребывает в славе, его стихи есть даже в школьной хрестоматии. Однако в рецензии этого номера — сплошь хула, к примеру: «Отрывок из “Пугачёва” Есенина, произведение несомненно искажающее эпоху, в предомлении несомненного представителя кулацкой деревни».

Джек Лондон под подозрением. Две его книги удостоены внимания в разделе рецензий. «Волчий дунги» — сй отповедь: «Ее подводит к сознанию железной необходимости гибели «волчьих дунг» — капиталистов, в ней совершенно отсутствует коллективный «охотник на волков» — пролетариат. Достоинства пьесы меркнут перед этим непониманием революции». Читаю о книге «Пыжка»: «Это какой-то изоманимый, больной шедевр. На нём лежит печать необычной для Лондона утомлённости, потерянного вкуса к жизни. Он угадочен».

Художник-импрессионист Поль Сезанн и его русский последователь Пётр Кончаловский опозорены: «Никола эта совершен-

но непринемлема для рабочего класса... Развивает пассивность, атрофирует чувство анализа и уподобляет наркотикую».

За что не стыдно. Даже в завершающих номерах моей подписки всё-таки есть попытки уберечь читателя от диктаго паранормальных прогнозов.

...Художественная литература. Внедряется мысль, что нельзя без Пушкина, Гоголя, Достоевского, Салтыкова-Щедрина, Толстого, Чехова, Горького, Брюсова. Помпнается новая поросль творцов – советская: А. Сейфуллина, Ю. Амбеджинский, Г. Серебрякова. Рекомендуются читать: А. Франс, О. Генри, Барбюс, Г. Уэллс.

Книги по искусству. Вышла с добрым откликом две книги. Биография композитора Мусоргского. И книга А. Некрасова «Древний Псков и его художественная жизнь». Выделю заслугу газеты в рекламе храмовой архитектуры древнейшей Руси вопреки оголтелой антирелигиозной истерии. Паномню: к гауменню над православием подтолкнуло грубо насильственное изъятие у церкви ценностей в пользу голодающих и призыв «борьбы с глыбой официального православия» Троицкого. Но редакция ни слова не написала об этой кампании. Глце анквинка – даётся положительная рецензия на книгу «Введение в историю музыки» К. Кузнецова. В противовес догматам Общества безбожников пишется: «Широкими мазками здесь намечаются пути эволюции церковной музыки с анализом всех превходящих влияний и вскрываются черты этой монодии» (речь о пении в один голос или в унисон).

Забытое издание. «Книгоноша» – почти забытая страница в истории нашей культуры. Ясное дело почему – не вписывалась в прокрустово ложе партпрессы. Даже в «Словаре-справочнике работника книжной торговли» нашлось всего-то полторы строчки, и те неверны. Сообщено, что печаталась-де в этой газете только «статьи по вопросам кн. торговли». И уж совсем беспрямитным оказался «Краткий справочник книголюба» (1984). Ни слова о газете! Что нынче? Лишь в Интернете одна малострочная статья.

5. Мечтания!

Кто бы сфантазировал, когда грядёт гармония запросов человека читающего с воззрениями тех, кто командует книгоизданием, тиражированием рекламы книг и торгует литературой?

Владимир Даль нашёл мудрое наставление в мире пословиц и поговорок наших предков: «Побольше грамотных, поменьше дураков».

Кого же, как не кандидатов в дураки ныне питает конвейер многотиражных и убогих по стилю и по сюжетам книг. Это прежде всего, на мой взгляд, приключения-детективы и «фэнтези» (как же ловко внедрился в наш язык столь припорошенное и при этом чужеземное словообразование), «дамские» романы с вкрадчиво-заманивающим приёмом на языке «алочек людоедок» для ипрыскивания в неискушенные души секс-философии, шопинг-страстей и звёздной эстрадомании.

Тут-то идея: вдруг общественность настойт перед правительством на необходимости провести совещание на тему: «Культура книгоиздания и чтения – какие они сегодня?» Кого же собрать? Представителей всех тех властных структур, которые обязаны ладить книжное дело и излечивать народ от 20-летней эпидемии нечтения. И всех тех, кто тревожится утратой культуры чтения. Это я о творческих союзах, книголюбском движении, о учительском и библиотечном сообществе. Им, объединившимся, явно есть что предложить, чтобы вернуть Россию на почётнейший пьедестал самой читающей державы мира.

Малоформатные издания в книжном собрании князя Н.Б. Юсупова

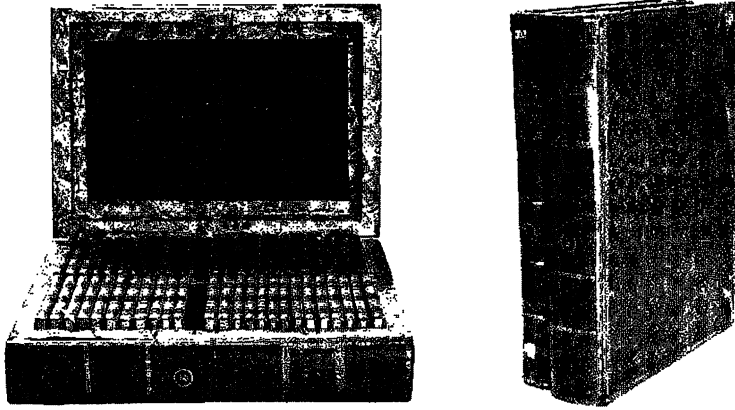
Надежда Дозорова (Москва)

Масштаб великой личности проявляется не только в мыслях и делах, но и в том, чем эта личность себя окружает, от чего получает удовольствие или оторчается, какими предметами заполнен её быт. 200-летия годовщины победы России над войсками Наполеона вновь привлекла внимание к её главным действующим лицам. Французский император, бывший до войны кумиром многих русских людей из высшего общества, встречался с князем Н.Б. Юсуповым (1751–1831). Из сохранившейся Записной книжки князя известно, что в 1808–1810 гг. он находился в Париже¹, где посещал мастерские художников, художественные аукционы и театры. Наполеон, в знак своего расположения к русскому вельможе, предоставил ему право присутствовать на всех спектаклях в собственной ложе, что разрешалось ранее только представителям царских семей. После прощальной аудиенции у императора русский гость получил на память «две великолепные фарфоровые вазы, старой Свврской выделки. . .»². Письменных воспоминаний Н.Б. Юсупова о его встречах с французским полководцем не обнаружено, однако общность интересов проследить можно. К примеру, Наполеон повсюду во время своих военных походов возил футляр с миниатюрными книжечками. В библиотеке князя Юсупова хранятся четыре подобных футляра. Два лакейских обтянуты коричневой кожей, два других – тонкой, зелёной. Каждый футляр, в отличие от идеально сохранившихся книг библиотеки князя, нуждался в реставрации. По-видимому, это свидетельствует об их частом использовании владельцем.

Сочинения 50-ти английских поэтов, начиная с «отца английской поэзии» Джеффри Чосера (1343–1400) и, заканчивая поэтом-сатириком Чарльзом Черчиллем (1731–1764), высмеивающим современный ему театр и известных актёров, составили велико-

лепную серию книг «Bell's Edition The Poets of Great Britain complete from Chaucer to Churchill» (Издание Белла: Полное собрание поэтов Великой Британии от Чосера до Черчилля): 109 книг в 18 томах листа, выпущены в Эдинбурге, в 1776–1784 гг., «Apollo Press» (типография Аполлон), на английском языке. Издатель Джон Белл (1745–1831) отличался хорошим вкусом и предприимчивостью, но определенно Чарльза Найта, этот «зоркой дух, талант среди торговцев», не послушался монополист книготорговцев, издававших коллекцию произведений английских авторов, впоследствии известную как «Johnson's Poets» («Поэты Джонсона») и, будучи агентом братьев Мартин, напечатал у них в типографии англоязычно, не используя лондонское издание «Британских поэтов», несмотря на то, что не имел эксклюзивных авторских прав на публикацию стихов Юнга, Миллета, Акенсиде и Грея. В «Автобиографии» Ап Ханга есть описание Белла, заканчивающееся так: «У него не было знаний, возможно, даже навыков грамматики, но его вкус в выборе публикаций и привлечении лучших художников, чтобы украсить произведения, был новым для того времени и мог восхищать любого»³ (пер. Н.Д.).

Помимо имён, указанных непосредственно в названии, в коллекцию включены признанные мастера английской поэзии – Эдмунд Спенсер (1552–1599), Джон Донн (1573–1631), Эдмунд Валер (1605–1687), Джон Милтон (1608–1674), Сэмюэл Батлер (1612–1680), Джон Денхэм (1614–1669), Абрахам Коули (1618–1667), Джон Драйден (1631–1700), Уингфорт Диллон (1640–1684), Уильям Кинг (1663–1712), Джозеф Аддисон (1672–1712), Джонатан Свифт (1667–1745), Александр Поуп (1688–1744), Уильям Сомервилль (1675–1742), Джон Гей (1685–1732), Уильям Брум (1689–1745), Эдвард Юнг (1683–1765), Уильям Коллинз (1721–1759), Дэвид Миллет (1705–1765), Джон Армстронг (1705–1779), Марк Акенсиде (1721–1779), Томас Грей (1716–1771) и другие, произведением каждого автора предшествует биографическая статья. Особенно полно в данной серии показана английская лирика XVII века, время расцвета в поэзии стилей барокко и классицизма, период творчества целого созвездия талантов, наряду с большим

Футляр раскрывай и закрытый “Bell’s Edition British Poetes”

количеством поэтов меньшего масштаба. Историки литературы иногда сравнивают Лондон этого периода с Афинами времён великих древнегреческих драматургов или с Флоренцией эпохи Медичи¹.

Каждый томик «Издания Белла...» оформлен одинаково изящно. Бумажный блок заключён в коричневый кожаный с травянистым переплётом, по периметру обеих крышек выгравирована золотом рамка с геометрическим орнаментом меандром, на корешке — две красных и одна зелёная, кожаные наклейки с тиснёнными золотом фламандей автора, номером тома сочинений данного автора и порядкового числа тома в серии. Украшают книгу жёлтый обрез, зелёное шелковое ляссе и форзацы из цветной мраморной бумаги, на фронтисписсах помещены гравированные портреты авторов, а титульные листы представлены сюжетными и аллегорическими гравюрами.

Над иллюстрациями этой прекрасной поэтической антологией работали многие рисовальщики и гравёры: Стокхард (Stodhard), Кэттон (Catton), Ребекка (Rebecca), Эдвардс (Edwards), Лоув (Lowe), Мортини (Mortino), Уайт (White), Шарп (Sharp), Григншон (Grignion), Скотт (Scott), Хитс (Heath), Шоувин (Showwin) и другие. Портреты поэтов, выполненные немецким художником Готфри-

дом Кнеллером (1648–1723) в традициях барочного стиля, а также произведения швейцарской художницы Анжелки Кауфман (1741–1807) на библейские, исторические, литературные и античные мифологические сюжеты, исполненные в рамках классицизма, прекрасно соседствуют с работами английского художника и графика Джона Гампльтона Мортимера (1740–1779), принадлежавшего к неоклассическому направлению в живописи. Гравюра передаёт богатство красок и сияние цветов живописи через обилие мягких и нежных оттенков от густо-чёрного до сверкающе-белого, делая особый акцент на строгости и точности линий изображения. Среди подписей под иллюстрациями чаще всего встречаются имена английских гравёров, работавших в технике резцовой гравюры и офорта: Томаса Кука (T. Cook, 1744–1818) и Джона Холла (J. Hall, 1739–1797). В подготовке иллюстраций длинной серии принял участие известный мастер пунктирной гравюры XVIII века итальянец Франческо Бартолоцци (1728–1815), проживший почти 40 лет в Англии и получивший титул королевского гравировщика по меди. Здесь имеются первые опыты гравюр Уильяма Блейка (1757–1827). Впоследствии он не только

London: Edward & John Bell, Belsham, Leighton, Neave, 1782.

London: Printed by John Bell, Prichard, Neave, 1782.

Фронтиспис и титульный лист "Chaucer Geoff. The poetical works. VI. –
Edinburg: at the Apollo press. by the Martius. 1782

воспроизводил чужие работы, но и создавал к своим стихам паразитические по воздействию мистические и символические картины.

Высота переплёта каждого тома составляет 130 мм, ширина – 80 мм. На странице помещается от 28 до 33 строк, около 8–10 слов в одной строчке, приблизительно 30–37 букв. В каждом томе от 180 до 260 страниц. Для описываемых 109 жемчужин английской поэзии Н.Б. Юсупов распорядился изготовить особую оправу – два футляра, которые выглядят как два огромных фолгианта, размером 450x332x125 мм. Только при ближайшем рассмотрении такой «книжки–in folio» можно понять, что это вовсе не книга, а, своего рода, подарочный пессер, заполненный уникальными драгоценностями – «беззвучными собеседниками», способными скрасить долгое и утомительное путешествие. Возможно, футляры в библиотеке князя всего лишь играли роль удивительной диковинки для показа гостям, а сами по себе лёгкие томки «гуляле» с хозяином по парку в кармане его одежды.

Два других деревянных футляра с откидывающейся крышкой (размером 451x265x110 мм) обтянуты тончайшей зелёной кожей, имеют тиснёные золотом названия, номера, скрытые замочки на одной из боковых частей с ключиками. Серия книг под названием «Collection des moralistes anciens» («Коллекция древних моралистов») издана на французском языке и начинается с обращения издателей к королю Людовику XVI: «Читая Ваше Августейшее имя во главе коллекции, посвящённой памяти Марка Аврелия, и которую Ваше Величество соблагovolило принять, потомуки будут судить о Вашей любви к истине, о Вашем просвещённом усердии по сохранению нравов...»⁵ (пер. Н.А.). Издание поистине королевское! Каждый томик серии в красном сафьяновом переплёте, с тиснёным золотом орнаментом на корешке и крышках, названием, номером тома, золочёным обрезом, синим шёлковым ляссе, зелёными гладкими бумажными форзацами, листы блока из качественной веленовой бумаги, некоторые тома украшены гравированными фронтисписами и палюстрациями. Книжки напечатаны в Париже, в типографии Дидо (Didot) в 18 долю листа, в 1782–1795 гг. В выходных библиографических данных указано,

что данная серия выпущена Франсуа Дидо-старшим (1689–1757), основателем типографской династии. Вероятнее всего, коллекция напечатана его сыном, Франсуа Амбруазом Дидо (1730–1803), разносторонне образованным человеком, придумавшим новую систему измерений в полиграфии, которой пользуются и сегодня. Именно Франсуа Амбруаз Дидо стал первым печатать на веленовой бумаге, издав по указанию Людовика XVI «Collection de classiques françois» («Коллекцию французских классиков») в трёх форматах – в 4, 8 и 18 долю листа. Он же известен тем, что выпускал книги для состоятельных, а в некоторых случаях, только для богатых людей любителей книги.

Футляр рассчитан на 30–35 книг, в одном помещено 29, в другом сохранилось только 13. На корешках встречаются тиснённые золотом номера от «1» до «72», некоторые номера сейчас отсутствуют, даже в заполненном книгами футляре имеются пропуски томов с номерами: «3, 4, 6, 8, 9, 10, 14, 15». Высота тома 125 мм, ширина 70 мм, на странице от 20 до 23 строк, в одной строчке около 6–7 слов и от 26 до 32 букв. Количество страниц в разных томах чаще более 200, но есть книги, в которых насчитывается менее 140 и более 340 страниц. В первом томе коллекции, содержащем «Руководство Эпиктета», говорится: «Книготорговцы, затеявшие эту коллекцию, в надежде заслужить изданием полезных произведений интерес у публики, кажется, берут всё то, что может способствовать прогрессу литературы и добродетели»⁶ (пер. П.А.). Далее перечисляются имена мыслителей, сочинения которых должны быть опубликованы в ближайшие полгода – это Сенека, Тацит, Конфуций, Псократ, Марк Аврелий, Сократ, Эпикур, Теофраст, Фоклид, Цицерон. Издатели гарантируют правильность текстов, наличие статьи про каждого публикуемого автора, использование веленовой бумаги, тех же шрифтов и того же самого формата в каждом очерском томе.

Философия с древнейших времен считалась необходимой частью жизни общества. Греки любили истину и красоту, а римляне, уважая эти ценности, использовали их для строительства и управления государством. Вероятно, владельцу библиотеки необ-

ходимы были и созерцательность греков, и практичность римлян, что интересовали идеи, а также судьбы знаменитых личностей. В настоящее время в футляры данной коллекции из библиотеки Н.Б. Юсупова помещены: «Руководство Эпиктета», «Жизнеописание и афоризмы философов Греции», «Мораль Сенеки», «Выдержки из сочинений Плутарха», «Изречения Феогида, Фукидида, Плутарха и других мудрецов Греции», «Утешения, или собрание научных и религиозных учений для несчастных», «Труды Сократа», «Сочинения Плутарха», «Мысли Цицерона», «Философия Бозция», «Мораль римских философов о превратностях судьбы», «Сочинения Марка Аврелия», «Классические книги Китайской империи», «Мораль Иисуса Христа и святых отцов», «Драматическая мифология», «Оды Анакреона», «Миф об Эрисихтоне, взятый из «Метаморфоз» Овидия», «Имны Каллимах», «Описание законодательства Спарты и Афин, составленное Ксенофонтом», «Очерки Оливера Голдсмита», «Подлинная нравственность», «Новое руководство Эпиктета» (пер. Н.Д.). В верхней части корешка каждого тома имеется тиснёная золотом надпись: «Moraliste», на некоторых лишь часть этой надписи, поскольку толщина книги не позволяла сделать оттиск полностью. Добавленные к «Коллекции древних моралистов» произведения напечатаны также в Париже, в типографиях Лёклера (Le Clere), Дебюра (De Bure), Деланса (Delance) и королевской в конце XVIII века. Это время часто называют «золотым веком» французского книжного искусства. Французы и раньше, и после того были известны своим усердием к собиранию книг, но именно в XVIII столетии подлинная страсть к красивой книге становится неукротимой. Изящные томки литературных произведений вытесняли большие по формату книги. Свою лепту

COLLECTION

DES

MORALISTES ANCIENS,

DÉDIÉE AU ROI

A PARIS,

Chez Denis l'Aîné, l'imprimeur de Clergé,

en l'un des Pavés S. A.

Et De Bure l'aîné, Quai des Augustins.

M. DCC. LXXXII.

Титульный лист «Collection des moralistes anciens», 1782

в оформление печатных изданий вносили иллюстраторы и создатели шрифтов. Иллюстрированная книга второй половины XVIII века отражала стиль и вкус эпохи. В 8-ми из 29 томов первого заполненного футляра имеются иллюстрации, где указаны одни и те же подписи рисовальщика Шарля Монне (Monnet, 1730–1808) и гравёра Шарля Этьена Гоше (Gaucher, 1741–1802). Любопытно, что в каждом из этих иллюстрированных томов перед титульным листом находятся по две совершенно одинаковые гравюры. В 5-ти книгах другого футляра, большая часть которых, по всей вероятности, была утеряна, встречаем фамилии Жана Жака Франсуа Лёбарбье (Lebarbier, 1738–1828), Бенуа Прево (Prevost, 1735–1804), Франсуа-Мари-Изидора Кевердо (Queverdo, 1748–1797) и Жана Луи Делиньона (Delignon, 1755–1804). Шарль Монне входил в плеяду блестящих рисовальщиков, которых вывинула революция. В конце XVIII века французская графика переживала новый подъём, связанный с отражением событий, происходивших в стране. Лёбарбье, подобно многим художникам того времени, отказался от изыска рококо в пользу «благородной простоты» рисунка и строгости неоклассицизма. Его картины на темы истории, греческой и римской мифологии передавали дух новой этики и патриотизма французов, готовых к великим переменам. Композиции рассматриваемых книг, исполненные Лёбарбье и Кевердо, гравировались Делиньоном и Прево в технике офорта с резцом. Мастера гравюры в миниатюрных графических шедеврах, поражающих изысканностью и ритмом линий, изображали мифологических героев, богинь, нимф, амуров, показывали персонажей на фоне пейзажа или в интерьере, представляли портреты древних философов и писателей. Благодаря труду многих причастных к созданию «Коллекции древних моралистов» людей – печатников, художников, гравёров, переплётчиков – библиофилы получили замечательный памятник книжного искусства, радующий глаз, ставший воплощением утончённой элегантности и красоты.

К счастью, уникальная по своему содержанию и объёму усадебная библиотека из подмосковного Архангельского, которая

до настоящего времени хранится там же, где она с любовью собиралась своим знаменитым владельцем, может продемонстрировать «золотой век» не только французского или английского, но и голландского, итальянского, немецкого, а также русского книжного искусства. В былые времена некоторые путеводители, говоря о библиотеке Н.Б. Юсупова, оценивали её объём в 25–30 тысяч томов. Сейчас в отделе редкой книги Государственного музея-усадьбы «Архангельское» находится более 16 тысячи томов, самых разных размеров высотой от 70 мм до огромных альбомов-фолиантов высотой более 700 мм. Основной состав по хронологическому принципу – это произведения XVII–первой половины XIX вв., но имеются книги XVI в. и рукописи XVII–XVIII вв.

По мнению Эпиктета, «... человек разумный обладает как бы волшебной палочкой, которую он может обратить в золото всё то, до чего ею дотронется...»⁷

Библиотека князя Н.Б. Юсупова, истинного «книжного гурмана», хранит больше, чем золото, она наполнена воспоминаниями и мечтами, замыслами и делами своего хозяина, её содержимое может сказать про него не меньше, чем его портрет или написанные о нём мемуары.

Примечания

¹ Савинская Л.Ю. Н.Б. Юсупов как тип коллекционера начала XIX века // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1993. – М., 1994, с. 200–218.

² О роде князей Юсуповых, собрание жизнеописаний их, грамот и писем к ним российских государей... Ч.1. – СПб., 1866, с. 159–160.

³ Timperley's Dictionary of Printers; Knight's Shadows of the Old Booksellers, p. 250, 246, 276. Leigh Hunt's Autobiography, I. 276.

⁴ Английская лирика первой половины XVII века. Под ред. Горбунова А.Н. – М., изд-во МГУ, 1989, с.1–2.

⁵ Collection des moralistes anciens, dediee au Roi. – Paris, Didot, 1782, с. [5-6]. / РК – инв. № – 8006.

⁶ Там же, см. с. [7].

⁷ Беседы Эпиктета, IX – Разумный человек во всём может найти себе пользу. // Древнеримская философия. От Эпиктета до Марка Аврелия. Сочинения. – Харьков, Фолио; М, изд. АСТ, с. 636.

Иллюстрации выполнены фотографом Б.Н. Кондраковым

Тамбовский экземпляр “Лексикона треязычного...” Фёдора Поликарпова

Ольга Горелкина (Тамбов)

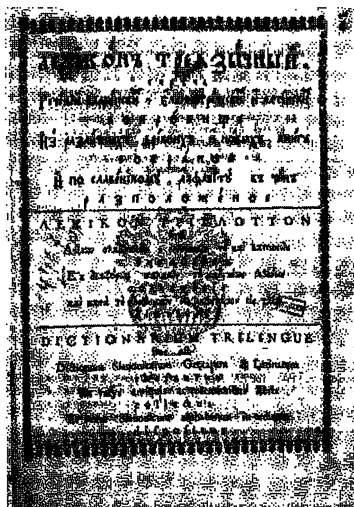
Одним из уникальных памятников книжной культуры начала XVIII века, хранящимся в отделе редких книг Тамбовской областной универсальной научной библиотеки имени А.С. Пушкина, является «Лексикон треязычный . . .» Фёдора Поликарпова, изданный в Москве в 1704 году. Появление этой книги связано с Поликарповым (настоящее имя и фамилия Поликарп Орлов), который в качестве писца трудился на московском Печатном Дворе в конце XVII – первой четверти XVIII века.

Фёдор Поликарпов — ученик Славяно-греко-латинской академии. В течение девяти лет он вместе с другими слушателями изучал грамматику и синтаксис, риторику и диалектику, логику и физику на греческом и латинском языках, а также знакомился с толкованием Библии. Фёдор выделялся среди своих товарищей не только основательным усвоением наук, усердием, прилежанием, но и умением вести диалог, передавать приобретённые знания другим.

Император Пётр I знал и ценил Поликарпова как человека, способного к распространению книжного просвещения. 15 ноября 1701 года по указу царя он был назначен начальником Московской типографии, где печатались церковные книги, букварь, лексиконы. С развитием просвещения в России переводчики иностранных книг очень нуждались в лексиконах, так как не хватало учебников для обучения иностранным языкам. В 1704 году по указу Петра I в Московской типографии был издан «Лексикон треязычный сиречь речений славенских, салиногреческих и латинских сокровище, из различных древних и новых книг собранное, и по славенскому алфавиту в чине разположенное».

Заглавие на титульном листе дано на трёх языках: славянском, греческом и латинском. Книга напечатана кириллическим шрифтом, каждая страница текста в декоративной рамке, выходные лат-

ные указаны на обороте титульного листа: «... В царствующем великом граде Москве, в сто царской типографии типом изданное. В лето мнробыттия 7213, от воплощения же Бога Слова, 1704-го индикта 13, месяца декабря. Первое». Её автором был Фёдор Полкарпов. Содержание книги: 1) Любезному читателю о Господе радоватися. 2) Читателю благодарному, увещательное извещение. 3) Пристезжение. 4) Лексикон славено-греко-латинский, в пользу мудрлюбивому учащихъ вразумленно. 5) Оставшияся речения и приправлены в дополнение. 6) Список опечаток.

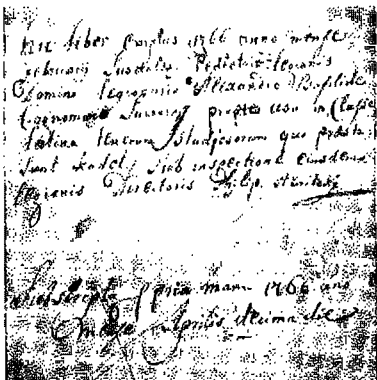

Титульный лист

Работая над учебником для обучения славянскому, греческому и латинскому языкам, Полкарпов старался помочь русским авторам избежать употребления чуждых слов, которые в начале XVIII века подавляли наш литературный язык. «Лексиконъ триназычный...» — первый в России словарь подобного рода, который отличается сжатостью и краткостью пояснений, поэтому он был удобен для использования в учебных заведениях.

Уникальность изданий XVIII века определяется не только датой их выхода, хотя это один из критериев определения книжного памятника, по которому данный экземпляр относится к книжным памятникам федерального значения.

Особую историческую ценность составляют сведения об авторах, издателях, переводчиках, иллюстраторах, а также принадлежность изданий тому или иному владельцу. Экслибрисы, суперэклибрисы, дарственные и владельческие надписи, пометы, печати и штампы позволяют проследить историю бытования книги. При библиографическом описании «Лексикона триназычного...» мы обратили внимание на надпись на латинском языке,

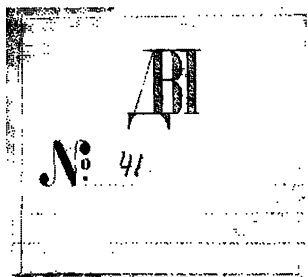
Автограф А.В. Суворова

сделанную коричневыми чернилами на вклеенном за форзацем листе. А.А. Волков, заместитель директора библиотеки по информационным технологиям, владеющий латинским языком, сделал перевод этой записи, указывающий, что данный экземпляр был приобретён легендарным фельдмаршалом А.В. Суворовым. «Сия книга куплена в 1766 году феврале месяце Легионером Суздальского пехотного

полка Господином Александром Васильевым по прозвищу Суворовф для использования в латинском классе студентов юных лет, которые кадеты суть. Под надзором того же полка генерала Филипа Авритского. Подписано собственноручно 1766 годом. Месяцем апреля десятого дня».

Изучив биографию Александра Васильевича, мы установили, что в 1763–1769 год в чине полковника и бригадира он командовал Суздальским пехотным полком в Новой Ладоге.¹

Материальное положение полка, его строевое обучение, нравственное воспитание солдата — всё было в центре внимания А.В. Суворова. В эти годы построены полковая церковь, здание школы для детей-сирот, где с семилетнего возраста обучали грамоте, открыта школа для дворянских детей, где обучались разным наукам и в которой преподавал полководец. Он был автором учебника по начальным правилам арифметики, составил молитвенник для учащихся. Умелое хозяйствование, творческая и педагогическая деятельность Александра Васильевича способствовали развитию благосостояния Суздальского пехотного полка. Постоянный труд солдата, его самообразование считались основным условием для успешной военной подготовки. Вероятно, поэтому Александр Васильевич Суворов и купил экземпляр «Лексикона трехязычного . . .» для использования его в учебном процессе. Ти-

Экслибрис Поленова и печать Нарышкинской особой библиотеки

раж книги составляя 2400 экземпляров, цена в зависимости от переплёта, была довольно высокой – более двух рублей. Книги раскупались медленно, поэтому данное издание «Лексикона трёхязычного . . .» можно было приобрести на складе типографии в течение всего XVIII и в начале XIX веков.²

За консультацией об идентификации надписи мы обратились к заведующей научно-исследовательским отделом редких книг (Музея книги) Российской государственной библиотеки Рамановой Д.Н. Её ответ подтвердил наши предположения: «... Вы правы, биографические сведения, а также характер содержания записи, указание на то, что она сделана «собственноручно», безусловно, даёт вам право утверждать, что это автограф Суворова. Часто именно так и определяются не известные ранее автографы. Поэтому, думаю, вы смело можете говорить об автографе Суворова».

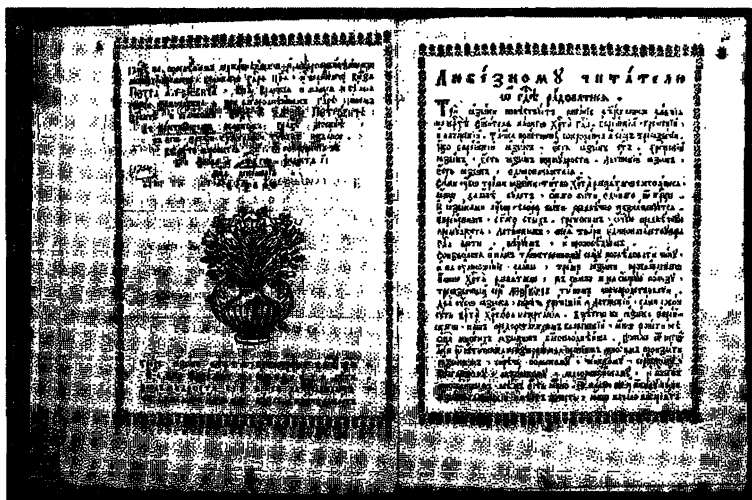
Экземпляр книги хранится в отделе редких книг Тамбовской областной универсальной научной библиотеки имени А.С. Пушкина. Он в полукожаном переплёте с уголками, хорошей сохранности, на корешке сохранились золотое тиснение заглавия «Лексикон» и декоративного орнамента. На обороте обложки имеется экслибрис: «ДВП» (Дмитрий Васильевич Поленов) и печать: «Нарышкинская Особая библиотека в г. Тамбове» на форзаце и многих страницах текста, что указывает на поступление данной книги в библиотеку при Нарышкинской читальне в 1893 году в составе коллекции Д.В. Поленова – Л.А. Воейкова, переданной

известным русским художником Василием Дмитриевичем Поленовым. Книги Д.В. Поленов собирал до самой своей смерти, последовавшей осенью 1878 года. Незадолго до кончины, он подписал своё духовное завещание, в котором Дмитрий Поленов распорядился своими коллекциями:

«2) ...библиотеку, состоящую из книг, рукописей и гравюр, вместе со шкапами, в которых она помещена, завещаю в полном составе старшему сыну моему Василию Дмитриевичу Полспову...

3) Собрание древностей греческих, римских, египетских и русских завещаю сыну моему Василию Дмитриевичу Полспову...».³ Леонид Алексеевич Воейков ещё при жизни высказывал мысли о передаче своей собственной библиотеки городу Тамбову, о чём знал и Эммануил Дмитриевич Нарышкин.

4 октября 1892 года произошло освящение здания для Общества народных чтений, построенного на средства известного мецената и благотворителя Эммануила Дмитриевича Нарышкина. Узнав об этом, Василий Дмитриевич Поленов пишет письмо на имя Эммануила Дмитриевича Нарышкина: «Будучи в настоящее время владельцем соединённых библиотек покойного отца

Выходные данные

моего Дмитрия Васильевича Поленова и дядюшки Леонида Алексеевича Воейкова, и зная, с одной стороны, что желание моего отца состояло в том, чтобы библиотека его поступила впоследствии на пользу образования где-нибудь в провинции, а с другой стороны, зная заветную мечту моего дядюшки, устроить в городе Тамбове общественную библиотеку, и глубоко сочувствуя предпринимаемому Вами чудному делу, я с великой радостью прошу Вас принять от меня в собственность Общества эти две библиотеки в память Дмитрия Васильевича Поленова и Леонида Алексеевича Воейкова».⁴

Так «Лексикон трезычный...» оказался в городе Тамбове.

В заключение, хотелось бы отметить, что выявленные «Лексикона трезычного...» Фёдора Поликарпова, автографа на нём А.В. Суворова, изучение бытования данного экземпляра из отдела редких книг Тамбовской областной универсальной научной библиотеки им. А.С. Пушкина делают его поистине уникальным материальным памятником истории и культуры России.

Примечания

¹ Советская историческая энциклопедия / Гл. ред. Е. М. Жуков [т. 13]. – М. : Сов. энциклопедия, 1971. – 1022 стлб. : ил., карт.

² Рамазанова Д. Н. «Лексикон трезычный» Фёдора Поликарпова в собрании Музея книги Российской государственной библиотеки // Вивлиофика : История книги и изучение книжных памятников. Выпуск 1. / Росийская гос. б-ка, НИО редких кн. (Музей книги); [редкол. А.Ю. Самарин (отв. ред. и сост.) и др.] – М.: «Пашков дом», 2009. – 260 с. : ил.

³ Некрасов М.А. Из истории Тамбовского края: о бесценном даре В.Д. Поленова / М.А. Некрасов [Электронный ресурс] // ТОГБУК «Тамбовская областная универсальная научная библиотека им. А. С. Пушкина»: офиц. некоммерч. сайт. – Электрон. данные. – Режим доступа : <http://www.tambovlib.ru/> / свободный. – Загл. с экрана. – Просм. 03.11.2013.

⁴ Некрасов М.А. Из истории Тамбовского края : о бесценном даре В.Д. Поленова / М.А. Некрасов [Электронный ресурс] // ТОГБУК «Тамбовская областная универсальная научная библиотека им. А.С. Пушкина»: офиц. некоммерч. сайт. – Электрон. данные. – Режим доступа : <http://www.tambovlib.ru/> / свободный. – Загл. с экрана. – Просм. 03.11.2013.

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

Влюблённый в древнерусское искусство

(к 125-летию со дня рождения Б.Н. фон Эдинга)

Гарольд Злочевский (Москва)

Имя Бориса Николаевича фон Эдинга известно ныне немногим. Оно отсутствует в энциклопедических изданиях, а скудные сведения о нём разбросаны в малодоступных источниках, в которых встречается и ошибочная информация. Эдинг был историком русского искусства, музейным работником, педагогом, коллекционером документов и произведений родной старины. Скромный энтузиаст, талантливый и трудолюбивый, влюблённый в зодчество, живопись и прикладное искусство Древней Руси, он посвятил изучению и сохранению их своё творчество, которое развивалось в трагические для страны годы, и не успел в полной мере раскрыть дарование, отпущенное ему природой.

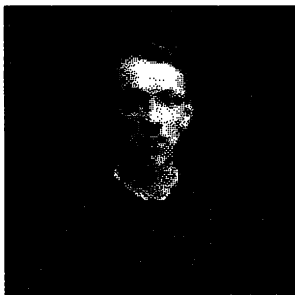
Мне давно хотелось больше узнать об Эдинге уже потому, что, благодаря общению с ним, выбрал свою профессию, историю русской архитектуры, другой талантливый исследователь, так же, как и его кумир, рано ушедший из жизни, Владимир Васильевич Згура¹ (1903–1927) – инициатор создания Общества изучения русской усадьбы² (1922–1930) и первый его председатель. Знакомство с публикациями Эдинга и с обнаруженными отзывами современников о нём и его творчестве, позволили мне написать об этом незаслуженно забытом подвижнике русского искусства и культуры.

Он родился 4 апреля 1889 года в древнем Ростове Великом Ярославской губернии. Его отец, Николай Дмитриевич, из семьи прибалтийских баронов, посвятил себя военной службе, был офицером; мать, Александра Ивановна (урождённая Мальгина), коренная жительница Ростова Великого. Старший брат, Дмитрий Николаевич (1887–1946), археолог, окончил Московский

археологический институт (1907–1922) в 1910 году и Московский университет в 1913-м. В связи с переменой места службы отца, семья переезжала и оказалась в Воронеже, где Борис Эдинг учился в гимназии.

Во время летних каникул он любил гостить у бабушки в Ростове Великом. Там в 1903 году с ним случайно познакомился известный художник В.В. Переплётчиков (1863–1918), который приезжал в город на этюды. Возвратившись в Москву, живописец рассказал об этом знакомстве И.Э. Грабарю, сообщив, что юноша поразил его «своими знаниями по археологии, интересом к искусству и осведомлённостью о всех новейших художественных течениях. Он не расставался с последними номерами “Мира искусства” и “Художественных сокровищ России”, в которых знал наизусть каждую страницу, бывал на всех московских выставках, знал все музеи. Всё это было действительно необычно, – отметил Грабарь, – особенно на фоне тусклой захолустной жизни небольшого городка»³. В 1908 году Эдинг окончил воронежскую гимназию и поступил на историко-филологический факультет Московского университета. В студенческие годы он обращался за советами к Грабарю, который впоследствии вспоминал: «В этом действительно незаурядном застенчивом юноше мне почуялось так много подлинного дарования, столь ненасытная жажда знания и столь искренняя страсть к искусству, особенно древнерусскому, что было грешно не прийти ему на помощь в его исканиях, далёких от банальности»⁴.

По окончании учёбы в 1912 году Эдинг, возможно, был оставлен для подготовки к научной деятельности при университете⁵. Однако утверждение о том, что он в 1919 году получил в университете звание профессора при кафедре теории и истории искусства⁶, не соответствует действительности⁷. С 20 сентября 1912 по 1916 год молодой специалист – вольнослужащий при Отделении изящных искусств Румянцевского музея или, по словам Грабаря, – помощник хранителя этого музея (хранителем был П.П. Муратов, 1881–1950). Эта информация содержится в письме Игоря Эммануиловича от 29 декабря 1912 года к художнику

Б.Н. Эдинг. Фрагмент
групповой фотографии.
Начало 1910-х гг.

П.И. Нерадовскому (1875–1962), в котором он приглашает известного портретиста в гости в подмосковную усадьбу Дутино встретить Новый год и сообщает, что будет у него Эдинг – «моноша, блондин, розовые щёчки, почти только пушок или самые махонькие усёночки на губке, высокий, худой», по «автор трёх монографий русских городов, имеющих выйти (под моей общей редакцией и в издании Кнебеля) в течение лета, – Ростов – Углич, Ярославль – Романов-Борисоглебск (ныне Тутаев. – Г.З.) и Кострома. У меня Вы увидите огромный материал, снятый им в течение минувшего лета, когда он ездил с моим фотографом и привёз множество фотографий фресок, икон и т. д.»⁸.

Эдинг постоянно расширял и углублял свои знания. Чтобы лучше понять, осмыслить творчество мастеров прошлого, он занялся рисованием, живописью, поступил на архитектурное отделение Московского училища живописи, ваяния и зодчества⁹. Ему были присущи критическое отношение к используемой литературе, глубокий исторический и тонкий художественный анализ исследуемых произведений. Одним из первых в России Эдинг применил прогрессивный в его время метод формального стилистического анализа, разработанный и развитый западноевропейскими учёными во второй половине XIX века, для исследования памятников русской архитектуры XVII века.

Однако, по воспоминаниям Грабаря, «в некоторых кругах, главным образом в Петербурге, его считали не достаточно “специалистом”, слишком “любителем”, почему относились к нему с нескрываемым пренебрежением. Но, Боже мой, во сколько раз ценнее и нужнее России чистое сердцем любительство Эдинга, его радующая и заражающая влюблённость в древнерусское искусство, нежели чиновно-чванное раскладывание научного пасьянса, практикуемое слишком большими “специалистами”»¹⁰.

Подтверждением вывода, сделанного Грабарём, стало событие, произошедшее в 1914 году в Петербурге. Лицо, пожелавшее остаться неизвестным, пожертвовало 3 тысячи рублей Обществу защиты и сохранения в России памятников искусства и старины (1909–1917) на проведение исследования, связанного с регистрацией не описанных к тому времени памятников русского Севера. Единственное условие, которое было выдвинуто жертвователем, – поручить эту работу Эдингу. Ему предстояло обследовать в 1915 году древние памятники Кириллова, Белозёрска, Вологды, Великого Устюга, Сольвычегодска, Тотьмы, Архангельска, Кемпи, Соловецкого и других северных монастырей¹¹. В марте 1916 года в печати появилась информация о том, что Эдинг отчитался о выполненной работе перед Обществом – сделал «доклад о памятниках старины русского Севера, преимущественно Архангельской и Вологодской губерний, иллюстрированный большим количеством фотографий»¹². Результаты этого исследования Общество предполагало «опубликовать в особом издании»¹³, к сожалению, не осуществлённом.

Как видим, Эдинг не был «кабинетным» учёным. Каждое лето с 1914 года он совершал поездки по северным губерниям России, где не только изучал памятники древней русской архитектуры, живописи, прикладного искусства, но и приобретал предметы старины для музеев по их заявкам. Эдинг «извлекал драгоценные в смысле художественности письма, иконы с чердаков и из подвалов церквей, воевал с настоятелями монастырей, указывая на громадную ценность памятников, прося охранять их как можно лучше и не подвергать никаким переделкам и искажениям»¹⁴. А в Москве он жил на Садовом кольце – улица Земляной Вал, дом № 6¹⁵.

Совершенно не известной до настоящего времени оставалась преподавательская деятельность учёного в Городском народном университете имени А.А. Шанявского (1908–1920), где с 1915 года он читал курс истории русского искусства. В неопубликованных дневниках Згуры, хранящихся с 1983 года у историка А.В. Маштафарова, которые он доверил мне разобрать и привести в порядок,

я обнаружил информацию, дающую некоторое представление о том, как преподавал Эдинг: «Был в Университете Шаняевского, — записал Згура 6 октября 1917 года. — Теперь каждую пятницу я буду ходить туда слушать лекции фон Эдинга по русскому искусству. После двух часов лекций были два часа практических занятий: читали доклады — описания церквей. Читался и мой доклад о Знаменской церкви. Фон Эдинг сказал, что детали обработаны хорошо, но бледно охарактеризована общая сторона. Мне лекции нравятся. Нравится подход Эдинга к пониманию искусства».

Очень интересовали учёного история и художественные памятники Ростова Великого и Ростовского уезда. Изучение их Эдинг считал главной задачей своей жизни. Для достижения этой цели он не жалел ни трудов, ни средств и все свои скромные сбережения тратил на покупку материалов¹⁶, собирал документы по истории края, рукописи местных краеведов, книги, предметы старины для Ростовского музея древностей. В 1917 году Эдинга избрали членом-сотрудником этого музея. Тогда же под его руководством происходила перестройка экспозиции музея: «произведена новая расстановка икон и систематизация других предметов древности: гравюр, резьбы по дереву, посуды и прочего»¹⁷. В этом хранилище произведений искусства, которое ныне называется Государственный музей-заповедник «Ростовский Кремль», с 1924 года находятся собранные Эдингом рукописные документы XVII—XVIII веков, в том числе, большая коллекция столбцов¹⁸.

В марте 1918 года Борис Николаевич женился. Его избранницей стала известная в то время художница-авангардистка Любовь Сергеевна Попова (1889–1924). В ноябре того же года родился их сын. Жизнь семьи завершилась трагически: весной 1924 года скончался от скарлатины сын, а вскоре умерла Попова.

Эдинг успел опубликовать очень мало своих работ. Мне удалось обнаружить всего четыре его публикации в лучших журналах того времени, освещавших вопросы искусства. В ежемесячнике «Старые годы» (1907–1916) — заметка «Катерининский дворец в Воронеже» (1912. Апрель. С. 57), в которой автор

призывает «местные силы» защитить эту бесконечно прекрасную постройку, гибнущую «в совершенной неизвестности». В отделе «Хроника» этого журнала опубликована и его небольшая статья «Образ “Фомино испытание” в Румянцевском музее» (1916. Апрель – июнь. С. 125–128). В ней речь о названной иконе, которая поступила в картинное отделение музея осенью 1914 года. Эдинг считал временем её написания начало XVI века. Он подробно описывает икону, разбирает её композицию. Учёный привёз это произведение древнерусской живописи из летней экспедиции 1914 года и фактически спас его от гибели. В заключение статьи Эдинг обращает внимание на проблемы, актуальные и в настоящее время: «Судьба этого замечательного памятника русского искусства вновь ставит перед русским обществом вопросы охранения национальных сокровищ. Строго говоря, расхищение памятников старины, хотя бы в пользу столичных музеев, было бы совершенно недопустимым, если бы эти памятники не были уже давно обречены к гибели в своих местах... Дальнейшее существование памятников искусства и старины должно быть обеспечено подходящими местными условиями и постоянным контролем, честным, энергичным и осведомлённым. Первое место в этом грандиозном деле принадлежит областным организациям и провинциальным музеям. Вызвать их к живой культурной деятельности – вот задача и долг просвещённых центров» (С. 127–128).

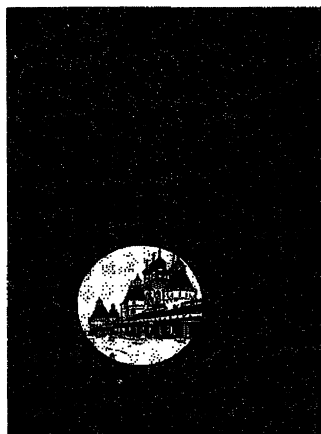
Главной задачей журнала «София» (1914, вышло всего 6 номеров), который издавался под редакцией П.П. Муратова, являлось пробуждение интереса читателей к древнерусскому искусству. Поэтому естественным было приглашение Эдинга к сотрудничеству в этом журнале (Муратов знал его творческие возможности), опубликовавшем два его материала. Это «Очерки древнерусской архитектуры: наличию» (№ 2. С. 19–33) – хорошо иллюстрированная статья, посвящённая трансформации наличника в древнерусском зодчестве XVI–XVII веков, и «Фрески в Звенигороде» (№ 3. С. 98) – заметка, подписанная Б.ф.Э. Автор информирует читателей об открытии фресок XVI–XVII веков

в соборном храме (за иконостасом) Саввино-Сторожевского монастыря. «Фрагменты фресок XVI века были невелики, но их принадлежность к лучшей эпохе несомненна, что и придавало открытию огромное значение», — отметил в заключении Эдинг. Редакция «Софии» анонсировала ещё одну его статью — «Очерки древнерусской скульптуры», но она не была напечатана, очевидно, в связи с закрытием журнала.

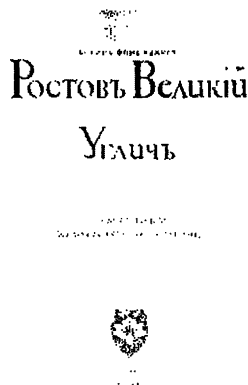
В упомянутом письме Грабаря к Нерадовскому от 29 декабря 1912 года названы три монографии, подготовленные Эдингом. Одна из них, «Ростов Великий. Углич: памятники художеств. старины» (М., [1913]. 198, [2] с.: ил.), увидела свет как выпуск первый (к сожалению, единственный) в серии «Русские города — раскопки искусства: собр. ил. моногр.», задуманной Грабарём. Книга вышла большим для своего времени тиражом — 8 тысяч экземпляров (благодаря этому, она до сих пор встречается у книжников) — и стала самой значительной опубликованной работой Эдинга. Её открывает предисловие, написанное Грабарём 20 марта 1913 года, в котором он сообщает, что серия монографий, посвящённых древним русским городам, его «заведная мечта», так как небольшие захолустные эти городки, «которые были некогда в силе, славились своим искусством и имеют великое счастье хранить в своих стенах до сих пор драгоценнейшие памятники этого искусства... Чем это не музеи? ... музеи живого и жизненного искусства. Здесь никто ничего не собирал — всё стоит там же, где стояло в старину и нередко всё сохраняет тот же вид, что и в былые времена» (С. 6).

Грабарь понимал, что произведения древнерусского зодчества, сохранившиеся в старинных городах, а большинство из них к тому времени не было описано и потому не попало в «Историю русского искусства» (М.: И.Н. Кнббель, 1910–1915), которая выходила тогда при его авторском участии и под его редакцией, нуждалась в фотофиксации, обмерах, изучении, регистрации.

Эдинг справился с поставленной задачей. В книге изложено прошлое обозначенных городов и окрестностей. Архитектура и вообще художественное наследие Ростова Великого и Углича

Переплёт

Типуальный лист

представлено на различных этапах их исторического развития. Книга вышла в издательстве И.И. Кнебеля; отпечатана на мелованной бумаге высокого качества в типографии «Товарищества Р. Голике и А. Вильборг» — одной из лучших в Петербурге. Она имеет переплёт, на котором изображена церковь Сретения и башни Борисоглебского монастыря —ксилогравюра А.П. Осиповой-Лебсевой. Надписи на переплёте выполнены А.И. Трояновской, а фронтиспис с текстом «Что город — то норов» — работа Е.Е. Лансера. Книга хорошо иллюстрирована фотографиями автора, а также И.Ф. Борщевского, А.А. Иванова, В.А. Лопатина, М.А. Орлова, Д.Н. Эдингa, запечатлевших описанные в ней города и окрестности в самом начале XX века. Она образец высокого оформительского и издательского искусства. Монография 24-летнего автора явилась для своего времени и серьёзным научным трудом, который не утратил своего значения до настоящего времени.

На выход монографии откликнулся журнал «Русский библиофил» (1911–1916). Рецензент отметил, что «в книге слишком много легенд и лирических мест», но очень интересно отражены «связи Ростова с Киевом и ранние сношения с Западом», раскрыто влияние архаичных форм Пскова и Новгорода на древнее

ростовское зодчество. Не осталось без внимания рецензента и то, что Эдинг впервые выдвинул в Ростове XVII века «отдельный самостоятельный тип храмов, который в других местах не встречается». На разборе архитектуры Уганча, пережившего «те же художественные явления, что и Ростов», рецензент подробно останавливается. В заключение он назвал книгу симпатичной «по своей внешности ... Отдельные дефекты её описательной стороны покрываются обилием прекрасных рисунков и весьма полным перечислением всего наличного состава ростово-уганчской старины»¹⁹.

В середине 1914 года, когда началась первая мировая война, была сверстана монография Эдинга о Ярославле и Романове-Борисоглебске и в таком виде оставалась ещё в 1919 году²⁰, но она так и не увидела свет. Неопубликованными остались и материалы, собранные для подготовки монографий о памятниках Костромы и Галича, Владимира и Переславля-Залесского, Твери и Кашина, других древних городов. И тогда Эдинг задумал, вопреки катастрофическому безвременью революционных лет, издать на основе собранного большого фотографического материала своеобразный капитальный труд «Художественное достояние России», который должен был состоять из нескольких серий. Одну из них он подготовил в десяти выпусках к середине 1918 года. Свет увидел только первый из них²¹ — издание очень редкое (в Москве его нет в Государственной публичной исторической библиотеке России, а в Российской государственной библиотеке хранится только один экземпляр), опубликованное, вероятно, на средства автора. Тираж установить не удалось, но был он, судя по всему, очень маленький.

Это папка. В ней шесть нумерованных листов размером 350x268 мм каждый. На первом — авторское предисловие. В нём вся боль, которую испытывал исследователь, рассуждая о судьбе памятников искусства в России, и жажда новых открытий, вселяющих оптимизм, с которым он приступил к новой масштабной работе. Текст очень актуален и ныне. Поэтому привожу его в значительной полноте. Эдинг отмечает, что «лучшим

Обложка

произведениям русского искусства присуща высочайшая художественная ценность». Но «какова реальная участь старины, окружены ли произведения искусства той атмосферой внимания и деятельной любви, которые только и могут создать понимание творчества творчеством? Ведь ясно, что вне художественного сознания не может быть верного понимания и правильной оценки художественного произведения. И как не может быть ничем подменено подлинное произведение

искусства, так недопустима никакая замена подлинного художественного ощущения и сознания. При низком культурном уровне окружающих людей произведения искусства влачат как бы подавленное существование. Неисчерпаемая ценность их художественного воздействия как бы пресечена, вслед за этим само бытие их «становится ненужным», их сносят и стирают с лица земли как лишний хлам, мешающий новой жизни. Во всей повседневности новой и недавней России заложено равнодушное и преступное попустительство по отношению к вечному, и в то же время так легко разрушаемому, достоянию страны.

Недооценка одной из высших сторон духовной деятельности — творчества — незамедлительно пагубно отразилась на всём культурном строе России... Нева ли гас-нибуль получали такое распространение антикварские смутные инстинкты, уживающиеся с одичанием художественного чувства и художественного смысла. Тлетворный налёт стилизации замесляет художественную школу. А в то же время древности, как отдалённые намятки, так и целые города, в течении столетий не дождавшиеся исследователей, дождались грабителей и погромщиков. И всё же, с каждым днём новых разрушений и новых открытий, которыми только и живёт

Фаворский В. А.
 Портрет Б.Н. Эдлинга. 1910-е гг.
 Холст, масло.
 С 1926 г. в Государственном
 музее-заповеднике
 «Ростовский Кремль».

история русского искусства, с каждым днём выясняется художественное достоинство России».

Эдлинг отметил в предисловии, что регистрацию памятников древнерусского искусства он производил десять лет, не прекращал эту работу в связи с началом первой мировой войны и в последующие годы. Значительные произведения, изученные им, нашли место в данном издании, которое он подготовил «вопреки всем трудностям настоящего времени».

Второй лист содержит примечания к таблицам — несколько строк текста, поясняющего историю и дающего характеристику каждого публикуемого памятника,

представленного в виде фотографии на отдельном листе (Эдлинг называл его таблицей) из тонкого рыхлого картона. Фотография наклеена на подложку из белой бумаги, размер которой обеспечивает поле шириной 3—6 мм по периметру изображения, а сама подложка — на картон. Всего в папке четыре таких таблицы. На них представлены: икона Смоленской Божней Матери из Кирилло-Белозёрского монастыря, алтарные абсиды ростовского Успенского собора, икона «Архангел Михаил» из Белой палаты Ростова Великого и корпус Иоанновской церкви Кирилло-Белозёрского монастыря. Ещё одна фотография — на обложке: придорожная часовня в деревне Плешковская Маркомга (Архангельская губерния, Онежский уезд).

Вскоре после появления первого выпуска «Художественного достоинства России», рецензию на это издание написал известный искусствовед, историк древнерусского искусства А.И. Анисимов (1877—1938), впоследствии сосланный на Север и расстрелянный

в Карелии. Но отзыв уважаемого специалиста под названием «О Б.Н. фон Эдинге и его издании “Художественное достояние России”» тогда не был опубликован и пролежал в виде чистой рукописи, подписанной автором 7 апреля 1919 года, 87 лет²². Он увидел свет в «Феранонтовском сборнике» ([Вып.] VII. М., 2006. С. 317–322).

Автор рецензии, очевидно, знакомый с Эдингом или хорошо информированный о его подвижнической жизни, проникнутой бесконечной любовью к памятникам родной старины, желанием изучить их и сохранить для будущих поколений, пишет: «Среди ... искателей старой русской художественной культуры Борис Эдинг, быть может, более многих других оправдал слова Гёте, назвавшего годы юности годами странствий. Он ещё так молод, “всё впереди”, а за спиной его уже большой-большой страннический опыт. Отдельные губернии центральной и северной России он исколесил вдоль и поперёк в поисках старых церквей, часовен, икон, предметов резьбы и шитья. Фотографируя их, он собрал богатый материал и теперь делится сокровищем [виденного]» (С. 320).

Характеризуя условия, в которых осуществляют свою подвижническую творческую миссию немногие исследователи, а их ярким представителем является Эдинг, Анисимов (видно, что люди, подобные Борису Николаевичу, близки ему) пишет: «Убогая русская действительность с её диким переплетением корней самого глубокого варварства с отрывками самой высокой культуры создала оригинальную категорию людей. Эти люди с высшим образованием, тонко развитые эстетически, оставляют большие города и целыми годами странствуют по России ... Они должны найти где-то силы и деньги, запастись неисчерпаемым запасом душевной энергии и поднять со дна житейского моря уже давно потопленную там любовь к России и, подняв, дать этой холодной, почти умершей жемчужине подлинную, не лживую, не показную жизнь. Только такие богатства помогают им совершить свой подвиг, ибо путь по России – подвиг». Их не понимают; подчас встречают с недоверием и не доброжелатель-

ностью. «Но у искателей старой родной культуры есть и своя несравненная награда. Только они одни знают по-настоящему лицо своей Матери, только они одни постигли её удивительную и богатую душу во всей глубине . . . Только эти странники служили и служат единственным сознательным звеном между народом, забывшим своё прошлое, и этим прошлым, без знания чувства которого не было бы у нас и веры в наше будущее» (С. 318–320).

Как точно сказано! Жаль, что Эдинг не имел возможности прочесть эти строки о себе при жизни, строки, очень созвучные с тем, что он думал и о чём написал в предисловии к первому выпуску «Художественного достояния России», завершившему его творческий путь.

Летом 1919 года он организовал экспедицию в Ростовский уезд. Собираясь приступить к изучению знаменитого Успенского собора XVI века в Ростовском Кремле и «начал уже делать его обмеры»²³, планировал также заняться обработкой ранее добытых материалов. В поисках неизвестных науке памятников русской старины Эдингу часто приходилось передвигаться пешком по северному бездорожью в тяжелейших условиях и на большие расстояния (до 200 км.), что сильно расстроило его здоровье. В последний год он «часто жаловался на боль в ногах и общее недомогание. Его расшатанный организм уже не мог справиться»²⁴ с брюшным тифом, которым Эдинг заболел в родном городе, и 16 августа 1919 года он скончался. Его отпевали в Спасо-Яковлевском монастыре²⁵ и похоронили там же. Могила ныне утрачена.

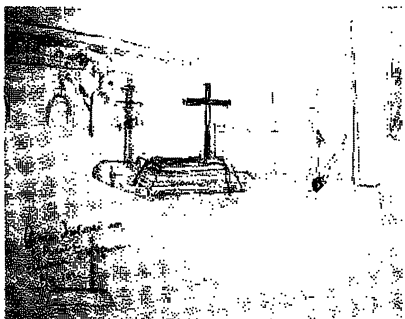
Когда стало известно о кончине Бориса Николаевича, Грабарь и его коллеги «были до того подавлены, что долго не могли прийти в себя. Просто не верилось, — вспоминал Игорь Эммануилович, — что нет уже этого молодого, полного энергии и сил энтузиаста. . . Тяжёлая утрата для культурной России. Эта смерть особенно тяжка для тех, кто связан с Эдингом общими думами, общей работой и общими чаяниями»²⁶.

Болью отозвалась смерть любимого учителя и в душе Згуры. 24 августа он записал в дневнике: «Только сейчас узнал, что умер

Эдинг, в Ростове, уже больше недели назад. Это страшно расстроило меня. И всякий, кто знал его, пожалеет об этой ещё новой смерти... Он беспрельдно любил русское искусство, по-настоящему любил и понимал Россию, любил свой родной Ростов, где и кончил краткий путь честной трудовой жизни». Панихида по Эдингу прошла 23 сентября в Покровском соборе (храм Василия Блаженного) на Красной площади в Москве. Згура присутствовал. Он отметил в дневнике в этот день, что несколько человек из семинара Эдинга решили «организовать нечто вроде Общества по изучению русского искусства с тем, чтобы продолжить работу Бориса Николаевича».

Собрание «эдинговцев» состоялось в квартире Згуры²⁷ 7 октября. В этот день он записал в дневнике: «Говорили о том, что предпринять и как вести работу. Предложил, как очередную, — регистрацию архитектурных памятников Москвы. Характер наш определится позднее из работы. Пока ничего оформленного нет. Следующее собрание назначено у меня через воскресенье». Больше никаких сведений о деятельности «эдинговцев» в дневнике нет. Но предложенную работу по регистрации памятников зодчества столицы Згура лично осуществляла в течение ряда следующих лет. В моём собрании хранится более 50 его рукописных карточек с соответствующей информацией²⁸. Результаты этой масштабной работы, выполненной им, очевидно, в память об Эдинге, молодой учёный опубликовал²⁹. В ней кратко описано около 500 памятников архитектуры Москвы, и таким образом они были зафиксированы по состоянию на середину 1920-х годов накануне начала массового уничтожения их в столице.

Последняя запись Згуры об Эдинге в дневнике сделана им 2 июня 1920 года во время пребывания в Ростове Великом. В этот день он посетил могилу учителя в Спасо-Яковлевском монастыре, зарисовал её в привязке к сохранившимся объектам и подробно описал, что, при желании, вполне поможет восстановить место упокоения Эдинга. Вот эта запись: «Никого не спрашивая, я почему-то сейчас же нашёл её около южной стены Зачатьевского храма (сооружён в 1686 году. — Г.З.). Простой могильный холмик,

Могила Б.Н. Эдингга. Рисунок
В.В. Згуры. 2 июня 1920 г.
Ростов Великий.
Спасо-Яковлевский монастырь.

простой четырёхконечный коричневый крест без надписи с едва лишь намеченными буквами с именем покойного. Кругом голо, почти ничего нет, и только ещё одна могила успела вырасти уже по соседству с первой. Удивительно грустно, печально стало мне у этой свежей ещё могилы Бориса Николаевича в тихом прибрежном монастыре с поминутным ударом нежного колокольчика,

отбивающего часы, и игрою четвертей. В далёком уединённом Ростове, в котором он и родился, Эдинг нашёл место своего упокоения вдаль от шумной, суетливой столицы, которую он часто менял на свой родной город, так беспредельно любимый им. Мир праху твоему, пламенно любивший Россию, русское великое искусство и Ростов многобашенный!»

Примечания

¹ Злочевский Г.Д. «... Дал бы ещё исключительно много для истории русской архитектуры»: В.В. Згура // Злочевский Г.Д. «Минувшее проходит предо мною»: люди, книги, судьбы. М.: Инскрипт, 2012. С. 417–482.

² Злочевский Г.Д. Общество изучения русской усадьбы: его деятельность и руководители (1920-е годы). М., Ин-т Наследия, 2011. 467 с.: ил.

³ Трабарь П. Борис Николаевич Эдинг // Художественная жизнь: бюл. Художеств. секции Нар. комиссариата по просвещению. № 2 М., 1920. С. 42.

⁴ Там же.

⁵ Иванюв Д. Борис Николаевич Эдинг: (некролог) // Изв. Ярослав. кредит союза кооперативов. Ярославль, 1919. № 8–10. С. 18; Ярославские краеведы: библиогр. указ., аннот. Ч.2 / Ярослав. ист.-архитектур. музей-заповедник; сост. В.П. Алексеев. Ярославль, 1991. С. 40.

⁶ Там же.

⁷ В капитальных справочных изданиях «Профессора Московского университета. 1755–2004: биогр. слов.» (В 2 т. Т. 2: М–Я. М., 2005) и «Императорский Московский университет. 1755–1917: энцикл. слов.» (ред. совет: В.А. Садовничий и др. М., 2010) среди профессоров университета фамилии Эдинг нет. Звание профессора ему могли присвоить в Горьковском народном уни-

верситете имени А.А. Шанявского, в котором он преподавал с 1915 года, но подтверждение этой версии обнаружить не удалось.

² Грабарь И. Письма. 1891 – 1917 / авт. введения и коммент. А.В. Андреева, Т.П. Кавказ. М.: Наука, 1974. С. 279.

³ Грабарь И. Борис Николаевич Эдинг ... С. 42.

⁴ Там же. С. 43.

⁵ Медведева М.В. Из истории Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины // Археологические вести. Вып. 14. М., 2007. С.265.

⁶ [Ростиславов А.] Вести за месяц // Старые годы. СПб., 1916. Март. С. 58. Подп.: А. Р – в.

⁷ Отчёт о деятельности Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины за 1914 и 1915 годы. Пг., 1916. С. 10.

⁸ Иванов Д. Борис Николаевич Эдинг: (некролог) ... С. 19.

⁹ Вся Москва: адрес. и справ. кн. на 1917 г. М., 1917. С. 561. Разд. паг.

¹⁰ Иванов Д. Борис Николаевич Эдинг: (некролог) ... С. 19.

¹¹ Там же. С. 20.

¹² Столбцы – одна из форм ведения делопроизводства в Приказах – учреждениях России XVI–XVII веков, при которой документы хранились в виде свитков. Для этого листы бумаги разрезались в длину на 2 или в ширину на 3 полосы. Текст на них писался попеременно узкой стороной, оборот листа оставался чистым. Документы, формировавшиеся в одну единицу хранения, подклеивались друг к другу и образовывали длинную ленту, которая сворачивалась в рулон и хранилась в виде свитка – столбца.

¹³ [Шерокии К.В.] [Рец. на кн.: Борис фон Эдинг. Ростов Великий. Углич: памятники художеств. старины. М.: Изд. Кнебеля, 1914] // Рус. библиофил. СПб., 1914. № 3. С. 88–89. Подп.: К. Ш – ий.

¹⁴ Грабарь И. Борис Николаевич Эдинг ... С. 43.

¹⁵ Художественное достояние России / Б. Эдинг. Вып. 1. М.: [б. и.], 1918.

¹⁶ Подлинник хранится в личном архиве А.П. Анисимова в Отделе рукописей Государственной Третьяковской галереи (Ф. 68, № 177).

¹⁷ Иванов Д. Борис Николаевич Эдинг: (некролог) ... С. 20.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Крестьянинова Е. Синодическая книга Спасо-Яковлевского монастыря // Ростов. старина. 2009. 30 июня (№ 145). Прил. к газ. «Ростов. вестн».

²⁰ Грабарь И. Борис Николаевич Эдинг ... С. 42.

²¹ Здание, в котором жил тогда Згура, сохранилось. Оно находится ныне в 1-м Колобовском переулке (дом № 25, стронис № 2, квартира № 16), близ Цветного бульвара.

²² Эти карточки подарены мне в январе 2013 года Марией Вячеславовной Борзенко, внучатой племянницей Александры Гавриловны Згура (урождённая Макиевская-Зубок), матери Владимира Васильевича.

²³ Монументальные памятники // Музеи и достопримечательности Москвы: путеводитель / общ. ред. В.В. Згуры. М., 1926. С. 399–454. Материал исследования вышел и в виде отдельного издания: Згура В.В. Монументальные памятники Москвы: путеводитель. М., 1926. 56 с.

РЕЗЦОМ И КИСТЬЮ

Графическое отражение мысли

Эдуард Гетманский (Тула)

Биография и творчество Владимира Николаевича Чекарькова тесно связаны с Тулой. Здесь он родился, учился, сюда вернулся после учёбы в Московском Высшем художественно-промышленном училище (бывшее Строгановское). В малую графику Чекарьков пришёл в 1978 году, за 35 лет работы в искусстве книжного знака он сделал более 1000 графических миниатюр. Долгие годы Владимир Николаевич проработал художником в областной партийной газете «Коммунар». Круг интересов его достаточно обширен, в первую очередь, конечно, это шахматы. Он известный в России «шахматный композитор», участник и призёр многих чемпионатов СССР и России по шахматной композиции. В 1966 году он написал письмо Ю.А. Гагарину с просьбой выслать ему фотографию с автографами всех космонавтов. Первый космонавт земли Чекарькову ответил и фотографию с подписями всех летавших к тому времени лётчиков-космонавтов СССР, прислал. В знак благодарности, у Владимира Николаевича родилась идея собрать шахматные композиции, посвящённые покорителям космоса, оформить и послать в подарок первопроходцу космоса. Но преждевременная смерть Гагарина не позволила реализовать эту идею. В 1996 году Чекарьков издал альбом «Эра космоса языком шахмат». Книга посвящена «космической» функции шахматной композиции, она вводит читателя в мир космической шахматной графики.

Книжным знаком Чекарьков занялся случайно. На одной из наших встреч в редакции газеты, я показал ему экслибрисы. Посеянное мною зерно попало в благодатную почву, вот уже долгие годы он успешно работает на ниве книжного знака. Благодаря ему, на экслибрисной карте России появился новый

центр – Тула, который дал импульс развитию тульского экслибриса. Через него пришёл в малую графику художники Владимир Ключков, Николай Карасёв, Юрий Рогожин, Владимир Хорошилов, Михаил Шейнин и др. Книжные знаки Чекарькова украсили книги многих библиотек в стране книголюбов. Интересны его иконографические книжные знаки для домашних библиотек лётчиков-космонавтов СССР: Германа Титова, Валентины Терешковой, Валерия Полякова,

Портрет В. Полякова
Иконография, 1988

Евгения Хрунова, Светланы Савицкой; маршалов авиации, трижды Героев Советского Союза – Александра Покрышкина и Ивана Кожедуба, трёхкратной чемпионки мира по классическому многоборью, Заслуженного мастера спорта СССР Марии Исаковой; историка, профессора Николая Троицкого; конькобежца, четырёхкратного Олимпийского чемпиона, Заслуженного мастера спорта СССР, чемпиона мира, Европы и СССР, одного из лучших велогонщиков-трековиков СССР Евгения Гришина; многократного чемпиона мира по шахматам Гарри Каспарова.

С годами у Чекарькова выработался свой взгляд на книжный знак. Он рисовал, в основном, портретные книжные знаки, дополняя их соответствующими текстами. Таков экслибрис тульского историка Н.В. Толстой, на котором изображён У. Шекспир на фоне театральных масок, пронзённых шпагой, на знаке приведены его слова: «Истина любит действовать открыто». На моей графической миниатюре на фоне памятника А.С. Пушкину в Москве начертаны слова А.М. Горького: «Пушкин величайшая гордость наша и самое полное выражение духовных сил России». На другом экслибрисе моей библиотеки художник, изобразив меня, напоминает, что «коллекционер не профессия, а диагноз». На книжном знаке тульского журналиста Н.А. Стещенко наряду

с портретом В.С. Высоцкого на фоне гитары читаются его слова: «Чистая правда со временем восторжествует».

Заметное место в творчестве Чекарькова занимает самая популярная тема советского экслибриса — ленинская. Здесь, помимо знаков с изображением В.И. Ленина, разработана большая серия «Ветераны ленинской гвардии», портреты: Р.С. Землячки, В.В. Воровского, Н.А. Игитниченко, М.М. Антвинова, О.А. Варенцовой, А.А. Ванеева, В.В. Старкова, Е.Д. Стасовой, П.К. Запорожца, В.П. Ногина, П.А. Красикова и др. Надо

отдать должное художнику, что изображения многих из тех, чьи портреты приведены на книжных знаках этой серии, впервые появились в отечественном экслибрисе. Ни до Чекарькова, ни после него портреты этих ветеранов ленинской гвардии в искусстве книжного знака не встречались.

Интересен экслибрисный опус Чекарькова для Н.К. Лапина с портретом маршала Советского Союза, четырежды Героя Советского Союза Г.К. Жукова. Портрет писателя, драматурга и театрального режиссёра М.А. Бугакова на фоне своих литературных героев украшает знак Ольги Шевчук. На экслибрисе А.Г. Васильева портрет французского писателя, поэта и профессионального лётчика Антуана де Сент-Экзюпери на фоне самолёта. Петр I и Юрий Гагарин — в основе композиции знака историка Александра Гетманского. Экслибрис с автопортретом А.С. Пушкина Чекарьков нарисовал для книжного собрания Германа Смирнова. В графической миниатюре для книг государственного музея истории космонавтики имени К.Э. Циолковского на фоне ракеты, спутника и книги с исторической датой «12 апреля 1961» приведён портрет первопроходца космоса Юрия Гагарина. Книжный знак

Цинкография, 1986

юного Григория Гетманского посвящён памяти жертв Холокоста. На нём нарисован портрет еврейской девочки Анны Франк, автора знаменитого «Дневника Анны Франк» – документа, обличающего нацизм, и переведённого на многие языки мира.

Потрясающая по своему накалу, новизне и оригинальности серия книжных знаков Чекарькова «4000000», посвящённая жертвам сталинских репрессий. В этой серии эскибрисов многие имена встречаются впервые, их портреты никогда ранее не находили своего места в советском иконографическом эскибрисе. И это вполне объяснимо, так как многие из этих имён вообще умалчивались даже в исторической литературе. На эскибрисах этой серии даны портреты: Г.Е. Зиновьева, А.Б. Каменева, М.П. Рютина, С.В. Коснора, Е.М. Ярославского, Н.В. Крыленко, М.П. Томского, А.П. Рыкова, П.А. Флоренского, А.С. Бубнова, Бела Куна и многих других. Оригинальна композиция этих эскибрисов, наряду с портретами уничтоженных в годы сталинских репрессий людей, дана курительная трубка с портретом Сталина и с цифрой 4000000 на ободке трубки, говорящей о количестве репрессированных и погибших в сталинских лагерях за годы его правления. Рама, в которую заключён портрет осуждённого, нарисована художником в виде колючей проволоки. О знаках этой серии можно судить по эскибрису с портретом Н.И. Бухарина.

В.Н. Чекарьков одним из первых в СССР создал эскибрисы с портретами Валерия Брюсова, Игоря Северянина, Константина Бальмонта, Андрея Белого и Фёдора Сологуба. В иконографической галерее эскибрисов Владимира Николаевича можно увидеть портреты инициатора возрождения языка иврита Элизера бен-Иегуды; еврейского общественного и политического деятеля Теодора Герцля;

И. Шинкография, 1986

еврейского философа Маймонида; древнееврейского историка Иосифа Флавия; древнееврейского законоучителя Гиллея; английского политического деятеля Бенджамина Дизраэли, лорда Виконсфилда; композиторов – Имре Кальмана, Феликса Мендельсона-Бартольди, Густава Малера, Жака Оффенбаха, Антона Рубинштейна; художников – Роберта Фалька, Марка Шагала, Амедео Модильяни и Камилла Писсаро; создателя эсперанто Людвика Заменгофа; писателей – Айзека Азимова, Сола Беллоу, Андре Моруа, Элн Визля, Франца Кафку; итальянского судебного психиатра и антрополога Чезаре Ломброзо, австрийского психолога Зигмунда Фрейда; а также дважды Героя Советского Союза Якова Смушкевича, авиаконструкторов – Михаила Гуревича и Семёна Лавочкина; разведчика Семёна Маневича. Этот список можно продолжить, он насчитывает десятки новых для отечественного эскибриса имён.

На книжных знаках Чекарькова можно увидеть многие тульские памятники. Ранее их никто и никогда не изображал на книжных знаках. Это памятник Петру I скульптора Р.Р. Баха, открытый в 1912 году в честь 200-летия Тульского оружейного завода; памятник С.И. Мосину скульптора В.И. Мухиной; памятник В.В. Рудневу скульптора И.Г.Онищенко; памятник А.Н. Толстому скульптора В.Я. Буйкина; памятник В.В. Вересаеву скульп-

торов А.С. Разина и Т.С. Поляковой; памятник основателю парка в Туле врачу Г.П. Белоусову архитектора А.И. Народниченко. На многих книжных знаках Чекарькова можно увидеть памятник защитникам Тулы скульптора Б.И. Дюжова, а также памятник «Героям Гражданской войны и труда» скульпторов С. Попова, М. Листоппада и А. Тенеты, но ныне его разрушили и убрали с пло-

ИЗ КНИГ СЕРЕЖИ

Цинкография, 1984

пади. Чекарьков прекрасно знает старую Тулу, на его книжных знаках можно увидеть её исторические памятники – церковь Вознесения (1755–1784); Всехсвятскую церковь (1774–1797) архитектора К.К. Сокольниковца; церковь и колокольню Николая Зарещкого (1730–1734), построенную А.Н. Демидовым – основателем Нижнетагильских заводов, любимцем Петра I; церковь Фрола и Лавра (1772–1796) и Благовещенскую церковь, основателем которой был священник Феоклит Фёдоров (1692).

Сюжетные книжные знаки тоже интересны для В.Н. Чекарькова. Остроумен его экслибрис для Леонида Долудя. На нём изображён чан с кипящей водой на костре в аду, в котором сидят два грешника и играют в шахматы, дьявол, улыбаясь, подносит к костру новые поленья дров. Оригинален экслибрис лётчика-космонавта СССР Алексея Леонова, где на фоне палитры с кистями и космического корабля изображён космонавт в свободном полёте в космосе. Крокодил Гена и Чебурашка украшают графическую миниатюру «Настенькины книжки», барон Мюнхгаузен летит на ядре в экслибрисе юного книгочея Серёжи, колобок и хитрая лиса в гостях у книжного знака «Людочкины книжки».

Искусство Чекарькова – скромное, лиричное внешне эффектное, но осмысленное и содержательное. Центральное место в его творчестве занимает человек. Благодаря Чекарькову, экслибрисы в Туле поистине стали знаком дружбы, взаимопонимания, средством общения. Экслибрис – полёт фантазии и графическое отражение мысли. Под это определение в полной мере подходит экслибрисное творчество Владимира Николаевича. А его успех состоит всего-то из двух компонентов – таланта и трудолюбия, того и другого Чекарькову не занимать.

Цинкография, 1984

**О прошлом и настоящем
асиновского клуба “Экслибрис”**
(памяти Геннадия Ивановича Пгнатова)

Владимир Марьин (Лаатцен, Германия)

Неумолимы законы природы, старинный мой друг,
Редеет соратников верных и преданных круг.
И воспаряют в холодную вечность их светлые души одна за другой,
Несгоды и радости нашего мира меняя на вечный покой.
Тихо уходят друзья, скинув земные вериги,
И нам оставляя свои думы, надежды и книги.
На моём столе уже тесновато уже,
И от тяжести полки провисли —
Это — книги собратьев, это — мысли друзей,
Это — очень веселые мысли...

Г.И. Пгнатов (справа) в мастерской
художника В.А. Марьина.
г. Томск, 1988 г.

Вот и ещё один друг ушёл в вечность, и я никак не могу свыкнуться с мыслью, что его уже нет, что не получу более от него ни письма с добрым приветом, ни книги, ни выстраданной, написанной и любовно изданной асиновскими полиграфистами. Когда-то, ещё в томскую бытность, писал я для пгнатовского альбома-каталога «Экслибрисы сибирского собирателя» вступительное слово. И были там такие слова: «Моё знакомство с Геннадием Ивановичем насчитывает уже два десятка лет. Не могу сказать, что вместе мы пуд

соли съели, но берусь утверждать, что дружеское общение с этим человеком во многом обогатило меня. Да и творческое становление других, более молодых моих коллег, не прошло без активного участия и влияния Геннадия Ивановича...

И верю я, что этот каталог, как и все предыдущие, будет служить доброму и вечному делу, которому посвятил себя мой дорогой друг и единомышленник Геннадий Иванович Игнатов».

Нет, не получается у меня написать о нём что-либо в прошедшем времени – слишком близка ещё горечь утраты. В своём архиве я разыскал статью, в которой говорится о ЖИВОМ Геннадии Ивановиче и его славном детище – Асиновском клубе «Экслибри».

Заканчиваю предисловие строками из своего стихотворения, которым и начал его:

*Безостановочно стрелки по кругу бегут и бегут.
Так сколько осталось нам дней и часов, и минут?
Ещё не зима, но всё явственней осени поздней приметы,
По году издания мы — тоже с тобой раритеты.
Молчат телефоны, и письма всё реже нам шлют,
Успеть бы страницы в последний вплести конвалют.
Успеем? Должны бы... К тому же и Бог нам поможет,
А послесловье другие напишут, быть может.
Неумалимы законы природы, старинный мой друг...
Но всё же, но всё же, но всё же...*

В конце октября 2006 года пришло ко мне в Ганновер письмо из сибирского города Асино, что в Томской области, подписанное нынешним председателем клуба «Экслибри» К.В. Самодуровым. Надо же, подумалось мне тогда, многие секции и клубы даже в центральных городах России ещё в 90-х годах прошлого столетия приказали долго жить, а вот где-то там, в сибирской глубинке, клуб энтузиастов экслибриса не только сохранился, но и, судя по полученному письму, продуктивно функционирует уже три десятка лет.

из собрания
Г. И. ИГНАТОВА

Худ. В. А. Марьин
Гравюра на пластике,
1975

Историк-педагог Константин Васильевич Самодуров, возглавляющий клуб, с различной интересной информацией прислал мне и план выставок, которые были намечены на ближайшие полгода, и в этом списке я прочитал следующий раздел:

– Книжные знаки В.А. Марьина – апрель 2007 г. (к 30-летию первой городской выставки книжных знаков в Асино). Далее автор письма сделал приписку: «Кстати, на момент открытия Вапеей выставки в 1977 году мне не было и года, а потому я не смог познакомиться с той давней экспозицией».

Мне же чётко и ясно вспомнилась тот день тридцатилетней давности, когда в Центральной библиотеке города Асино открывалась моя первая персональная выставка экслибрисов, к которой был издан обстоятельный иллюстрированный каталог: «150 книжных знаков Владимира Марьина». И был тот вернисаж началом многолетней подвижнической деятельности неутомимого пропагандиста, собирателя и исследователя экслибриса Геннадия Ивановича Игнатова, который и организовал тогда в своём городе клуб «Экслибри».

Он один из тех одержимых коллекционеров, кто с величайшей любовью и целеустремлённостью на протяжении более трёх десятилетий создавал уникальную коллекцию графической миниатюры. Итог этой колоссальной работы – множество интереснейших выставок, издание нескольких десятков каталогов и буклетов, публикации информации, статей, очерков об экслибрисах и их создателях. Г.И. Игнатов, который был в дружеских отношениях со многими художниками, сделал в своём клубе немало докладов, организовал большое число встреч и бесед о творчестве российских графиков.

Вспоминаю, как в 1979 году, по инициативе члена клуба, педагога и художника-любителя Василия Тимофеевича Кеменова,

мы готовили выставку «Пушкиниана в книжных знаках», приуроченную к 180-летию со дня рождения А.С. Пушкина. Основу экспозиции составляли графические миниатюры пушкинской тематики из собраний В.Т. Кеменова, Г.И. Игнатова и автора этих строк. На призыв асиновцев откликнулись художники-эскибрисисты страны, предложившие свои работы для экспозиции. Узнав о готовящейся в Сибири пушкинской выставке, председатель Московского клуба эскибрисистов Соломон Абрамович Вуль прислал в Асино пять десятков редких пушкинских знаков. А к открытию выставки, которая явилась большим культурным событием для сибиряков, был опять же издан богато иллюстрированный каталог, включавший в себя более 460-ти эскибрисов, посвящённых русскому поэту. Познакомиться с этой обширной и представительной экспозицией приезжали в Асино любители графики не только из соседнего Томска, но и из более дальних городов Сибири.

Каждый год асиновцы могли побывать на трёх-четырёх выставках и увидеть книжные знаки советских мастеров графики. Так, были показаны работы А.И. Калашникова, В.А. Фролова, П.И. Калиты, Е.Г. Синилова, В.М. Васильева, Е.В. Терехова, Ф.А. Молибженко, П.А. Упитиса, В.Ф. Леоненко и многих-многих других.

Немало было организовано и тематических выставок, посвящённых, например, Сергею Есенину, Владимиру Маяковскому, Максиму Горькому, Владимиру Высоцкому, Василию Шукшину, Георгию Маркову.

К работе над эскибрисами Г.И. Игнатов приобщил и асиновских художников: В.Т. Кеменова, Е.А. Селезнёву, М.В. Здорова, Ю.А. Асонова. А в те дни, когда он бывал по делам службы в Томске, я нередко встречал его в мастерских своих коллег-художников: Н.А. Белянова, А.А. Усова, В.А. Кана, А.И. Сондора,

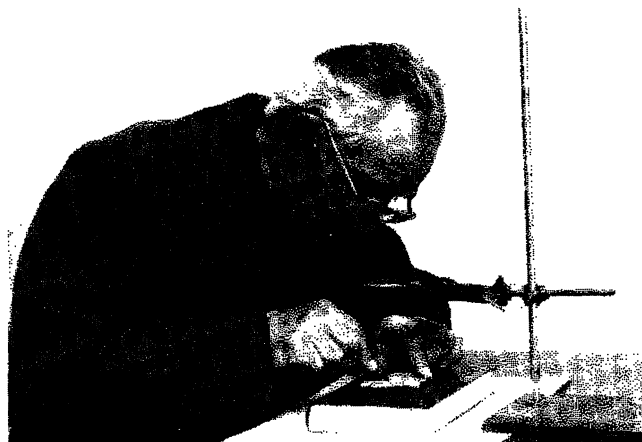

Обложка каталога первой выставки В. Марьина. г. Асино, 1977 г.

В.А. Пашкина. Вот это «приобщение» вылилось впоследствии в довольно обширный альбом-каталог экслибрисов, выполненных разными художниками для асиновского пропагандиста книжного знака. Издание под названием «Экслибрисы сибирского собирателя», включавшее в себя 270 отпусов, увидело свет в 1995 году, когда я уже жил и работал в Ганновере, но перед отъездом я успел написать вступительное слово и сделать графическую обложку к этому каталогу.

К слову сказать, я знаю, что в сентябре 2008 года общественность города Асино отметила 80-летие писателя-краеведа, активного исследователя и пропагандиста экслибриса Г.И. Игнатова. Земляки вместе со словами благодарности пожелали ему неиссякаемой душевной бодрости и выразили надежду, что он и дальше будет служить добру и вечному делу, которому посвятил свою жизнь.

А ещё увидела свет автобиографическая книга Г.И. Игнатова «Далёкое и близкое», на страницах которой немало места отведено рассказам о встречах со многими известными художниками и писателями России, о многолетней плодотворной деятельности городского клуба «Экслибрис».

Худ. В.Т. Кеменов за работой. г. Асино, 1990 г.

Впрочем, всё это дела минувших дней. А чем же сейчас живёт это активное объединение асиновских любителей графического искусства? Здесь я ещё раз повторюсь, что в трудное для России время город Асино не только сохранил сообщество приверженцев этого прекрасного вида искусства, но и приумножило его ряды. По инициативе активистов при Зале искусств Библиотечно-эстетического центра на базе клуба «Экслибрис» был организован Общественный музей графики, где сейчас с успехом проводятся выставки

и проходят встречи членов клуба. Продолжается сбор экспонатов для музея, основу которого составили творческое наследие художника В.Т. Кеменова и коллекция экслибрисов Г.И. Игнатова.

Доброй традицией стало здесь и проведение конкурсов книжных знаков, выполненных юными художниками. Земляки прислали мне буклеты этих конкурсов, в каждом из которых значатся фамилии многих школьников, представивших на рассмотрение жюри свои первые опыты в экслибрисе. А иллюстрированы буклеты работами победителей конкурса, познакомившись с которыми, убеждаешься ещё раз в том, насколько безгранична детская фантазия.

Все эти полезные мероприятия, их в наше время стало модно называть проектами, вселяют надежду, что будущее развитие российского экслибриса, ну, никак не обойдётся без творцов, живущих в городе Асино, который уже не является белым пятном на карте для знатоков и ценителей графики малых форм.

Полка на моём стеллаже с асиновскими изданиями постоянно пополняется. Среди них – каталоги недавно состоявшихся выставок «Образ Марины Цветаевой в малой графике», «Экслибрисы духовной литературы», «Защита Отечества в малой графике», «Линии жизни художника Василия Леоненко», «Книжные знаки

Обложка книги
Г.И. Игнатова.
г. Асино, 1995 г.

Худ. Ф.Д. Молибоженко
Ксилография, 1978

С.Г. Пивенского», «Фигуры Махонни: 100 экслибрисов», «Книжные знаки Я.И. Бердичевского». К моей выставке было издано весьма симпатичное памятное издание «Владимир Марьин: 30 лет спустя». В приветственном слове, poslanном землякам, я поинтересовался, пришёл ли на нынешний вернисаж кто-либо из многолетних поклонников графического искусства, кому довелось быть на открытии моей выставки 30 лет назад. Мне сообщили, что такие люди были.

А вскоре получила я письмо от А.М. Власовой, которая в то время была заведующей городским отделом культуры и принимала активное участие в проведении моей первой асиновской выставки. И сегодня Людмила Моисеевна ведёт активную работу в клубе «Экслибрис», является составителем и редактором-консультантом экслибрисных изданий, увидевших свет в Асино.

Вот уже 15 лет не был я у своих земляков-асиновцев в городе на реке Чулым. Но греет чувство, что там живут, работают, делают добрые дела испытанные временем друзья-единомышленники, помнящие меня. Хочу пожелать им сегодня благополучия и удачи во всех делах!

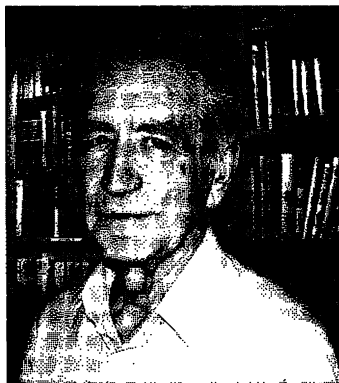

ЮБИЛЕИ

***Ю.С. Бородаев - учёный,
коллекционер, библиофил***
(к 90-летию со дня рождения)

Виталий Бакуменко (Москва)

90 лет со дня рождения отметила выдающийся библиофил, коллекционер, кандидат геолого-минералогических наук, доцент МГУ, ветеран Великой Отечественной войны, патриарх экслибрисного движения нашего времени Юрий Сергеевич Бородаев. Потомственный коллекционер экслибрисов и издательских марок, Ю.С. Бородаев являлся одним из учредителей в 1963 году Московского клуба экслибрисистов, членом Совета МКЭ и ответственным секретарём клуба.

Ю.С. Бородаев

Он внёс огромный вклад в возрождение искусства книжного знака во второй половине прошлого века, как яркий представитель классических традиций в отечественном коллекционировании, показав, как нужно формировать коллекцию экслибрисов, подбирать материалы, оснащая их максимально полным справочным аппаратом.

Не всякий коллекционер может стать исследователем и популяризатором любимого дела. Юрию Сергеевичу это удалось. Его многочисленные публикации по искусству книжного знака легли в основу трёх книг: «Русские издательские и типографские марки, ярлыки книгопродавцев и переплётчиков», «Художественные книжные знаки государственных и общественных организаций СССР 1918–1955 гг.», «Книжные знаки геологов». Это уникальные

Худ. В.В. Кортович
Ксилография. 1996

труды, заложившие мощный фундамент для дальнейших поисков и разработок в этих направлениях, бесценный информационный и познавательный источник для будущих книговедов, библиографов и исследователей в области искусства книжного знака. Ценность этих изданий заключается ещё и в том, что они богато иллюстрированы редкими, а иногда не известными ранее экслибрисами, временные рамки создания которых порой насчитывают более 200 лет.

Важное место в жизни Ю.С. Бородаева занимает активная популяризация искусства экслибриса. Это и выступления с оригинальными темами на заседаниях Клубов экслибрисистов Москвы и Санкт-Петербурга, и участие в тематических выставках с необычными докладами и экспозиционными материалами, и выступления в печати. Подвижническая деятельность московского коллекционера нашла живой отклик у мастеров искусства экслибриса, создавших для большой библиотеки Ю.С. Бородаева целый ряд замечательных экслибрисов в любимой технике ксилографии.

Но это одна сторона деятельности нашего дорогого Юбиляра. В год замечательного юбилея Юрия Сергеевича Бородаева хотелось рассказать о жизненном пути учёного и его научной работе.

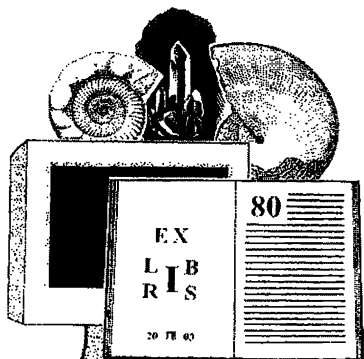
Коренной москвич Юрий Бородаев родился в семье известного библиографа, члена легендарного объединения книголюб-бов 20-х годов прошлого века РОДК («Русское общество друзей книги») Сергея Фёдоровича Бородаева (1896–1981). Юрий рос в мире книг и коллекционерских интересов отца, который ещё до

войны передал сыну свою коллекцию книжных знаков и издательских марок, ставшую фундаментом для создания собственного собрания. К началу Отечественной войны он окончил девять классов средней школы. В начале войны был мобилизован для рытья противотанковых рвов в Смоленской области, а уже 25 октября 1941 года призван в армию. Сначала служил в аэродромных ротах Кинешмы и Иваново, затем был направлен в Ивановское стрелково-пулемётное училище. Окончить его не успел, поскольку всех курсантов отправили на Донской фронт. Там участвовал в боях под Ворошиловградом рядовым миномётчиком. В декабре 1942 года получил тяжёлое ранение. После госпиталя воевал в стрелковых полках на Калининском, Белорусском и Прибалтийском фронтах, с середины 1944 года – полковой переводчик немецкого языка.

Демобилизован осенью 1945 года, в школе рабочей молодёжи закончил 10 класс. В 1946 году Юрий Бородаев поступил на геологический факультет МГУ. После окончания университета был принят в аспирантуру, которую завершил защитой кандидатской диссертации, посвящённой особенностям оруденения Тетюхинского свинцово-цинкового месторождения в Южном Приморье. Был оставлен на кафедре «Геологии и геохимии месторождений полезных ископаемых». Всю свою жизнь Ю.С. Бородаев связал с МГУ, где читал лекции по геологии месторождений полезных ископаемых и вёл практические занятия по рудной микроскопии (минералогии). На протяжении мно-

Худ. А.И. Калашиников
Ксилография, 2006

Ю.С.БОРОДАЕВА

Рисунок В.Д. Перкина, 2003

гих лет учёный принимал активное участие в практической геологоразведке в самых разных регионах страны. С участием Ю.С. Бородаева было открыто 7 новых минеральных видов. В честь учёного был назван новый минерал бородаевит, найденный в Забайкалье.

Итогом научной и исследовательской деятельности Ю.С. Бородаева явились около 300 публикаций: монографии,

учебники, статьи в русских и зарубежных изданиях. В конце прошлого века Учёный Совет МГУ присвоил Юрию Сергеевичу Бородаеву почётное звание «Заслуженный преподаватель Московского университета». К этому добавим, что свою педагогическую деятельность в МГУ, столь успешно и результативно длившуюся почти шесть десятилетий, юбилеар завершила только нынешней осенью, накануне своего 90-летия!

Мы сердечно поздравляем нашего коллегу, члена редакционного совета «Российского энциклопедического журнала», с замечательным юбилеем! Говорят, что Бог своих избранников награждает долголетием. Значит, Вы, дорогой Юрий Сергеевич, один из таких избранников! Многая, многая, многая лета, дорогой Юбилеар! Вам до 100 лет теперь — рукой подать! Чего мы и желаем Вам от всей души!

ХРОНИКА

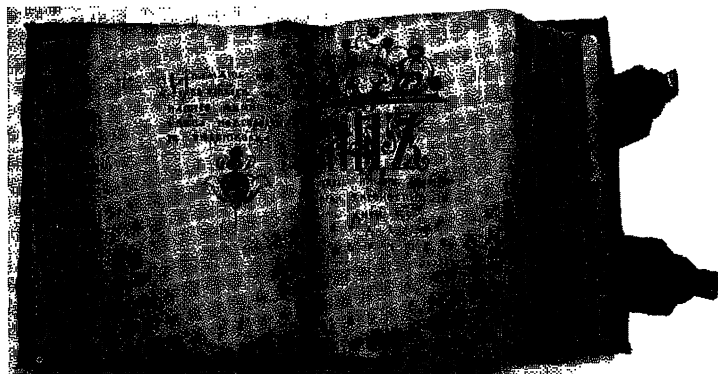
Сохранённые письма

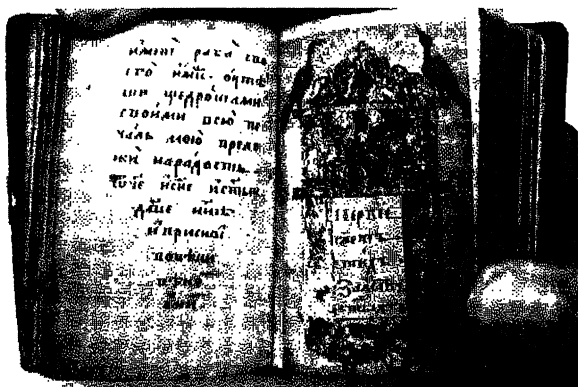
Геннадий Смирнов (Мытищи, Московская обл.)

Рукописная книга известна с древнейших времён. Отечественная рукопись ведёт свой отчёт с берестяных грамот XII века. Несмотря на явный прогресс и появление печатных книг, рукописные книги продолжают жить и в нынешний век научно-технического прогресса.

Государственные книгохранения обладают собраниями рукописей в тысячах экземплярах, в том числе, и миниатюрных. Многие из них являются настоящими произведениями искусства — каллиграфии, миниатюрного рисунка, переплёта. Интересные издания находятся в частных библиотеках.

Выставки рукописных книг проводятся очень редко, а ещё реже можно увидеть рукописные миниатюры. Частично подобный пробел попытались заполнить в Мытищинском историко-художественном музее Подмосковья. В рамках

празднования 1150-летия появления славянской письменности на русской земле здесь демонстрировались рукописные миниатюры, охватывающие период с XVII по XX век. Рукописные книги представили на суд зрителей образцы письма от простого крестьянского до текстов, написанных в монастырских кельях писцами-профессионалами. Экспозицию, в которую было отобрано около тридцати книг, удачно дополнили предметы для письма – бронзовое «писало» на бересте XV–XVI вв., поясная чернильница XVII века, гусиные перья и челобитная XVII века. Наиболее значимые фрагменты рукописей были даны в переводе на современный язык.

Особый интерес вызвали «Молитвослов» XVII века (45x72 мм.), украшенный цветными заставками, «Каноннию» XVIII века (52x82 мм.), «Святцы» начала XIX века (55x80 мм), написанные старообрядцами на Севере, «Цвѣтнью» (70x100) начала XIX века и другие. Были показаны и ученические работы школы письма при Рогожском Храме начала XX века, в которой учили переписывать не только тексты религиозного содержания, но и «Русские летописи», «Русскую правду», «Исание Софрония старца» более известное как «Задонщина» и некоторые другие.

Новости НП “НСБ”

“Библиофильство и личные собрания”

В марте 2013 года в Российской государственной библиотеке состоялась Вторая международная конференция «Библиофильство и личные собрания». Организаторами её выступили: Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям, Российская государственная библиотека и НП «Национальный союз библиофилов». Встреча проходила в одном из красивейших мест для чтения – Румянцевском зале Дома Пашкова. Среди тем докладов – работы по выявлению личных коллекций, анализ собраний рукописей и книг, рассказы о судьбах библиофилов и обществах друзей книги и многое другое. Гости также смогли познакомиться с интереснейшей выставкой, представившей гостям раритеты из коллекций крупнейших библиофилов, находящиеся в фондах РГБ. В конференции приняло участие около 100 человек.

В своем выступлении генеральный директор РГБ Александр Вислый отметил, что проблемы реставрации и сохранения книг являются самыми главными для библиотеки. «По самым скромным подсчетам, ежегодно мы можем обеспечить глубокую реставрацию тысяче книг, – рассказал он. – Однако реальная потребность в ней измеряется 300 тысячами. Такая же ситуация во всех библиотеках, где есть редкие и ценные издания. И вопрос не решается деньгами – специалистов, которые смогли бы провести грамотную реставрацию, просто нет. Тем не менее, в ближайшее время мы сможем увеличить количество реставрируемых книг».

Руководитель Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям Михаил Сеславинский подчеркнул, что первая конференция библиофилов получила широкий резонанс, а Национальный союз библиофилов пополнился новыми участниками, среди которых немало известных людей.

Темами для обсуждения на конференции стали: реконструкция личных библиотек XIX–XX веков; описание современных частных книжных собраний, истории их создания; известные

библиофилы прошлого; личные книжные собрания в антикварно-буквинистической торговле; исторический контекст книжного собирательства в XIX – начале XXI вв.; мемуары библиофилов, каталоги личных библиотек и иная библиофильская литература как исторический и книговедческий источник; личные собрания в фондах государственных книгохранилищ: малоизвестные страницы; зарубежные собрания русских книг, автографов, «россики», изданий с иллюстрациями русских художников и их владельцы; библиофильские организации и их деятельность.

Все представленные на конференции статьи опубликованы в красивом томе «Библиофильство и личные собрания», который вышел в свет в издательстве «Пашков дом» в 2013 году.

IV Общее отчётно-перевыборное собрание членов НСБ

В мае 2013 года в Москве прошло IV Общее отчётно-перевыборное собрание членов Некоммерческого партнёрства «Национальный союз библиофилов», приуроченное к 400-летию Дома Романовых. Собралось более 70 участников – членов НСБ и гостей из России, Беларуси, Украины, Латвии и Израиля.

Библиофилы посетили Российскую государственную библиотеку (Голубой выставочный зал), где увидели книжно-иллюстративную выставку из фондов РГБ «Книга в доме Романовых. К 400-летию дома Романовых», где были представлены уникальные экземпляры из императорских и великокняжеских библиотек. После чего участники встречи отправились в Дом творчества «Переделкино», где прошла основная часть мероприятия: круглый стол, под названием «Книги из библиотек династии Романовых в частных собраниях». Основной доклад сделал Председатель Совета НП «НСБ» М.В. Сеславинский. Содокладчиками выступили: О.Г. Ласунский, М.Д. Афанасьев, В.А. Петрицкий, Б.Н. Варавя.

На следующий день прошло отчётно-перевыборное собрание. В программе встречи было предусмотрено посещение литературных музеев в Переделкино.

Совместное заседание двух библиофильских клубов

В октябре 2013 года в Санкт-Петербурге состоялось совместное заседание Секции книги и графики Дома учёных им. М. Горького РАН (Санкт-Петербург) и клуба «Библиофильский улей» (Москва).

Первый день встречи собрал всех участников и гостей в великолепном дворце Великого князя Владимира Александровича, на Дворцовой набережной.

Перед собранием выступили председатели обоих клубов – М.В. Сеславинский и В.А. Петрицкий, отметившие, что осенние встречи библиофильских клубов на берегах Невы стали доброй традицией.

Затем были заслушаны доклады Фафурин Г.А. («Книги Дома Романовых в РИП»), Ларионовой А.Г. (К 110-летию юбилею лучшего частного издательско-полиграфического предприятия дореволюционной России /«Т-во Р.Р. Голике и А.И. Вильборг»/), Сафроновой К.В. («100-летие издательства «Лирика» и его первые книги»), Сеславинского М.В. («Редкости 1913 года в моём собрании»), Молодякова В.Э. («Урожайный год Валерия Брюсова») и др. После чего библиофилов ожидала не менее насыщенная культурная программа – экскурсии по мемориальным помещениям Дома учёных (с посещением библиотеки Великого князя) и по вновь открывшейся выставке Государственного Эрмитажа «Livres d'artiste. Выставка книг из собрания Марка Башмакова», а также экскурсия в Павловск – город, воспетый В.А. Жуковским, К.Р., А.А. Ахматовой.

По итогам выездного заседания клуба «Библиофильский улей» в первой половине ноября выйдет иллюстрированная памятка, тексты же наиболее интересных докладов будут опубликованы на страницах журнала «Про книги».

IN MEMORIAM

Сигурд Шмидт – выдающийся российский гуманитарий

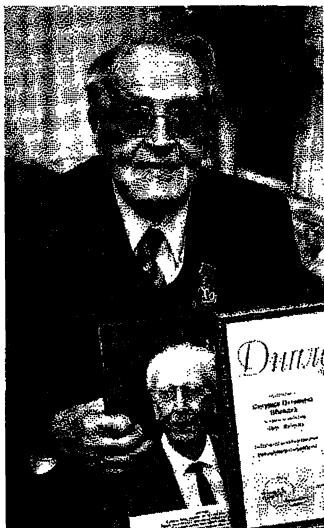
Александр Дегтярёв (Москва)

22 мая 2013 года на 92-м году ушёл из жизни Сигурд Оттович Шмидт. Он был большой и самостоятельной фигурой не только исторической науки, но и всей нашей культуры.

Академик Российской академии образования, советник РАН, Почетный председатель Археографической комиссии РАН, почётный профессор РГГУ, редактор «Археографического ежегодника», редактор «Московской энциклопедии», член редакционного совета журнала «Память наследия», основатель новой ветви исторической науки – москвоведения, лауреат многих премий и международных наград. . .

Мы познакомились в 1967 году в Одессе на Всесоюзном симпозиуме по проблемам аграрной истории. Знакомств на конференциях, симпозиумах бывает много. Как правило, они мимолётны, как встречи в поезде, и быстро растворяются в суете научной жизни. Здесь случилось иначе. Сотрудничество растянулось на годы и десятилетия. Я постоянно испытывал его требовательное влияние, он в совершенстве владел искусством, как любят говорить дипломаты, «мягкой силы», побуждая многочисленных учеников и соратников содействовать решению разнообразных исследовательских и научных задач.

Сигурд Оттович был исследователем очень широкого диапазона. Но я хотел бы особо отметить, что он вошёл в число самых авторитетных исследователей эпохи Ивана Грозного. Как ни покажется странным, при всех многочисленных газетно-журнальных разговорах о ней, серьёзных исследователей за весь XX век было до удивления немного. Пальцев двух рук с лихвой хватит, чтобы их пересчитать – С.В. Бахрушин, С.Б. Веселовский, П.И. Смир-

С.О. Шмидт
(Из архива журнала
"Наше наследие")

нов, А.А. Зимин, Р.Г. Скрынников, Д.А. Альшиц, В.Б. Кобрин, И.Я. Фроянов... Имя Сигурда Оттовича занимает достойное место в этом ряду. Его монографии «Становление русского самодержавства», «Русское государство в середине 16 столетия», «Россия Ивана Грозного» в библиотеке отечественных трудов, посвящённых этой сложнейшей эпохе, стоят на первых местах.

Одним из главных дел его жизни, занявшим многие десятилетия, была работа в основанной академиком М.Н. Тихомировым Археографической комиссии Академии наук и издание сопровождавшего эту работу «Археографического ежегодника».

Отмечу для тех, кто мало интересовался скучной на первый взгляд наукой, которая зовётся археографией. Название её составлено из двух греческих слов, однако сама наука изобретена в России во времена Пушкина. Археографы занимаются сбором, изучением, описанием, изданием письменных источников разных видов — от частных писем до рукописных книг.

Он возглавлял ежегодник около трёх с половиной десятилетий. В историографии, посвящённой археографическим делам, появилось специальное понятие — «шмидтовский период» этого ежегодника. Этот период характеризовался активным творческим развитием детинца академика Тихомирова. В работе комиссии и ежегодника появилась тема красведения, стали публиковаться тексты вновь найденных источников, обзоры по разным направлениям вспомогательных исторических дисциплин.

Сигурд Оттович действовал в интересах ежегодника самоотверженно, самозабвенно, а подчас даже вызывающе по отноше-

нию к могущественным структурам, определявшим жизнь страны.

Приведу один пример. После того, как его утвердили председателем Археографической комиссии АН СССР, он предложил указывать на титульном листе ежегодника – «Основан в 1957 году академиком М.Н. Тихомировым». Сигурда Оттовича пригласили в отдел науки ЦК КПСС и разъяснили, что подобное якобы не в традициях нашей академической науки. В ЦК знали, чего хотели, но тут «нашла коса на камень». Учёный достал из портфеля журнал «Известия Академии наук СССР. Серия геофизическая», открыл титульный лист и предъявил ответственным работникам напечатанное там: «Основан в 1951 году Отто Юльевичем Шницлом». Так знаменитый отец-академик через много лет после смерти помог сыну. Посвящение Тихомирову до сих пор украшает титул ежегодника.

Уникальным созданием он стал основанный им в конце 40-х годов кружок в Историко-архивном институте. Из него вышли десятки высококлассных специалистов – кандидатов и докторов наук, руководителей институтов, архивов, музейных хранителей... Кружок просуществовал более полувека, а де-факто до смерти основателя. История отечественной науки (не только собственно исторической, но и всех других областей) не знает подобного долголетия конкретных научно-организационных форм, основанных не на административном фундаменте и присущих ему финансовых основаниях, а на так называемом «голом энтузиазме» основателя и его сподвижников.

Деятельность учёного носила подвижнический характер во многих областях, куда вторгалась его активная натура. Только настоящий безоглядный подвижник мог взяться в момент крушения великой державы за возрождение Союза краеведов, призванного заняться изучением истории регионов этой самой державы. Печатать членские билеты, выбивать у новой власти помещение под центральный совет, ездить по регионам, организуя ячейки на местах...

Отдельной большой страстью Сигурда Оттовича был Старый Арбат; его подутьсячетлетняя история. Блестящий знаток истории Приарбатья, он, остро чувствуя невесёлую российскую жизнь первой половины 90-х, стал инициатором праздника в честь 500-летия Старого Арбата, пришедшегося, к сожалению, на горькие октябрьские дни 1993 года. Баррикады на Смоленской площади были сооружены из элементов сцены для праздничного концерта. Но хорошая традиция была заложена, и в нынешнем году праздник 520-летия Арбата прошёл широко и весело...

С.О. Шмидт
(Из архива журнала
"Наше наследие")

Одно утешало и обнадеживало меня в скорбный час прощания с Сигурдом Оттовичем. Обычно людей столь почтенного возраста провожают в последний путь немногие друзья-соратники, дожившие до таких же седлн. А здесь среди многих сотен людей, заполнивших главный ритуальный зал столицы в ЦКБ, преобладали молодые лица — многочисленные ученики, преподаватели московских ВУЗов, академическая братия, краеведы из многих регионов. За дело, которому он без остатка посвятил свою долгую жизнь, можно было не беспокоиться — оставляя земной мир, он поручил его продолжение сразу нескольким поколениям воспитанных им исследователей.

Сигурд Оттович Шмидт был другом Международного союза книголюбков ещё с советских времен, со времени создания Всесоюзного общества любителей книги. Уходя, он оставил отдельный подарок московским книголюбкам. Именно по его инициативе, благодаря его неуёмной и в то же время спокойной по форме пассонариности, несокрушимое, казалось бы, полукриминальное

ларёчное царство Старого Арбата 90-х годов, где продавалось всё – от лисьих хвостов до поношенных генеральских мундиров – было сокрушено. Устье старейшей улицы Москвы обрело не просто интеллигентный, но даже интеллектуальный облик. Сознаюсь, я не поверил тогда, лет десять назад, в возможность осуществления этой идеи и даже пытался отговорить его от напрасных изнурительных хлопот. К счастью, он меня не послушал и, как всегда, нигде не повышая голоса, своего добился. Если будете гулять по Старому Арбату, то, дойдя до книжных развалов в районе Смоленской, вспомните Сигурда Оттовича Шмидта.

Скоро выходит большой том его трудов, посвящённых А.С. Пушкину, десятки статей о деятелях и событиях отечественной культуры жадут выхода в свет во многих изданиях.

Мы навсегда расстались с прекрасным, очень светлым человеком. Его прямая фигура, уверенная, несмотря на возраст и неизменную трость, походка были для знатоков отдельной арбатской достопримечательностью. Иногда кажется, что он и сегодня мелькает в пёстрой арбатской толпе...

«Ещё, как патриарх, не древен я...»

Виктор Леонидов (Москва)

*«Воспоминания слишком давят плечи,
Я о земном заплачу и в раю»*

Марина Цветаева.

«Виктор? Это Шмидт. Вы не в Австралии?»

Так всегда начинались его звонки последних двух лет. Меня поражало, что Сигурд Оттович всегда представлялся, как будто я, да и сотни людей, которым повезло встретиться в жизни этого фантастического человека, не узнавали сразу этот голос, эту изумительную русскую речь.

Вежливость и предупредительность, даже по отношению к людям, которые были больше чем на полвека младше его, являлись неизменными качествами Шмидта. Я помню, когда во время самых разных юбилеев выходили женщины с поздравлениями, он всегда вставал. Одна преподавательница, влюблённо глядя на него, пригрозила, что если он не присядет, она сойдёт с трибуны. Естественно, это было совершенно бессмысленно.

Встречи — одна из главных удач в жизни. Люди, которые становятся тебе родными, наставники — определяющие твою судьбу. Всё давно и хорошо известно. И Сигурд Оттович служил олицетворением этих истин.

Есть такое выражение: «Человек — праздник.» Для него это подходило, но не совсем. Учитель, старший товарищ. Сразу трудно подобрать дефиниции, кем он был для всех нас. Но совершенно ясно, что если бы не Шмидт, многие из нас стали бы совершенно другими.

Тридцать пять лет, начиная с незабываемой первой лекции в Московском государственном архивном институте до последнего разговора за несколько дней до его ухода, когда я сообщил ему, что вышла книга Дмитрия Сергеевича Лихачёва на болгарском языке и издатель очень просил ему её передать, мне выпало счастье

общаться с ним. Причём, в отличие от очень многих его учеников, любимых и безмерно преданных, у меня было серьёзное преимущество. Я жил в двухстах метрах от его дома, на любимом «прирбатье», и мог заходить просто так.

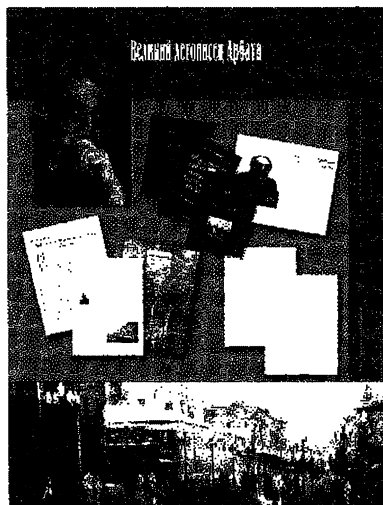
Интересно, что архивисты и историки, люди, как никто другой знающие цену слову и историческим свидетельствам, редко ведут дневники. И каждый раз, когда невозвратно уходит человек, сыгравший огромную роль в твоей жизни, начинаешь сожалеть, что ничего не записывал.

Он откидывался в кресле, чуть прищурившись, смотрел на тебя, в глазах возникал незабвенный огонёк. Неожиданно прерывая, говорил: «Как интересно!» — и начинал развивать твою мысль. Причём до таких высот, о которых сам собеседник не мог и додуматься.

Это была одна из его главных черт. Сигурд Оттович «зажигался» сразу, с ходу. На заседании кружка петропавловского, он, указав на недостатки доклада первокурсника, красневшего и готового провалиться сквозь землю, переходил к достоинствам работы и актуальности исследования. И столько было силы и мощи в этих выступлениях, что у будущего гения буквально вырастали крылья.

Однажды в коридорах МГИАН, в облаке тогда разрешённого сигаретного дыма, два преподавателя довольно громко обсуждали вездесущую деятельность Шмида. «Ну, он и у пионеров, и на конференции молодых ученых, и на кружке. Книжки надо писать, не разбрасываться». Сейчас понятно, что они просто недопонимали, с кем имели дело. Сигурд Оттович был подлинный просветитель, и если бы он занимался только кабинетными исследованиями, не было бы столько учёных, ставших гордостью российской науки, не увидели бы свет сотни уникальных источников и не было бы спасено множество сотен памятников отечественной культуры. В том то и сила этой фантастической личности, что он был из «карамзинской плеяды». Недаром великий историк оставался одним из его главных героев.

Шмидт очень любил жизнь, любил людей, учеников, и всегда не переставал удивляться. Я часто рассказывал ему о своих

Плакат выставки «Я дворянин с Арбатского двора...»

поездках, о людях, которые просили передать привет дорогому и любимому учителю из самых разных стран. Так, мне повезло, и с нашим военным историком Игорем Домнинным мы целый месяц выступали на зелёном континенте, представляя в Австралии Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына. Помню, в какой восторг привёл Сигурда Оттовича рассказ о русских библиотеках и о церквях, построенных в различных стилях: «Это и есть историческая память! Вот в чём сила краеведения», — горячо доказывал

он, как будто кто-то с ним спорил.

Энергия его была неиссякаемой. «Я трудоголик и не умею отдыхать», — повторял он. Непонятно только, когда всё можно было успеть. Заслания, ученики, кружок, который он вёл более полувека, Союз краеведов, Археографическая комиссия, Московская энциклопедия. Статьи, рецензии, книги. А ещё — поездки, конференции, и необычайно ответственное отношение абсолютно ко всему, чем приходилось заниматься. Он мог часами говорить с редактором того или иного издания, отстаивая вопрос, который показался бы кому-то другому ничего не стоящим. Но для него не существовало мелочей. Недаром, с первых шагов Шмидт приучал учеников к строгому библиографическому и археографическому оформлению работ.

Сигурда Оттович воплощал образ русского интеллигента, чуждом ушедшего в мясорубке XX века. На него хотелось быть похожим и, как магнит, он притягивал к себе людей. Чужой успех прощать трудно. Иногда слышался брюзжащий голос: «Шмидт всегда умел ладить с властями». Откровенно говоря, первое жела-

ние бывало дать говорившему подобное хорошую оплеуху. Но если разбираться подробнее...

На моих глазах во время торжественного открытия Дома русского зарубежья, буквально отодвинув какую-то «виповскую» делегацию, мэр Москвы Ю.М. Лужков кинулся к нему с объятиями: «Сигурд Оттович! Дорогой!»

Да, он не призывал к свержению Советской власти и не лез на баррикады. Но Шмидт вёл каждодневный бой против мракобесия, бой за талантливых учеников и за издание запрещённых книг, за исследование источников, связанных с репрессированными историками, с православием и за сохранение памятников архитектуры. Он выбивал московскую прописку для талантливых иногородних выпускников МГУИИ, что тогда было почти невозможно.

Он так и не был принят в «большую» Академию наук СССР. Рискну предположить, что это тяготило его. Но ему некогда было тратить время на обиды.

Каждый приходивший к нему поражался кипе новых книг, журналов, сборников, альманахов. Но самое интересное, что он всё успевал прочесть, просмотреть, выделить самое главное и сразу наметить новые направления работы. И это при том, что по меньшей мере полдня писал на своей старенькой легендарной машинке.

Память Шмидта была бездонной. В разговорах с ним всё время возникали какие-то новые имена в связке с более известными фигурами. Врачи, учителя, историки, партийные работники, о многих из которых он отзывался с благодарностью за помощь. Принося ему книги от его верного соратника директора Дома русского зарубежья Виктора Александровича Москвина, вышедшие в издательстве «Русский Путь», я поражался, что он уже успел прочесть предыдущие.

И в то же время, я мог спокойно рассказать и смешной случай, и какой-то анекдот. Мы, бывало, просто хохотали вместе с его верным Андреем Мельниковым, снявшим с него столько забот и практически ставшим ему сыном. Иногда я приносил гитару и пел свои новые песни или столь любимого Шмидтом Окуджаву.

Сигурд Оттович любил посмеяться и поиронизировать над глупостью, чванством.

Наверное, Шмигата трудно представить в нынешней среде оппозиционеров, потому что главным для него была работа и возможность помочь тем, кто этого заслуживал. Любые помехи лишь раздражали его. Как подлинный, настоящий историк, он слишком хорошо представлял, какие непредсказуемые последствия несут революции и бескомпромиссная борьба с властью. Часто цитировал слова Карамзина во время восстания декабристов: «Я, мирный историограф, алкал грома».

Однажды мы говорили о Натане Яковлевиче Эйдельмане. Безмерно уважая этого учёного и его умение показать всю магию архивного поиска, я никак не мог принять то, что он сделал достоянием гласности частную переписку с Виктором Петровичем Астафьевым, великим писателем и правдорубом. «Ю Натан был государственно-мыслящим человеком и очень любил Россию, чем отличался от многих из его окружения», – сказал Сигурд Оттович. И сам он тоже был настоящим, подлинным патриотом.

Шмигат иногда вспоминал своё детство и юность, когда “исчезали” родные, родители друзей, одноклассников, когда никто не мог дать гарантии, что завтра не арестуют его легендарного отца или его самого. «Я часто вижу сны, где живые общаются с мёртвыми», – рассказывал он.

Однажды я провожал его домой из Дома-музея Марины Цветаевой, где прошёл вечер памяти блистательного певца Арбата прозаика Бориса Зайцева. Шёл мягкий снег, и Сигурд Оттович вдруг сказал: «Я бы хотел уйти в такую погоду». Холод прошёл у меня по спине. Он, по-моему, плохо слушал моё невнятное бормотанье, что, мол, поговорим об этом после Вашего столетнего юбилея. В отличие от всегда оживлённых совместных прогулок, шёл молча. И это, наверное, был единственный случай в нашем общении, когда он полностью погрузился в свои мысли.

Жизнь разделилась для всех, кто его знал и любил, на до и после Шмигата...

Коротко об авторах

Бакуменко Виталий Маркович (р. 1937), певец, ветеран Большого театра России, журналист, библиофил, коллекционер. Автор множества публикаций о библиофильских находках, на литературные, музыкально-театральные темы, по краеведению. Выпустил каталоги-альбомы: "Есенинская Вера Асютинна", "Валерий Поляков – художник книги и экслибриса", "Книжные знаки И. Лебедева", "В. Куняшев. Книжные знаки", "Сергей Есенин в творчестве Василия Леоненко", "Книжные знаки Владимира Жигинкова", трёхтомник "Тех прославил экслибрис". Действительный член Вологодского союза писателей-краеведов, Ответственный секретарь "Российского экслибрисного журнала".

Волок Валентин Петрович (р. 1931), поэт, писатель, филолог, нумизмат, библиофил, коллекционер антикварных книг. Член МКАМК. С разрешения Патриарха Алексия II перевёл на стихи "Библию". Подарил её в библиотеку Ватикана, Русской православной церкви и в Музей книги Российской государственной библиотеки.

Вяткин Михаил Георгиевич (р. 1937), полковник запаса, кандидат технических наук, старший научный сотрудник, переплётчик-дизайнер. Член МКАМК. Опубликовал более ста научных публикаций, имеет 30 авторских свидетельств.

Гетманский Эдуард Данилович (р. 1944), историк экслибриса, автор семи монографий по искусству книжного знака (22 тома) и каталогов выставок малой графики, коллекционер книжных знаков, кандидат технических наук, полковник запаса. Автор более 5000 статей по книжному знаку в советских и российских СМИ. Провёл в Туле 17 выставок книжного знака и издал к ним красочные каталоги. Личная коллекция книжных знаков насчитывает около 50000 графических миниатюр. Член редколлегии «Российского экслибрисного журнала».

Горелкина Ольга Владимировна (р. 1956), заведующая отделом редких книг Тамбовской областной универсальной научной библиотеки имени А.С. Пушкина. Автор каталога «Русская книга гражданской печати XVII века (1711–1800) в архиве, библиотеках, музеях Тамбовской области» (2012). Автор многих публикаций по истории библиотечного дела в Тамбовском крае и редким изданиям из фонда областной библиотеки.

Горская Елена Валерьевна, эксперт по библиографии русской книги при Международной конфедерации антикваров и арт-дилеров (ICAA&AD), член Национального союза библиофилов, автор публикаций по истории книги. Куратор частных книжных собраний.

Дегтярёв Александр Якимович (р. 1946), известный российский историк, общественный деятель, книгоиздатель, доктор исторических наук,

автор 30 книг и почти 300 статей по проблемам истории России X–XX вв., актуальным вопросам современности. Действительный член Российской академии социально-политических наук, вице-президент Академии российской солидарности, председатель зарубежного Палестинского православного общества в России. Лауреат премии Правительства РФ, литературных премий имени М. Горького, А. Фадеева, К. Симонова. Награжден орденом Трудового Красного Знамени и Знак почёта, орденом св. князя Даниила Московского РПЦ, золотым знаком Палестинского православного общества и многими медалями. С 1989 г. – член Совета МСК, а с 2007 года – заместитель председателя Совета Международного союза книголюбов.

Дозорова Надежда Ивановна (р. 1964), старший научный сотрудник отдела редких книг Государственного музея-усадьбы «Архангельское». Автор ряда статей о библиотеке князей Голицыных и книжном собрании князей Юсуповых, опубликованных в научных сборниках: «Архангельское. Материалы и исследования», «Хозяева и гости усадьбы Вязьмы», «Михайловская Пушкиниана», «Итальянский сборник» и в историко-краеведческом альманахе «Красногорье».

Егоров Борис Владимирович (р. 1941), филолог, историк, журналист, кандидат исторических наук. В конце восьмидесятых-начале девяностых годов был заместителем председателя Советского фонда культуры академика А.С. Лихачёва. Занимался вопросами международных связей, связей с соотечественниками за рубежом и возвращением культурных ценностей в Россию. Член Московского союза журналистов, зам. главного редактора журнала «Наше наследие». Автор многочисленных публикаций в периодической печати, а также переводов с французского и английского языков. Последняя работа – перевод на русский язык романа французского писателя Клода Гюлье «Мой дядя Бенжамен».

Енишерлов Владимир Петрович (р. 1940), литературовед, писатель, журналист. Главный редактор журнала «Наше наследие». Член Союза писателей России. Лауреат Государственной премии РФ в области литературы и искусства, Лауреат премии Правительства РФ в области печатных СМИ, кавалер ордена Дружбы. Автор книг, статей, публикаций, посвящённых литературе Серебряного века, а также многих публикаций, статей и книг, посвящённых памятникам отечественной культуры, российскому зарубежью, проблемам сохранения культурно-исторического наследия. Ряд лет В.П.Енишерлов был ведущим популярных циклов «Иаше наследие» и «Памятники Отечества» на Центральном телевидении.

Злочевский Гарольд Давидович (р. 1936), кандидат технических наук, член Союза писателей Москвы, один из учредителей Общества изучения русской усадьбы (1992) и член его правления, член Национального союза библиофилов, автор более 150 публикаций гуманитарного характера, в том

числе, книги: «Общество изучения русской усадьбы (1922–1930)» (2002); «Русская усадьба: историко-библиографический обзор литературы (1787 – 1992)» (2003); «Наследие Серебряного века: избранные страницы» (2006); «Старинные усадьбы и дачи Полмосковья: библиографический указатель (1992–2006)» (2008); «Общество изучения русской усадьбы: его деятельность и руководители (1920-е годы)» (2011); «"Минувшее" проходит предло много": люди, книги, судьбы» (2012).

Ласунский Олег Григорьевич (р. 1936), литературовед, книговед, краевед, библиофил, Член Союза писателей, Союза журналистов РФ, Археологической комиссии Российской Академии наук, заместитель председателя Союза краеведов России. Председатель Воронежского историко-культурного общества, учредитель кружка «Воронежский библиофил» (1972 г.). Инициатор создания и сопредседатель Всероссийской ассоциации библиофилов (ныне – Национальный союз библиофилов). Автор множества работ о книгах и книжниках. Основные разделы своей библиотеки передал в дар: воронежское краеведение – в областную научную библиотеку им. П.С. Никитина; книговедение, библиографию, библиофиловедение, редкие издания XVIII–XX вв., книги с инскриптами, зарубежные издания – в научную библиотеку Воронежского государственного университета, где на основе этого собрания проводятся с 1999 года ежегодные книговедческие чтения. Лауреат премии Правительства РФ в области культуры за 2012 год. Почётный гражданин города Воронежа.

Леонидов Виктор Владимирович (р. 1959), кандидат исторических наук. Составитель и автор предисловий к книгам поэтов русского зарубежья (Николай Тuroверов, Иван Савиц, Раиса Блох, Владимир Смоленский) и более 500 статей и рецензий в энциклопедиях, словарях, научных сборниках, литературных и художественных журналах, газетах, в основном, посвящённых истории культуры русского зарубежья. Автор-исполнитель песен в ряде фильмов, в том числе, и телесериале "Никита Михалков: Русский выбор".

Марьин Владимир Алексеевич (р.1941), художник-график, журналист, литератор. Более тридцати лет был заведующим отделом иллюстрации областной газеты "Красное знамя" в Томске. Библиофил, коллекционер экслибрисов, автор около 400 книжных знаков, вошедших в золотой фонд отечественного искусства экслибриса. Участник множества Всесоюзных и Международных конгрессов и выставок экслибриса. С 1994 года В.А. Марьин живёт в Германии. Многие годы был главным редактором газеты "Контакт" и литературно-художественного журнала русских писателей Германии "Родная речь". Член Союза журналистов России и Германии.

Немировский Евгений Львович (р. 1925), известный российский учёный-книговед; доктор исторических наук (1972), профессор (1979); член-корреспондент РАН (1991), член АН Республики Черногория (1996). Главный научный сотрудник Российской книжной палаты. Автор многочисленных трудов по истории русского и европейского книгопечатания.

Осипов Валентин Осипович (р. 1932), журналист, книгоиздатель, писатель, автор около 20 книг (с переводами и переизданиями), прежде всего, документальной прозы и мемуаров, биограф М.А. Шолохова, лауреат Большой литературной премии России, Всероссийской Шолоховской премии и ряда других. Общественный деятель: один из учредителей Всесоюзного Пушкинского общества, многолетний член президиума Всесоюзного Общества книголюбов, ныне – член Высшего творческого совета Союза писателей. В числе главных книг: “Жизнь и смерть Василия Ключкова” (1979), “Перстень с поля Куликова” (1987), “Зима, весла, лето и Болдинская осень. Жизнь А.С. Пушкина в 1830 году” (2001). “Шолохов” (ЖЗЛ, 2010), “Рак, диагноз львовский. Из записок испещённого” (2012), “Белая книга: М.А. Шолохов...” (2012), “Коринфен моего времени. Свидетельства очевидца” (2013).

Пазий Михаил Николаевич (р. 1945), закончил факультет журналистики МГУ. С 1972 года – фотограф Центрального дома литераторов (ЦДЛ). Член Союза журналистов России.

Петрицкий Вилли (Валдмир) Александрович (р.1931), философ-культуролог, доктор философских наук, профессор Санкт-Петербургского лесотехнического университета; член союза журналистов Санкт-Петербурга; поэт («Поэзия русских философов XXI в.» Бостон, 2011); библиофила, библиофиловед, историк библиофильства (автор книги «Мир библиофильства. Возроscopy теориз, истории, психологии.» (2006); заместитель председателя Национального союза библиофилов; Председатель секции книги и графики петербургского дома ученых РАН. Академик Академии гуманитарных наук; Заслуженный работник культуры Российской Федерации. В его библиотеке более 10 тысяч книг: история русской философии в изданиях XIX–начала XX вв.; история русской интеллигенции; отечественные зарубежные редкие издания XVIII–XX вв. Коллекцию собранных рукописей и исторических документов подарил Российской национальной библиотеке.

Покатов Валерий Владимирович (р. 1946), художник, поэт, журналист, коллекционер. Член Московского союза художников и Московского союза журналистов. Автор двух поэтических сборников: «Из прияи бытия» (2006), «Здесь в душу смотрят даги» (2006). Победитель поэтического конкурса «Золотое перо» (2006), номинант поэтического конкурса «Славься век Бородино» (2012). Оформил 400 книг, автор многочисленных публикаций в периодике. Заведующий сектором, главный художник

издательства «Ланков дом» ФГУ РГБ, Президент Российской ассоциации экслибриса МСК, член редколлегии «Российского экслибрисного журнала».

Семибратов Владимир Константинович (р. 1959), кандидат культурологии, член Союза писателей России и Национального союза библиофилов, редакционный совет альманаха «Библиофила России» и журнала «Библиофильские известия». Составитель и редактор альманаха «Вятский библиофил». Автор 350 публикаций на различные гуманитарные (в том числе библиофильские) темы в сборниках, альманахах и журналах, а также книг: «Трифоновна обитель: Заметки краеведа» (1999), «Староверы фелосеевцы Вятского края» (2006), «Жалнина из Медового Клаюча» (Киров, 2007), «История сквозь призму биографий» (2008), «Книжность как феномен культуры» (2008), «Библиофил, писатель, краевед: К 95-летию со дня рождения Е.А. Петряева» (2008), «Этюды об Александре Грише» (2008), «Святая пушкинскую нить» (2010), «Своя Россия» (2011), «Вятка в истории и культуре России» (2012).

Смирнов Геннадий Васильевич (р. 1937), библиофил и коллекционер старопечатных книг. Член МКАМК. Лауреат литературной премии им. Д. Келарина «Зодчие». Публиковался в газетах, журналах с сообщениями о миниатюрных книгах и книжных находках. Автор книг: «Мытшин. Былое», «Память и Памятники», «Были чебыли», «Осколочки».

Тетерин Александр Александрович (р. 1954), муниципальный служащий, библиограф, краевед, библиофил, член Национального союза библиофилов. Составитель и издатель нескольких десятков малотиражных библиофильских изданий; составитель и участник сборника воспоминаний о петербургском искусствоведе, библиофиле П.Г. Мямлине. Регулярно публикуется в периодических всероссийских и региональных изданиях. В районной газете «Госю time» ведет постоянные разделы «Полка библиофила», «Люди и встречи».

Шустрова Людмила Владимировна (р. 1955), кандидат педагогических наук, председатель Совета МСК, член Союза журналистов СССР, главный редактор «Российского экслибрисного журнала», «Альманаха библиофила», директор Музея экслибриса и миниатюрной книги. Автор многочисленных публикаций в альманахах, сборниках и периодической печати, а также учебного пособия «Практическая стилистика русского языка» (1994). Награждена медалью к ордену «За заслуги перед Отечеством II степени», многими правительственными почетными грамотами и медалями, в т.ч. серебряной медалью А.А. Блока за плодотворную работу и в связи с 40-летием «Альманаха библиофила».

Именной указатель

- Абашиндзе И.В. 65
Аверинцев С.С. 63
Аверченко 145
Авритский Ф. 168
Адаисон Д. 158
Азпиров А. 192
Айни К.С. 65
Айгматов Ч.Т. 61, 133, 136
Акеняда М. 158
Акутин Ю.М. 47, 48, 61, 63
Алламов М. 96, 152
Алексеев М.В. 96
Алексеева А. 36,
Альбина А. 55
Альниц Д.А. 211
Алянский С.М. 91
Аминов Г.Г. 132
Аманский В.И. 135
Ананьев А.А. 136
Андроников И.А. 134
Андропов Ю.В. 66
Анисимов А.И. 183
Анненский П. 68
Антонов А. 42,
Антонов И. 42,
Апушкин А.И. 62
Арапова Ю. 97
Армстронг Д. 158
Аршакуни З. 97
Астафьев В.П. 219
Афанасьев М.Д. 208
Ахматова А.А. 68, 81, 209
Бадалов А.А. 106
Бакуменко В.М. 201
Бьяльмонт К. 153, 191
Баранов А.А. 71
Баратынский Е.А. 52
Бартоломеи Ф. 161
Баруздин С. 12, 58, 65
Батлер С. 158
Батлер У. 140
Батюшков К.Н. 52
Бах Р.Р. 192
Бахрушин С.В. 210
Башмаков М. 209
Бейлисон Я. 12, 115
Бекетов А.Н. 92, 93
Белень М. 114
Белков П. 140
Беллоу С. 192
Белоусов И.И. 192
Белоусов Р. 64
Белый А. 101
Белянов Н.А. 197
Бердичевский Я. П. 200
Берестов В.Д. 134
Берков П.Н. 17, 24, 122
Берслей О. 72
Бессалин О.В. 117
Биленькая К.А. 27
Библин П. 96
Бисти Д.С. 67
Благов А.И. 67
Блейк У. 161
Блок А.А. 62, 91-104
Блюм А.В. 48, 49, 50, 55, 80-84
Болотов А. 51
Бондарев Ю.В. 138
Борисова М.А. 125
Бородаев С.Ф. 202
Бородаев Ю.С. 201-204
Борщевский Н.Ф. 179
Брежнев А.П. 63
Брэгг О.М. 73, 148
Брум У. 158
Брюсов В. 100, 155
Бубнов А.С. 191
Будько В. 132
Булаков М.А. 54
Бунин И.А. 95, 96
Бутуралин Д.П. 11
Бухарин Н.Н. 191
Бужкин В.Я. 192
Быков И.В. 15, 22, 76
Вагин В.В. 11, 38, 46, 64
Вагинов К. 50
Вагнер Р. 74
Вакнадн В.Н. 115
Ваалер Э. 158
Валеев А.А. 190
Варава Б.П. 208
Варенцова О.А. 190
Васильев А.Г. 190
Васильев В.М. 197
Васильчиков Б.А. 98
Васильчиков Г.П. 98
Васильчиков И.С. 98
Васильчикова А.А. 98
Васильчикова М. 96
Вястемов Ю.А. 80
Ваттерман А. 95
Веальман А.Ф. 55
Вейгерер А.А. 93
Венелин Ю. 65
Вересаев В.В. 150, 192
Веселовский С.И. 210
Визель Э. 192
Викторов А. 97
Вильборг А.И. 179, 209
Винкельман И. 74
Вислый А. 207
Власов С.М. 93
Власова Д.М. 200
Войков А.А. 170, 171
Вознесенский А.А. 136
Волков А.А. 168
Волков В.В. 105
Волошин М.А. 64, 68, 74, 152, 153
Воровский В.В. 190
Вуль С.А. 12, 115, 118, 197
Вырубов Н.В. 98
Высоцкий В.С. 45, 46
Вяткин М.Г. 106, 107
Гагарин Ю.А. 188, 190
Галаев А. 97-99, 102
Гасевич В.М. 101
Галутин Г. 106
Галичев В.Н. 61, 134
Гаспаров М.А. 87
Гей Д. 158
Гельвещий 146
Гелри О. 155

- Геральц Т. 191
Герцен А.И. 29,
Гётманский Э.Д. 188
Гиллиус З. 96
Гладкова А.М. 83
Глейзер А. 62
Глухов А. 58
Гисдин Н.И. 51
Гоголь Н.В. 44, 155
Гоёе Ф. 74
Голенко В.И. 122, 123
Голике Р.Р. 179, 209
Голыцына Е. 97
Гольбен Г. ма. 74
Голяковский Е. 114
Гончаров А.А. 75
Горбачёва Р.М. 86, 89
Горелкина О.В. 166
Горелов В.Н. 109
Городецкий С. 93
Горская Е.В. 71
Горький А.М. 43, 44, 155, 189
Гоше Ш.Э. 164
Грaбарь И.Э. 173, 174, 178
Грей Т. 158
Грибачёв Н.М. 138
Григъон 159
Гришин Е. 189
Гришин Л.З. 102
Громов А.Н. 106
Гроссман А. 154
Гуаспарь М. 64
Губар П.В. 51, 61
Гуль Р. 152
Гумилёв А.Н. 87, 91
Гуревич М. 192
Даль В.И. 38
Данте А. 80
Дворжак М. 74
Детгарёв А.Я. 100, 210
Делинъон Ж.А. 164
Дельвиг А.А. 52
Демель Р. 71
Демидов А.Н. 193
Денхам Д. 158
Диало Ф. ст. 162
Диало Ф.А. 162
Дизраэли Б. 192
Диллон У. 158
Дюдорров Б. 97
Довгалло Г. 62
Дозорова Н.И. 157
Долудь А. 193
Домини И. 217
Донн Л. 158
Достоевский 155
Драйден Д. 158
Дубинко Т. 93
Дуали М.А. 137
Дюжв Б.И. 192
Дюрер А. 72
Евтушенко Е.А. 46, 101
Егоров Б.В. 85
Енишерлов В.П. 55, 62, 85-104
Епанчин Н.А. 96
Ерёменко В.Н. 67
Ерохин В.П. 63
Ерохина О. 115
Ершов П.П. 30, 32, 34, 50
Есселев Н.Х. 63
Есенин С.А. 67, 197
Жарницкий 140
Жаров М.И. 61, 66
Железнов М.И. 53
Жемчужников В.М. 11
Жижин И.И. 67
Жилин П. 66
Жуков Г.К. 190
Жуков Е.М. 63
Жуковский В.А. 55, 209
Жутовский Б. 97
Завало О. 65
Зайцев Б. 219
Замсгоф А. 192
Запорожец П.К. 190
Згура В.В. 172, 187
Здоров М.В. 197
Землячка Р.С. 190
Зимин А.А. 211
Зиновьев Г.Е. 191
Злочевский Г.Д. 140, 172
Зуев А.С. 116
Иванов А.Д. 179
Иванов В. 152
Иванов В.С. 146
Иванов Вяч.В. 87
Ивановский И.М. 80
Иващенко Н. 58, 66
Ивенский С.Г. 200
Игнатов Г.И. 194-200
Измайлова А. 36,
Ильин К.М. 106-112
Ильинский И.В. 63, 135
Исакова М. 189
Искрин М. 64
Исхаков М. 119-120
Кайзер Б. 26
Калашников А.И. 20, 64, 113-118,
197, 203
Калашникова А.И. 118
Калита Н.И. 197
Кальман И. 192
Камениев А.Б. 150, 191
Камениский В. 40,
Кампанелло 146
Кан В.А. 197
Кара-Мураза С.К. 78
Карасёв Н. 189
Караулов А.В. 102
Кармишин А.И. 110, 111
Карьер Ж.К. 53
Каспаров Г. 189
Кауфман А. 161
Кафка Ф. 192
Кеведао Ф.М.И. 164
Кеменов В.Т. 196, 199
Кинг У. 158
Киплинг Р. 80
Киселёв А.В. 102
Киселёв Н.П. 71
Клочков В. 189
Кнебель И.Н. 115, 178, 179
Кнеллер Г. 160
Кобрин В.Б. 2 211
Кожедуб И. 189
Кожин В.З. 61, 133
Козловский К.С. 129
Козловский Я. 111

- Коллинз У. 158
 Коломинов В. 64
 Колосов М.М. 66
 Колпахчиев А.А. 109
 Кольвиц К. 74
 Комаров В.С. 43
 Комов О. 97
 Конова М. 36
 Константинов Ф.Д. 115
 Кончаловский П. 74, 154
 Корень В. 83
 Королёв А. 67
 Королёв В. 74
 Королёнок 146
 Корпина Е. 102
 Кортвич В.В. 202
 Корчагин Б.А. 65
 Коршунова Н. 66
 Косиор С.В. 191
 Костюк Я.Н. 106
 Котарский С. 114
 Котомкин И.А. 61
 Коули А. 158
 Чочергин Э. 97
 Кравченко А.И. 97
 Красиков П.А. 190
 Красильников В.Г. 20,
 Крейн Л. 125
 Крутликowa Е. 74
 Крупская Н.К. 81, 153
 Крыленко Н.В. 191
 Кузнецов К. 155
 Кузнецова М.Н. 112
 Кузьмин Н. 12, 58
 Кук Т. 161
 Куманьков А. 97
 Куманьков Е. 97
 Кун Б. 191
 Куниин Б.Э. 130
 Курис А. 128
 Куסיиков 150
 Лавочкин С. 192
 Лавров А.В. 62, 70, 101
 Лавров Б.А. 44
 Лавров В. 55, 62,
 Лазарев В.Я. 55, 63, 88
 Лансере Е.Е. 115, 179
 Лапин Н.К. 190
 Ларин Ю. 97
 Ларионова А.Г. 209
 Ласунский О.Г. 6, 11, 15, 48,
 49, 55, 60, 80, 105, 122, 140,
 208
 Лёбарбье Ж.Ж.Ф. 164
 Лебедев Е. 44
 Леванский В. 36,
 Лемченко Е. 131
 Ленин В.И. 59, 66
 Леоненко В.Ф. 197, 199
 Леонидов В.В. 215
 Леонов А. 193
 Леонов А. 67
 Леонов Ю.А. 197
 Лермонтов М.Ю. 44
 Лесман М.С. 55,
 Лесневский С.С. 59, 101
 Лесс А. 11
 Либединская А.В. 93
 Либединский Ю. 155
 Лядин В.Г. 17, 29, 52, 60, 152
 Лисовский И. 151
 Листопад М. 192
 Литвинов А.С. 118
 Литвинов М.М. 190
 Лыхачёв Д.С. 61, 64, 66, 81,
 85-104, 138, 215
 Лобанов В. 55
 Лобанов-Ростовский Н.Д. 98
 Лобурев В.В. 106, 119-132,
 140
 Лобурева А.С. 126
 Ломброзо Ч. 192
 Ломинадзе С. 66
 Ломунова М. 64
 Лондон Д. 146
 Лопятин В.А. 179
 Лосская В. 102
 Лужков Ю.М. 218
 Любимов Н. 62
 Маврина Т. 12, 58
 Македонская Е. 66
 Максвелл Р. 89
 Максимов В.А. 116
 Малер Г. 192
 Маллет Д. 158
 Малышев Ю.Ф. 109
 Мальгина А.И. 172
 Манделштам О. 68, 150
 Маневич С. 192
 Манин Е. 97
 Манукян В.В. 81
 Марков А. 128
 Марков В.Д. 106, 109
 Марков Г. 197
 Маркушевич А.И. 10, 11, 12, 14,
 18, 22-28, 47, 49, 55, 62
 Маркушевич-Ивановская А.В. 27
 Мармыш Е. 106
 Мартынов И.Ф. 48, 49, 50, 82
 Мартынов А. 12, 60
 Марьин В.А. 129, 194-200
 Махонин Ф. 200
 Мацуел Н. 10
 Маштафаров А.В. 175
 Мсаичи М.А. 64
 Медведев Ф. 60
 Мельников А. 218
 Менделеев Д.И. 92, 94
 Менделеева Л. 94
 Мендельсон-Бартольд Ф. 192
 Мильтон Д. 158
 Мильчин А.Э. 61, 63
 Мильчина В. 55
 Минцлов С.Р. 82
 Мирнев В.Н. 135
 Мисочник С.М. 102
 Михайлов М.А. 17, 136
 Михайлова Н.И. 103
 Михайлова Т. 55
 Мигялков С. 43
 Модильяни А. 192
 Молибоженко Ф.Д. 197
 Молодяков В.Э. 209
 Молчанов В.С. 92
 Монне Ш. 164
 Мор Т. 146
 Морова А.М. 135
 Моргимер Д.Г. 161

- Моруа А. 192
 Мосин С.И. 192
 Москин В.А. 218
 Мошков Ю. 65
 Мощенко В.Ф. 116
 Муратов П.П. 173, 177
 Мухин К.М. 97
 Мухина В.И. 192
 Мясников Г.В. 95
 Набоков В. 68, 90
 Назаров И.А. 67
 Назаров Н.Я. 48
 Найт Ч. 158
 Намсарай Ц. 67
 Нансен Ф. 150
 Наппельбаум А.М. 12, 23, 36, 47
 Наровчатова С.С. 60, 136
 Народноцкий Д.И. 192
 Наронович Наронский И. 25
 Нарышкин Э.Д. 171
 Налцокина М.В. 102
 Некрасов Н.А. 44, 62, 151, 155
 Некрошкос Ю.А. 65
 Немировский Е.Л. 14, 18, 22-28, 47, 61, 78
 Нерадовский П.И. 174
 Нестерова М.П. 106
 Никольская С.Н. 106
 Никонов М.П. 55,
 Ногин В.П. 190
 Ноздрин А.Е. 67
 Овсянников А.И. 58, 58, 61
 Ожегов С. 144
 Озеров Л.А. 52, 53, 63, 137
 Окуджала Б. 46, 218
 Онниченко И.Г. 192
 Орлов М.А. 179
 Орлов П. 166
 Осетров Е.И. 9-12, 14, 15, 23, 38-39, 47, 48, 57, 60, 140
 Осипов В.О. 143
 Осоргин М. 11
 Остроумова-Лебедева А.П. 379
 Оффенбах Ж. 192
 Павлов И.Н. 72, 149
 Пазий М.Н. 132-140
 Падиевский П.В. 63
 Пантелеев В. 116
 Пантелеимонов Б.Г. 95
 Пашкин В.А. 198
 Пашутина Е.В. 97
 Перелётчиков В.В. 173
 Перкин В.Д. 204
 Першин С.А. 110
 Петрицкий В.А. 47, 48, 55, 61, 140, 208, 209
 Петряев Е.Д. 11, 28-35, 48, 49, 61
 Петрянов-Сokolov И.А. 64, 66
 Писсаро К. 192
 Плетнёв П.А. 52
 Плеханов 150
 Победин К. 97
 Покитов В.В. 27, 38, 44
 Покровский М. 146, 149
 Покрышкин А. 189
 Поленов Д.В. 169, 170
 Подьярпов Ф. 166, 167, 171
 Полонский В.П. 73
 Поляков А. 55
 Полюков В. 189
 Полякова Т.С. 192
 Попов А.С. 125
 Попов С. 192
 Потова А.С. 176
 Поуп А. 158
 Почтовик П.Д. 12, 105, 107
 Преве Б. 164
 Приходько И.С. 102
 Пришвин М.М. 43, 44, 102
 Проскурин П.А. 61, 138
 Прутков К. 39-40
 Путин В.В. 104
 Пункин А.С. 44, 63, 64, 75, 98, 103, 132, 166, 169, 189, 190
 Пушкин В.А. 103
 Пятницкий И.А. 190
 Рабинович А.Ф. 118
 Рабинович Я.Б. 118
 Радищев А.Н. 52
 Разин А.С. 192
 Рамазанова Д.Н. 169
 Рейн Г. 97
 Рем Д. 71
 Ремизов Л. 95, 96
 Репин И. 96
 Рогожин Ю. 189
 Рождественский В. 12
 Ромина В. 64
 Рост К. 102
 Рубинштейн А. 192
 Руднев В.В. 192
 Рыжковский А. 114
 Рыков А.И. 191
 Рылаев К.Ф. 52
 Рынин Н.А. 50
 Ромин А.А. 88, 95
 Ронин М.Н. 191
 Рязанов А.А. 102
 Савицкая С. 189
 Савостян Н. 36,
 Савостьянов В.А. 41,
 Сагалов Г.М. 128
 Салтыков-Щедрин М.Е. 83, 151, 155
 Самодуров К.В. 195
 Сараяннов Д.В. 87
 Саркисов-Серазини И.М. 51
 Свифт Д. 158
 Северянин И. 68, 191
 Сезанн П. 154
 Сейфулина А. 155
 Селезнёва Е.Л. 197
 Семёвратов В.К. 29
 Серебрякова Г. 155
 Серов В. 96
 Сеславинский 207, 208, 209
 Сигрист А. 51, 61
 Сидоров А.А. 6, 12, 18, 58, 60, 61, 71-79, 122
 Симонн П.К. 62
 Синилов Л.Г. 197
 Силклер У. 146
 Синяков В.П. 131
 Скотов Н.Н. 81, 100
 Скворцов-Степанов И.И. 58
 Скрынников Р.Г. 211
 Слуцкий Б. 61
 Смирнов Г.В. 106, 190, 205

- Смирнов И.И. 210
Смирнова А.Д. 10
Смирнов-Сокольский Н.П. 17, 59, 122
Смушкевич Я. 192
Сноутон Н.90
Сокольников К.К. 193
Солженицын А. 217
Сологуб Ф. 191
Сомервиль У. 158
Сондор А.И. 197
Спектор У.М. 112
Спенсер Э. 158
Сталин И.В. 152
Сваржелевская И.97
Старков В.В. 190
Старостин В.И. 112
Старлинов Н. 111
Стасова Е.Д. 190
Стещенко Н.А. 189
Стотхара 159
Стройло А. 97
Стронгин М.Е. 125
Суворов А.В. 168, 171
Суровежин Н.И. 50
Суровежина Н.А. 50
Сытин Д.И. 18,
Сычев Г.И. 130
Тарковский А.А. 62, 137
Тенета А. 192
Тенин Б.М. 66
Терсков Е.В. 197
Терешкова В. 189
Терновский В.Н. 53
Тесёлкин В. 122, 126
Тестерин А.А. 80
Титов Г. 189
Тихомиров М.Н. 211
Тихонов Н. 150
Толстая Н.В. 189
Толстой А.Н. 24, 44, 152, 155
Толстоногов В.В. 44
Толстяков А.И. 18, 140
Томский М.П. 191
Троицкий Н. 189
Трояновская А.И. 179
Трубачёв О.Н. 66
Тургенев И.С. 11, 151
Угитис П.А. 197
Усов А.А. 197
Успенский А.В. 21,
Утков В.Г. 11, 12, 14, 23, 28-35,
48, 50, 55, 60, 65, 122
Ушяков А. 144
Уэллс Г. 155
Фаворский В.А. 182
Фадеев А.А. 57
Фаяль Р. 192
Фальц-Фейн Э.А. 98
Фяфурин Г.А. 209
Фёдоров И. 28
Фёдоров Ф. 193
Феокистов К. 66
Филонов П. 97
Филыптейн М.Я. 48
Фирсов Г. 61
Флавий И. 192
Флоренский П.А. 90, 191
Франгулян Г. 97
Франк А. 191
Франс А. 155
Фрейд З. 192
Фролов В.А. 197
Фроянов И.Я. 211
Хворощан А. 62
Ходасевич В. 68, 90, 153
Холл Д. 161
Хорошилов В. 189
Хрунов Е. 189
Худолей В.В. 81, 117, 140
Цветасва М.И. 68, 90, 102, 215
Цеткин К. 150
Циолковский К.Э. 50, 190
Цыбин В.Д. 135
Чекарьков В.Н. 188 193
Черкашина Н.А. 27
Черномырдин В.С. 134
Чертков А.И. 140
Черчилль Ч. 158
Чехов А.П. 44, 155
Чосер Д. 158
Чуванов М.И. 58, 64, 67
Чудяков М.О. 52, 54
Чуковская Е.Ц. 91
Чуковский К.И. 91
Чурсин В.А. 109
Чхиквициани Н.И. 65
Шагал М. 192
Шакинко И. 61
Шанявский А.А. 175
Шевчук О. 190
Шейнин М. 189
Шекспир У. 189
Шестинский О.Н. 138
Шниперович Б. 11
Шкловский В.Б. 10, 59, 60,
138
Шмелёв И. 146
Шмидт С.О. 103, 210-219
Шоломов С. 62
Штакельберг Н.И. 129
Шувалов С.Г. 20,
Шушкин В. 197
Шульц Ю.Ф. 25, 54
Шустрова А.В. 9, 12, 28, 113,
140
Щёголев И.Е. 53
Эдинг Б.Н. 172-187
Эдинг Д.Н. 172
Эдинг Н.Д. 172
Эйдельман Н.Я. 52, 54, 219
Эльзон М. 62
Эренбург И. 146, 154
Эфрон Г. 102
Юнг Э. 158
Юсупов Н.Б. 157-165
Языков Д.И. 52
Якимченко А. 74
Якубовский В. 114
Янин В.А. 87
Яновский Э.И. 112
Ярославский Е.М. 191
Яценко Н.И. 130

Содержание

Приветствие Руководителя Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям, Председателя Совета Национального союза библиофилов М.В. Сеславинского.....	7
---	---

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ “АБ” (1973–1977)

Читая альманахи (№1–4).....	12
О.Г. Ласунский. С мечтой и библиофильском рае.....	15
Е.А. Немировский. “Неповторимая индивидуальность собирателя...”	22
В.К. Семибратов. “Хороший отряд книги” (Издания В.Г. Уткова в библиотеке Е.Д. Петряева).....	29
А.М. Наппельбаум – секретарь “АБ” №1.....	36
В.В. Покатов. Встреча в пути (художник Владимир Вагин и “Альманах библиофила”).....	38
В.А. Петрицкий. Сборник “Встречи с книгой”: впечатления и воспоминания	47
Из архива “ВОК–МСК”	57

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ “АБ” (1978–1993)

Читая альманахи (№5–28).....	63
Е.В. Горская. Homo universalis.....	71
А.А. Тетерин. Зрелый возраст, или Всё ещё впереди.....	80
В.П. Енишерлов, Б.В. Егоров. “Визитная карточка русской культуры” (к 25-летию журнала “Наше наследие”).....	85
В.В. Волков. За два года до рождения “АБ”.....	105
М.Г. Вяткин. Десять лет в эпоху перестройки.....	107
Л.В. Шустрова. А.И. Калашников – неизвестные страницы из жизни художника.....	113
М. Кабаков. “Набережная библиофилов”	120
Авторы “АБ” в кадре фотохудожника (фото – М. Пазий)	133

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ “АБ” (1994–2013)

Читая альманахи (№29–36).....140

КНИГА И ЖИЗНЬ

В.О. Осипов. Что читали 90 лет тому назад? (путешествие по газете “Книгопопа” с напоминаниями о тревогах наших дней)143

Н.И. Дозорова. Малоформатные издания в книжном собрании князя Н.Б. Юсупова157

О.В. Горелкина. Тамбовский экземпляр “Лексикона трехязычного...” Фёдора Поликарпова166

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

Г.Д. Злочевский. Влюблённый в древнерусское искусство (к 125-летию со дня рождения Б.Н. фон Эдингга).....172

РЕЗЦОМ И КИСТЬЮ

Э.Д. Гетманский. Графическое отражение мысли.....190

В.А. Марьян. О прошлом и настоящем асиновского клуба “Экслибрис”194

ЮБИЛЕИ

В.М. Бакуменко. Ю.С. Бородаев – учёный, коллекционер, библиофил (к 90-летию со дня рождения)201

ХРОНИКА

Г.В. Смирнов. Сохранённые письма.....205

Новости НП “НСБ”207

IN MEMORIAM

А.Я. Дегтярёв. Сигурд Шмидт – выдающийся российский гуманитарий.....210

В.В. Леонидов. “Ещё, как патриарх, не древен я...”215

Коротко об авторах220

Именной указатель225

**Альманах
библиофила**

Выпуск тридцать шестой

Корректор *Н.Н. Ларченко*
Вёрстка *Воронцова Т. 1.*

Сдано в набор 01.10.2013. Подписано в печать 02.12.2013.
Формат 60x84 1/16. Печать офсетная. Бумага офсетная № 1.
Усл. печ. л. 14,5. Тираж 500 экз. Заказ № 127.

Международный союз книголюбов
107031, Москва, ул. Пушкинская 7/5 стр. 2
<http://www.knigoluby.ru>
e-mail:knigolub@co.ru
Тел.: (495) 621-82-21, факс: (495) 621-46-26

Отпечатано в ООО ПФ «Полиграфист»,
160001, г. Вологда, ул. Челюскинцев, 3.